

ЧФ: СОЦИАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГ

2012 выпуск №2 (24)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

В.В.Козлов
ОСОБЕННОСТИ
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ 3

Лебедько В.Е.
ФИЛОСОФИЯ АВАНТЮРИЗМА И ДЕЦЕНТРАЦИЯ СУБЪЕКТА
В ПСИХОТЕРАПИИ И ЗАДАЧАХ СОЦИАЛЬНОГО ДИЗАЙНА 15

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

И.Г. Артемьева
ИСТОРИЧЕСКИЙ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ ПРОЦЕССА
ПОДБОРА И РАССТАНОВКИ КАДРОВ 31

В.А.Мазилев
ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ ПСИХОЛОГА
В СОВРЕМЕННОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ 33

Н.В. Ключева
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ГОСУДАРСТВЕН-
НЫХ СЛУЖАЩИХ 41

Смагулов Б.С., Козлов В.В.
РОССИЙСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ ТРАДИЦИЯ О СУЩНОСТИ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЭЛИТ 46

ЭКСПЕРИМЕНТ И ТЕХНОЛОГИЯ

<i>Козлов В.В., Абдулаева А.В.</i> ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНТОВ В ИЗМЕНЯЮЩИХСЯ УСЛОВИЯХ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ	57
<i>А.А. Костылева, Е.Н. Костылев</i> ДУХОВНОСТЬ КАК РЕСУРС ЛИЧНОСТИ И ПРОБЛЕМА ЕЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	67
<i>В.Г. Морогин, К.В. Морогина</i> ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ РОДОВОЙ ПОДСТРУКТУРЫ ЦЕННОСТНО-ПОТРЕБНОСТНОЙ СФЕРЫ ЭТНОСА	77
<i>Сандомирский М.Е.</i> СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МАССОВОЙ ПСИХОТЕРАПИИ И ПРЕДОТВРАЩЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ЭПИДЕ- МИЙ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ	85
<i>Петренко В.Ф.</i> ПСИХОСЕМАНТИКА СОЗНАНИЯ КАК ФОРМА КОНСТРУКТИВИЗ- МА И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МАТЕМАТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ	97
Сведения об авторах	117

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

В.В.Козлов

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ

Статья посвящена теоретическому анализу кризисов социального Эго, их классификации и содержательному описанию в русле интегративной психологии.

Ключевые слова: Кризис, личность, группа, взаимодействие, переживание, отношение, эмоции, поведение

Annotation

Of the article is devoted to theoretical analysis of social crises of the ego, their classification and meaningful description in line with integrative psychology.

Keywords: Crisis, identity, group interaction, experience, attitudes, emotions, behavior

В последнее время понятие кризиса стало центральным во многих экономических, политических, социологических, психологических исследованиях. Причины, как всегда, имеют вполне объективное происхождение:

1) цивилизационный кризис – мирового масштаба, в который могут быть вовлечены все жители земли (мировой экономический кризис, глобальный экологический кризис и др.)

2) кризис в больших общественных системах (можно говорить о политическом, экономическом, идеологическом, морально-этическом, национальном и т.д.) в этнических группах, социальных стратах, государствах и др.

3) кризисные явления в малых социальных общностях (семья, трудовые, научные, учебные группы и др.)

4) диадный кризис – эмоциональные, коммуникативные, поведенческие, когнитивные трудности в парном взаимодействии.

5) кризис личностный.

Из всех вышеперечисленных кризисов мы хотим более подробно раскрыть кризисы личностные, детерминированные социальным контекстом функционирования. Выбор предмета нашего анализа обусловлен тем, что он более всего знаком читателям по своим переживаниям. С другой стороны, все вышеперечисленные кризисы проходят как в процессуальном, так и структурно-функциональном аспектах по единым законам, которым подчиняется развитие всех живых сложных систем (в нашей предметной области - начиная от личности и заканчивая человеческой цивилизацией).

Личностные кризисы, хотя с ними человек сталкивается в обычной жизни повседневно, не являются объектом столь пристального внимания, а самые значимые из них, так называемые психодуховные и экзистенциальные кризисы, зачастую вовсе обходятся вниманием научного сообщества.

Для того, чтобы изложение материала было более предметным, мы хотим вначале определить понятия, которыми будем оперировать в данной работе.

Под личностным кризисом мы понимаем состояние внутренней дезинтеграции личности, вызванное ситуацией невозможности решить важнейшие жизненные проблемы привычными способами, в результате которого возникает дисбаланс в жизни и деятельности человека, неразумное с точки зрения личности и неадекватное в социальном аспекте поведение, срыв нервно-психического и соматического состояния, предполагающее существенную перестройку личности и ее связей с окружающим миром.

Личностный кризис всегда является критической ситуацией, связанной с внутренними противоречиями, неопределенностью, с переживанием невозможности превозмочь жизнь и реализовывать ее внутренние необходимости.

Личностный кризис мы также можем обозначить как фрустрацию интегративных способностей человека, когда личность не может инструментировать разрешение кризиса, опираясь на свой прошлый опыт и предпосылку кардинальной трансформации.

Под кризисным состоянием мы имеем в виду временную внешне ситуационно обусловленную, или внутренне детерминированную дезинтеграцию личности.

К внешним причинам относятся: утрата источника удовлетворения базовых человеческих потребностей (увольнение с работы, потеря жилища во время пожара, смерть любимого человека, вынужденная разлука со значимым другим).

К внутренним причинам относятся физиологические или психологические

изменения, возникающие например, в пубертате, во время беременности, в менопаузе, в старости, при тяжелых болезнях, переутомлении, угрозе смерти.

В методологическом отношении личностный кризис можно обозначить как некую прерывность в линейной области эволюции личности как сложной системы. При этом существует бинарность векторов дезинтеграции:

позитивная интеграция, когда кризис является неким условием и шагом в новое качество, новый уровень целостности. Данная интеграция отличается преобладанием конструктивности личности, повышением адаптивности и общей витальности, а также увеличением творческого потенциала. Позитивная интеграция является необходимым этапом в эволюции личности. К позитивной интеграции можно отнести возрастные кризисы, а также так называемые психодуховные кризисы, приводящие к огромным по силе и новизне творческим всплескам на новых уровнях целостности.

С позитивной интеграцией мы связываем понятие кризисного состояния как временной неустойчивости в линейной эволюции личности, причем успешное разрешение кризисного состояния сопровождается ростом сопротивляемости личности за счет расширения совокупности усилий, которые человек может направить на преодоление кризиса.

негативная дезинтеграция, как правило, сопровождается деструктивными изменениями личности, снижением общей устойчивости, уровня сбалансированности, большей фрагментарности, внутренней конфликтности, раздражающего напряжения и тенденцией к социальной аутизации личности. Личность теряет

энергию, общую витальность. Уменьшается коммуникативность, личность теряет социальные связи. Негативная дезинтеграция может привести к психопатическим сдвигам, депрессии, к астении, к психосоматическим болезням, иногда к суицидным намерениям и к смерти.

С негативной дезинтеграцией мы связываем понятие кризисной личности, т.к. именно она создает предпосылки формирования контингента клиентов социальных работников, психологов, психиатров – бомжей, безработных, наркоманов, преступников, алкоголиков и т.д.

Сразу хочется отметить факт чрезвычайной важности: личностный кризис всегда является вызовом эволюции человека как биопсихологического существа и, если личность не воспринимает этот вызов, то возникает вероятность порождения кризиса такой интенсивности, который сметает личность своей глубиной и мощью. В крайних случаях мы имеем варианты или личностной смерти (патологии с потерей персоны), или полной личностной инволюции (социальные аутсайдеры).

На наш взгляд, чрезвычайно важна своевременная помощь людям в состоянии жизненных кризисов. Личностный кризис должен в ближайшее время стать объектом пристального научного и практического внимания не только со стороны социальной работы, прикладной практической психологии и психотерапии, но и теории и методологии этих наук.

Данная работа вызвана к жизни высокой социальной значимостью проблемы личностных кризисов в современном обществе.

Социальные кризисы имеют большое разнообразие и могут быть инициирова-

ны следующими факторами:

1. Потеря интегративного статуса (работы или учебы)

2. Потеря или деструктивное выполнение для личности значимой социальной роли

3. Деформация значимых социальных связей, которые провоцируют сильные эмоциональные переживания и обозначаются личностью как крупные неудачи:

- конец значимых любовных отношений,
- чрезмерное пребывание в агрессивной среде,
- развод,
- потеря лидерских позиций,
- изгнание из значимой социальной общности,
- вынужденная социальная депривация,
- длительное насильственное пребывание в несвойственной роли.

Давайте разберем все это разнообразие кризисных феноменов социального характера.

1. Потеря интегративного статуса (работы или учебы).

Потеря работы или учебы в личностном отношении является всегда кризисным явлением, связанным с потерей интегративного социального статуса вследствие увольнения, сокращения штатов, пенсии, банкротства предприятия или дисквалификации. Потеря работы чаще всего приводит к разрыву сложившейся системы, к разрушению субъективного мира, изменению психического состояния человека, другими словами, человек переживает личностный кризис, состояние, когда возникает дисбаланс в жизни и деятельности человека, по причине которого возникает неразумное с точки зрения личности и неадекватное в социальном

аспекте поведение, поступки и действия, а также срыв нервно-психического и соматического состояния.

Потеря работы имеет определенную динамику, в которой мы можем проследить разные фазы:

1. Неопределённость, шок, страх и эмоции выступают как факторы риска, при которых человек подвержен другим неприятностям: болезням, несчастным случаям. Наиболее сильным патогенным фактором является не только сама потеря работы, но и угроза, что это произойдёт.

2. Субъективное облегчение и приспособление к сложившейся ситуации (спустя 3-4 месяца после потери работы). Облегчение из-за наличия свободного времени, появление удовлетворения жизнью, активные поиски новой работы.

3. Утяжеление состояния – данное положение уже не воспринимается как отдых (после 6 месяцев отсутствия работы). Происходят деструктивные изменения, касающиеся здоровья, психики, социального положения личности, разрушаются жизненные привычки, интересы, цели, дефицит активного поведения. Личность не может противостоять неприятностям, не менее приятны колебания, связанные с появлением надежды найти работу и потерей этой работы, потерей самой надежды на неё. Всё это может привести к прекращению поисков работы. Плохо, когда нет временной, сезонной, черновой работы.

4. Беспомощность и примирение со сложившейся ситуацией, состояние апатии возрастает с каждым месяцем, потеря надежды, прекращение попыток найти работу, привыкание к бездеятельности.

Потеря учебы тоже имеет ту же самую динамику.

Потеря работы или учебы имеет множество последствий, которые приводят к деструктивным изменениям социального интерфейса личности.

Во-первых – нарушается система общественных отношений, в которую включен человек через интегративный статус и которая формирует его субъективное отношение ко всем сторонам действительности. Потеря работы приводит в социально-психологическом аспекте к деструктивным изменениям всей системы отношений человека к окружающему миру и к самому себе.

Интегративный статус функционально определяет жизненную направленность, систему отношений человека, сферу его ценностей, чувство принадлежности к определенной социальной страте, профессии. Это то социальное положение, на которое направлена активность человека, он диктует способ жизни, ценностную ориентацию, мотивацию, мировоззрение и т.д. это некое осознаваемое статусное отождествление (директор, бизнесмен, токарь, педагог) или отождествление с совокупностью качеств (преуспевающий, уважаемый, компетентный). Интегративный статус это еще и самооценка своего материального благосостояния, а также поведение в соответствии со стандартами, нормами, принятыми в определенной социальной группе, к которой относит себя человек. Через работу человек удовлетворяет базовые потребности в энергии (в том числе и денежной), уважении, чувстве принадлежности, значимости.

Потеря работы потому и является кризисом, что вместе с ним сокрушаются опорные точки социального Эго и крушится система базовых отношений и ценностей личности и любая реабилита-

ция связана с их восстановлением и или новым простаиванием.

2. Потеря или деструктивное выполнение для личности значимой социальной роли

Кроме интегративного статуса в личности существуют так называемые главные роли, которые по своему субъективному психологическому содержанию не менее важны.

Для женщины это роль матери, которая является решающей в жизни женщины, а беременность, роды, материнство – это не только определенные ступени развития зрелой женской идентичности, но и экзистенциальный смысл самого существования женщины. Особенности функций матери, ее ролевой реализации обуславливают целый и богатый мир особенностей ее поведения, переживаний, установок. В реализации роли матери переплетаются личностные особенности женщины, ее история жизни, адаптация к супружеству, опыт взаимодействия с собственной матерью, особенности семейной модели материнства, возможность взаимодействия с младенцами и появление интереса к ним в детстве.

В привычной нам культурной среде материнство – одна из главных ипостасей женского стереотипа, а социальные характеристики материнской роли очерчены весьма определенно и ей приписывается большее значение в деле первичной социализации.

С другой стороны – роль матери является для женщины способом целостной самодостаточной социальной реализации и в прямом смысле вырастить ребенка или детей уже является полноценным обоснованием психологического и обще-

ственного смысла, миссии женской судьбы.

Роль матери предполагает предельную ответственность за ребенка и потому материнство всегда ассоциировано со зрелостью, материальными, социальными и духовными ресурсами для воспитания ребенка. Преждевременная беременность (подростковая) становится по этой причине кризисом как для самой девочки, так и для семьи и социального окружения. Поздняя беременность (за пределами 45-50 лет) так же не поощряется социумом по этой же причине.

Вне сомнения временные рамки имеют условный смысл и отличаются в зависимости от культурной принадлежности женщины. В конце концов Дева Мария родила Иисуса в раннем пубертате (в 13 лет), а великий Будда был рожден Маха Майей в 46 (весьма престарелом для той эпохи возрасте). Не смотря на это социальное регулирование возраста беременности является фактом весьма существенным.

Невозможность реализовать роль матери (выкидыш, аборт, смерть ребенка в младенчестве) являются не просто кризисом, но и могут стать жизненной катастрофой, лишаящим женское существование всякого смысла.

И на мой взгляд, запрет абортов во многих духовных традициях является гуманистичным не столько по отношению к нерожденному ребенку, а сколько к самой женщине, так как ее судьба приобретает эволюционный смысл в том случае, если она рожает и в рожденном ребенке оставляет свою личность, не прерывая Великую цепь бытия мира человека.

Для мужчины это роль отца, которая может стать достаточно важной и даже

системообразующей по своим переживаемым ценностям и деятельностным смыслам.

Следует признать, что потеря роли отца не имеет такой трагической выраженности, как потеря роли матери. Это связано с большей нормативной неопределенностью отцовской роли по сравнению с материнской. Это является следствием того, что:

а) отцовские функции биологически «объективно» менее значимы и их труднее конкретизировать;

б) исторически они институционализируются гораздо позднее;

в) распределение материнских и отцовских функций базируется на более общей полоролевой дифференциации и имеет как социальные, так и биологические предпосылки.

В традиционной патриархальной семье, свойственной в большой степени русской ментальности, для которой и пишется эта книга, отец выступал как:

а) кормилец,

б) персонификация власти и высший дисциплинатор,

в) пример для подражания, а нередко и непосредственный наставник во внесемейной, общественно-трудовой деятельности.

В современной городской семье эти традиционные ценности отцовства заметно ослабевают под давлением таких факторов, как женское равноправие, вовлечение женщин в профессиональную работу, тесный семейный быт, где для отца не предусмотрено пьедестала, и пространственная разобщенность труда и быта. Сила отцовского влияния в прошлом коренилась прежде всего в том, что он был воплощением власти и инструментальной эффективности.

Но несмотря на все вышесказанные особенности отцовской роли, потеря или невозможность ее реализации может стать причиной кризиса.

Невозможность реализации отцовской роли (половая дисфункция, холостой образ жизни) являются кризисными в тех ситуациях, когда или в родовом сценарии, или в социальной культуре предположены представления о том, что «Настоящий мужчина он всегда отец семейства», что вот если «не родил и не воспитал сына, то и не мужчина вовсе».

Что касается потери роли отца по причине смерти детей, то эта ситуация почти всегда переживается как мощный стресс, особенно катастрофически, если в родовой или этнической культуре чадолюбие является добродетелью и высшей ценностью. Особенно трагичны кризисные переживания отца при потере ребенка, если он эмоционально вовлечен в процесс воспитания ребенка, ухода за младенчеством.

Кризисы роли жены, мужа, ребенка

Из ролевых идентичностей наиболее важными являются роли семейные – жены, мужа, ребенка. Кризисы этих ролей связаны с разлукой с референтными значимыми другими родственниками (женой, мужем, ребенком), прекращения отношения с ними (развод, измена, длительная разлука) или с их смертью.

Если разлука и прекращение отношений могут быть причиной достаточно сильных негативных и деструктивных для личности кризисных состояний, то смерть как правило связана с горем и страданием кризиса потери.

Согласно Карлу Абрахаму переживание горя возникает в связи с «интроекци-

ей объекта любви», и в упрямом протесте против реальности утраты образ любимого в глазах скорбящего приобретает все более яркие краски. Это оказывает защитное действие, поскольку утрата во всей своей необратимости постигается постепенно, шаг за шагом, к чему и сводится переживание горя.

Теория дифференциальных эмоций считает горе сложной структурой, включающей фундаментальные эмоции и аффективно-когнитивные взаимодействия. Ее создатель, К.Изард полагает, что ядром горя является страдание. Оно выполняет ряд функций: (а) сообщает, что человеку плохо, (б) побуждает предпринять действия для его уменьшения, устранения причины или изменения отношения, а также (в) облегчает сплочение людей внутри групп (семьи или общества).

Феноменология горя и его понимание как процесса стали объектом психологического исследования после появления ставшей классической работы американского психиатра Э.Линдемманна «Симптоматология и работа острого горя» (1944), впервые описавшего его динамику и разработавшего понятие «работа горя», о котором упоминал еще Фрейд, описывая свой первый случай Анны О. в «Исследованиях истерии» (1895).

Горе характеризуется следующими проявлениями.

1. На первый план выступает физическое страдание в виде периодических приступов, длительностью от нескольких минут до часа со спазмами в горле, припадками удушья, учащенным дыханием и постоянной потребностью вздохнуть. Впоследствии постоянные вздохи сохраняются длительное время, и вновь ста-

новятся особенно заметны, если человек вспоминает или рассказывает о своем страдании. Ощущается чувство пустоты в животе, потеря аппетита, мышечной силы; малейшее движение становится крайне тягостным и почти невозможным, от незначительной физической нагрузки возникает полнейшее изнеможение. На фоне этих телесных признаков человек испытывает психическое страдание в виде эмоционального напряжения или душевной боли. Отмечаются изменения ясности сознания: возникает легкое чувство нереальности и ощущение увеличения эмоционального расстояния, отделяющего человека от других людей.

2. Поглощенность образом утраченного. На фоне некоторой нереальности могут возникать зрительные, слуховые или сочетанные иллюзии. Переживающие горе сообщают, что слышат шаги умершего, встречают его мимолетный образ в толпе, узнают знакомые запахи и т.д. Такие состояния отличаются особой эмоциональной охваченностью, под влиянием которой может утрачиваться грань между переживанием и реальностью.

3. Чувство вины. Горюющий пытается отыскать в событиях и поступках, предшествующих утрате, то, чего он не сделал для умершего. Малейшие оплошности, невнимания, упущения, ошибки преувеличиваются и способствуют развитию идей самообвинения.

4. Враждебные реакции. В отношениях с людьми снижается или исчезает симпатия, утрачивается обычная теплота и естественность обращения, нередко о происходящем человек говорит с раздражением или злостью, выражает желание, чтобы его не беспокоили. Враждебность иногда возникает спонтанно и оказывает-

ся необъяснимой для горюющих. Некоторые принимают ее за начало грядущего безумия. Другие стараются контролировать вспышки гнева, что удается далеко не всегда. Постоянные попытки держать себя в узде, приводят к особой манерно-натянутой форме общения.

5. Утрата прежних, естественных моделей поведения. В поступках отмечается торопливость, суетливость, человек становится непоседливым или совершает хаотические действия в поисках какого-либо занятия, но оказывается совершенно не способным к простейшей организованной деятельности. Со временем он по сути вновь осваивает круг повседневных дел.

Эти повседневные дела, естественно, прежде всего теснейшим образом оказываются связанными с потерей. Горюющим очень часто приходится «учиться» их делать, поскольку проявляющаяся активность воспринимается лишенной какого бы то ни было смысла.

6. Идентификация с утратой. В высказываниях и поступках человека появляются черты поведения умершего или признаки его последнего заболевания. Как правило, идентификация с утратой становится следствием поглощенности образом утраченного.

Переживание острого горя и страдания не обязательно при кризисе утраты близкого человека. Человек может переживать и облегчение (например, когда человек долго болел), чувство освобождения (если были напряженные и амбивалентные отношения с умершим).

Но очень редко смерть близкого оставляет человека равнодушным. З.Фрейд еще в 1919 году писал, что едва ли существует какая-либо иная область, где мыш-

ление и наши чувства с незапамятных времен изменились столь мало, а древнее под тонкими покровами сохранилось так хорошо, как в нашем отношении к смерти.

Думаю, что ситуация за сто лет не изменилась.

С потерей близкого человека мы теряем не только часть себя, энергии, силы, часть своей значимой биографии, которую прожили с женой, отцом или матерью, но и разрываем ткань своей личности, часто оставляя зияющую дыру и экзистенциальную пустоту в душе.

Особенности ролевых кризисов

Социальное Я касается статусов, которые занимает человек, ролей, которые выполняет человек, и неких общих характеристик, качеств личности, с которыми осознание самоидентифицируется. Другими словами это некое осознаваемое ролевое отождествление (отец, мать, мужчина, доцент), или отождествление с совокупностью качеств (порядочный отец, добрая мать), или сами качества, соотношенные с фрагментами «Я» (умный, хитрый, проницательный).

Как мы неоднократно указывали, у человека множество ролей, которые он выполняет ежедневно и ежечасно. Специфика их выполнения зависит от **социальной идентичности**, переживания и осознания своей принадлежности к тем или иным социальным группам и общностям, которая позволяет ему оценивать свои социальные связи и принадлежности в терминах «Мы» и «Они». В этом смысле любые деструктивные изменения гендерной, стратовой, клановой, кастовой, профессиональной, имиджевой или другой социальной идентичности при-

надлежность могут стать мощным кризисом, разрушающим личность. Сила этих кризисов зависит от уровня значимости этих ролей во внутренних личностных эмоционально переживаемых смыслах. Особенно разрушительными ролевые кризисы являются в тех случаях, если они являются системообразующими для жизни и деятельности личности и являются разрушительными для **самоидентичности** - единства и преемственности человеческой активности, целей, мотивов и смысложизненных установок личности, осознающей себя субъектом.

Разрушение возможности реализовать субъективно значимые ролевые сценарии может быть губительным для самости, целостного представления о себе, отрефлектированного в терминах собственной биографии, для способности поддерживать и продолжать некий нарратив, историю собственного Я, сохраняющего свою цельность, возможность мыслить и обоснованно интерпретировать свое бытие и мир с точки зрения внутренней позиции

3. Деформация значимых социальных связей, которые провоцируют сильные эмоциональные переживания и обозначаются личностью как крупные неудачи.

К данным кризисам мы отнесли конец значимых любовных отношений, чрезмерное пребывание в агрессивной среде, потеря лидерских позиций, изгнание из значимой социальной общности, вынужденная социальная депривация, длительное насильственное пребывание в несвоей роли. Вне сомнения, все они связаны с социально-психологическими особенностями выполнения различных ролевых сценариев, но мы решили их

проанализировать их отдельно в силу особого интереса с точки зрения кризисологии.

Конец любовных отношений

В этом параграфе мы не будем описывать само чувство любви

Текстов по этому поводу написано много, а суть все таки приходится в каждый раз открывать самому. Что касается кризиса конца любовных отношений, его глубина вне сомнения зависит от эмоциональной вовлеченности в сам процесс любви, личностной значимости объекта любви, смыслов, ценностей и переживаний, вложенных в отношения любви. Все эти переменные могут повлиять на глубину кризиса от легкой эмоциональной встряски до экзистенциональной тоски или суицида от потери смысла жизни.

Если сама инициация в любовные отношения между людьми весьма спонтанна, а процессуальная динамика полна разнообразия, то **основные последствия кризиса любовных отношений весьма закономерны.**

Этот кризис приносит тяжелую душевную травму в сам момент расставания с любимым человеком, приводит к потере сил, апатии, к возможному ухудшению здоровья, к психосоматическим болезням. В психологическом отношении личность получает болезненный удар по своему самолюбию, что может привести к резкому занижению самооценки, мнительности, тревоге, самообвинительным и депрессивным тенденциям. Вследствие кризиса любовных отношений возможно общее изменение характера, поведения и мировоззрения человека, общего витального и психоэмоционального тонуса, пострадавшего от собственной чрезмерной

наивности, или, напротив, самоуверенности в любовной драме.

Кризис может привести к полной переоценке характера отношений с любимым человеком, их ценности, девальвации усилий и личность может переживать экзистенциальный абсурд прожитой жизни от впустую потраченного времени (иногда годов и десятилетий жизни).

Кризис усугубляется, если несет дополнительно ощутимые материальные и финансовые потери.

Дополнительными факторами, влияющими на глубину кризиса, являются социально-психологические детерминанты. К ним мы можем отнести такие, как заметный удар по репутации и статусу. Прерывание длительных любовных отношений становится объектом обсуждения и сплетен множества знакомых и незнакомых людей. К социально психологическим факторам мы можем отнести отставание по учебе или темпам карьерного роста от окружающих, так как любовь часто требует больших временных и энергетических вложений от личности.

Конец любовных отношений часто приводит к мучительным постлюбовным страданиям, которые иногда длятся годами и иной раз приводят к глубоким депрессиям, психическим расстройствам и самоубийству.

К наиболее важным социально-психологическим последствиям длительного характера является катастрофическое непонимание того, как человек мог ошибиться в объекте любви, кого так искренне и нежно он любил, разочарование во всех представителях противоположного пола.

Как следствие проявляется раздражительность и подозрительность по отно-

шению к партнерам по новым любовным отношениям. При этом происходит формирование таких комплексов «брошенного человека», которые затрудняют не только вступление в новые любовные отношения, но и заметно мешают обычному повседневному общению с окружающим миром.

Таким образом, любовь может и является подарком Бога, но очень рискованным.

Что касается потери любви, то явно это наказание, но всегда по справедливости, ибо цены всегда высоки и иногда невыносимы для человека, даже для такого великого и большого его пространства бытия в мире, как душа.

Чрезмерное пребывание в агрессивной среде

Этот кризис является следствием изоляции и отчужденности личности от культурной и ценностной среды и в основном имеет социально-психологический контекст.

В этом смысле любая «чужая», «иная» культурная среда, в которой по своей или чужой воле может оказаться человек, воспринимается личностью агрессивной. Это может сопровождаться неприятными чувствами - потерей друзей и статуса, отверженности, удивления и дискомфорта при осознании различий между культурами, а также путаницы в ценностных ориентациях, социальной и личной идентичности.

Чрезмерное пребывание в агрессивной среде приводит к феномену шока: общая тревожность, раздражительность, недостаток уверенности в себе, депрессия. Ощущения потери контроля над ситуацией, собственной некомпетентности и не-

исполнения ожиданий могут выражаться в агрессивности и враждебности по отношению к среде обитания.

Агрессивная окружающая среда начинает оказывать свое негативное воздействие при первом акте его восприятия личностью независимо от того, какие факторы этого пространства переживаются личностью как опасные (природные, средовые социальные, духовные). Личность сталкивается с некомфортными, деструктивными, опасными условиями для своей жизни и для выживания.

Кризис агрессивной среды всегда приводит к разочарованию, замешательству, фрустрации и депрессии, ситуации, когда человек переживает свою никчемность и ничтожность перед средой. В этой ситуации всегда возникает стремление или убежать от реальности (аутизация, сон, галлюцинация, помешательство), или найти хоть когонибудь для общения и поддержки (изгой, животное или даже неодушевленный предмет).

Чрезмерное пребывание в агрессивной среде проявляется в серьезных болезнях и чувстве полной беспомощности, аннигиляции личности, потери своеволия, деперсонализации. Во многих смыслах агрессивная среда способна уничтожить основы личности вплоть до самых глубин нравственности, ценностных смыслов, мотивации.

Потеря лидерских позиций

Если считать, что лидерство как социально-психологическое явление существует во всех человеческих обществах независимо от культурной, исторической и экономической идентичности, то сам феномен кризиса потери лидерских позиций мы должны признать достаточно распространенным.

Лидерство - стержневой процесс организации группового поведения. Без лидерства не существует группы. Таким образом, потеря лидерских позиций связана с потерей возможности управлять группой, контролировать процессы, происходящие в группе и быть значимой личностью в групповом пространстве.

В современных условиях лидерство основано на основном принципе - принципе превосходства. Лидер непременно должен в чем-то превосходить других членов группы (умственное, моральное превосходство, превосходство в силе, опыте, статусе, образовании, и т.п.). Потеря лидерских позиций во многом является значимым потому, что теряется чувство превосходства и значимости для участников группового процесса.

Лидерство всегда связано с непременным желанием личности стать ведущим и значимым, и в последующей деятельности удержать за собой эту роль.

И в этом аспекте кризис – всегда фрустрация мотивации. Лидерство всегда ассоциировано с более высокой активностью, большей осведомленностью и заинтересованностью. Лидер пользуется неформальным авторитетом - его охотно выслушивают, обращаются к нему за советом, относятся к нему с особым уважением.

Как известно, лидер выполняет в групповом пространстве множество функций: исполнительская (координация всех действий группы), планирующая работу группы, функция установления целей и основных средств достижения их, информационная функция, функция представительства группы во внешних связях, контроля внутренних связей членов группы, функция поощрения и наказания, функция арбитра и посредника.

Эти функции и являются основанием авторитета лидера: вознаграждение за работу, наказание за невыполнение, умение направлять работу группы, обладание лидером ценностями, которые дают “право” влиять на группу, проницательность.

Все функции лидера в конце концов вплетаются в его осознанную деятельность в группе, а невозможность реализации функций переживается как невосребованность самой личности.

Кризис потеря лидерских позиций, таким образом, хотя и является по сущности социально-психологическим, затрагивают многие аспекты функционирования самой личности лидера – мотивационную, ценностную, структурно-деятельностную, смысловую.

Кризис, вне сомнения, на все эти вышеуказанные аспекты влияет деструктивно, снижая самооценку и мотивацию деятельности вплоть до полной девальвации личностных смыслов, вызывая апатию, скуку, депрессивные тенденции, активизируя чувство невосребованности, ничемности и абсурда, а часто еще и вины, агрессии, враждебности, несправедливости и отверженности.

Вынужденная социальная депривация

Кризис вынужденной социальной депривации всегда связан с репрессированным одиночеством, тяжёлым эмоциональным переживанием, овладевающим чувствами, мыслями, поступками личности. При этом доминируют отрицательные эмоции (тоска, страх, ощущение покинутости, безволия, отчаяния, ненужности, насилия, отчужденности и др.

Кризис вынужденной социальной депривации детерминирован ситуацией внешне-го отчуждения, которая приводит к внутренней отчужденности (как специфической защитной реакции) и чувству одиночества, может быть вызвана неудовлетворенностью потребностей на трех уровнях: эмоциональном, когнитивном и психосоциальном.

1. Депривация эмоциональная может быть рассмотрена как недостаточная возможность для установления интимных эмоциональных отношений с каким-либо лицом или разрыв подобных эмоциональных связей, если таковые уже были созданы: эмоциональная холодность родителей, отвержение со стороны сверстников, потеря друзей, полная социальная изоляция, когда купированы все коммуникативные потребности т.д.

2. Депривация когнитивная определяется как результат изменчивости, хаотичности структуры внешнего мира без четкого упорядочения и смысла, которая не дает возможности понимать, предвосхищать и регулировать происходящее извне: при полной или частичной вынужденной изоляции субъективное конструирование условий реальности сведена к минимуму – более того – через некоторое время возникает спутанность мыслей, истые галлюцинации, активация беспорядочных мыслей на фоне возникающих фобий, невозможность сосредоточиться.

3. Депривация социальная возникает не только как результат ограничений возможностей для усвоения автономной социально-психологической роли, но и как вынужденные социальные контакты с непривычными или чуждыми людьми (например в условиях тюремной изоляции), а также депривация привычного со-

циального окружения и изоляция от эмоционально значимых референтных лиц

Кризис вынужденной социальной депривации и изгнание из значимой социальной общности обладают аналогичными социально-психологическими, аффективными и когнитивными компонентами. Глубина переживания этих кризисов зависит от многих переменных, начиная от сензитивности к процессам депривации и заканчивая силой вынуждения репрессивных сил, формирующих условия социальной депривации или изгнание из значимой социальной общности

Таким образом, мы провели конспективный анализ кризисов социального Эго. Данную работу мы продолжим в ближайшее время в аспекте экспериментального и теоретического исследования, так как считаем данную проблему чрезвычайно важной как в научно-исследовательском, так и в практическом отношениях.

1. Абрахам К. Характер и развитие. Изд-во ERGO, 2007 – 180 с.

2. Изард К. Э. Психология эмоций. — СПб.: Издательство «Питер», 1999. — 464 с.

3. Козлов В.В. Работа с кризисной личностью. Методическое пособие [Текст]/В.В.Козлов: М.: Изд-во Института психотерапии, 2003. – 302 с.

4. Козлов В.В. Интегративная психология: Пути духовного поиска или освящение повседневности – М.: Психотерапия, 2007 – 528 с.

5. Фрейд З. Психоаналитические этюды / сост. Д. И. Донской, В. Ф. Круглянский. — Минск: Поппури, 2010. — 608 с

6. Lindemann, E. Symptomatology and Management of Acute Grief. American Journal of Psychiatry, 1944, vol. 101 (2).

Лебедько В.Е.

ФИЛОСОФИЯ АВАНТЮРИЗМА И ДЕЦЕНТРАЦИЯ СУБЪЕКТА В ПСИХОТЕРАПИИ И ЗАДАЧАХ СОЦИАЛЬНОГО ДИЗАЙНА

В данной статье исследуются возможности применения философии риска и авантюризма (А.Секацкий, В.Лебедько, Т.Ерофеев) в сочетании с основными идеями структурного психоанализа (Ж.Лакан) и постструктурализма (Ж.Делез, Ф.Гваттари, А.Бадью, В.А.Дьяков и др.) к широкому спектру задач психотерапии и социального дизайна. Особый акцент делается на постструктуралистском тезисе о «децентрации субъекта». В статье показано, что Я субъекта (т.н. «наблюдатель, не имеющий никаких качеств»), парадоксальным образом, ни в коей мере не является центром личности, а множится в непредсказуемых ризоморфных комбинациях. Простое, но очень ясное понимание этого факта, достигаемое благодаря методам, основанным на философии авантюризма, необходимо и достаточно для выхода субъекта из жесткой обусловленности репрессивными структурами общества потребления и его идеологией.

Ключевые слова: авантюризм, субъект, желание, децентрация, речь Другого, ризома

Abstract: This article explores the possibility of applying the philosophy of risk and adventure (a. Sekackij, a. Lyabedzka, t. Erofeenko) in combination with the basic ideas of structural psychoanalysis (Jacques Lacan) and poststructuralism (g. Deleuze, Guattari, f., a. V. Dyakov bucket, etc.) to a wide range of tasks, psychotherapy and social design. Special emphasis is placed on poststrukturalistskom thesis about «decentracii subject. This article shows that I am the subject (so-called «observer without any qualifications), paradoxically, in no way is the center of personality and multiply in unpredictable rizomorfnyh combinations. Simple but very clear understanding of that fact, resulting from methods that are based on the philosophy of adventurism, is necessary and sufficient for the subject of tough conditionality repressive structures of the consumer society and its ideology.

Keywords: adventurism, subject, desire, dectntred, discourse of Another, rizome

Данная статья является попыткой в первом тезисном приближении состыковать дискурсы самых различных дисциплин (психологии, культурологии, психоанализа, философии структурализма и постструктурализма, социологии и даже физики), причём сделать это более-менее доступным языком.

Итак, невооружённым взглядом видно, что в наше время происходит стремительный процесс капсулирования индивидов и преобладания частных интересов над общими. Эти процессы захватили и такие общественные институты как культура, наука, психология и эзотеризм. А, в частности, подавляющее большинство индивидов неуклонно стремится к неприкосновенности гарантированного бытия и личной безопасности и прочим личным благам, прежде всего утилитарным – материальным (карьера, стабильность, деньги, здоровье и т.п.). Всё это является следствием доминирования наиболее опасной фазы капиталистического воспроизводства и в целом доминирования капиталистических ценностей. Современная фаза капитализма характеризуется, по словам французского философа

Жана Бодрийяра, тем, что эксплуатация и насилие в ней проявляется наиболее жёстко, но не явно. Настолько неявно, что мы воспринимаем подавление и насилие в этой неявной форме, как нечто само собой разумеющееся. Это, с одной стороны, ставит людей в зависимую, инфантильную и, по сути, рабскую позицию, с другой стороны, это происходит неявно, и, следовательно, какая либо борьба с такими завуалированными формами насилия чрезвычайно затруднительна. Культовый фильм «Матрица» отражает ситуацию наиболее выпукло, поэтому мы будем пользоваться жаргонным термином «матрица», имея в виду некую глобальную гиперструктуру эксплуатации, в которой отдельный человек является добровольным рабом, вдобавок ещё и зависимым от «матрицы», не осознающим своё рабское положение и, более того, даже боящимся сколько-нибудь выйти за пределы этой самой «матрицы» и, прежде всего, системы ценностей, морали и т.п., ею навязываемых.

Сразу же выдвинем тезис о фундаментальной зависимости от «матрицы». Эта

зависимость держится (опосредованно, посредством множества второстепенных «вторичных выгод»), в конечном счете, на самом представлении субъекта о самом себе, а точнее на представлении о существовании некоего Я, являющегося центром не только личности, но и всего человеческого существа. Именно за это Я индивид держится крепче всего, именно его он боится потерять. Мы же покажем, что это самое Я ни в коей мере не является центром чего-либо, а во-вторых, оно иллюзорно. Простое, но очень ясное понимание этого факта необходимо и достаточно для выхода из «матрицы» и обретения подлинной человеческой свободы. (Естественно, речь пойдет не о давно известном феномене множественности личности, субличности и т.п., а о том самом фундаментальном и неделимом Я – неререфлексируемом субъекте рефлексии, о не имеющем качеств «наблюдателя», который, тем не менее, в классической философии, имеющей картезианские корни, считается неким центром человеческого существа, основой, неделимым Единым и т.п.)

Одним из путей, который позволяет выйти из «матрицы», является Авантюризм. Здесь, прежде всего, нам необходимо отделить Авантюризм от того, с чем его достаточно часто путают: от аферизма, шарлатанства и мошенничества. Авантюризм не является ни тем, ни другим, ни третьим. Напротив, дух авантюры может быть решающей прививкой от инфантилизма и господства частных

ценностей современного капиталистического общества. Развитие авантюрного сознания смещает систему ценностей человека от инфантилизма и спасительных иллюзий и надежд в сторону преобладания целого над частным, свободы над гарантиями, неизвестности над догмами. Авантюрное сознание вбрасывает человека в мир взрослых категорий - таких как риск, удача, поражение, и даёт возможность осознать, что жизнь, по сути, сама является авантурой¹. Согласно словарю Ожегова авантюра (франц. aventure – приключение) – рискованное и сомнительное дело, предпринятое в надежде на случайный успех, приключение, опасное по своей природе, сопровождаемое риском неожиданных событий, перипетий и скачков. Это принятие того, что в мире присутствует не только рациональное начало, но (и даже в большей степени) – иррациональное, так что почти любая наша деятельность, если смотреть с этих позиций – рискованна и сомнительна, но мы можем всегда выбрать наиболее адекватное отношение к ней, как к приключению, авантуре. При этом осознание рисков равновероятных удач и поражений приводит к отказу от инфантильной «страусиной» позиции².

Ещё несколько определений авантюры: это может быть опасное приключение, неожиданное происшествие, главное свершение в жизни или деловые рискованные предприятия. Для некоторых людей, авантюра, рискованное приключение, становятся главным делом жизни. Ми-

¹Т.Ерофеевко, В.Лебедько «Философия риска и архетипы риска», 2011, <http://www.lebedko.su/index.php/nedavnie-stati/132-philosophi-of-riskue.html>

²В.Лебедько «Проявление Духа авантюры как одно из возможных решений глобальных задач человечества», 2009, <http://www.lebedko.su/index.php/nedavnie-stati/86-proyavlenie-duxa-avantury-kak-odno-iz-vozmozhnykh-reshenij-globalnyx-zadach-chelovechestva.html>

лан Кундера определяет авантюру как «страстное открытие неизвестного». Мы хотели бы прибавить к уже приведённым определениям авантюры ещё одно, олицетворенное в данном случае архетипическим образом, который становится особенно актуальным именно в наше время. Это образ Тиль Уленшпигеля, который является архетипом революционного анархизма. «Он, вследствие полного разочарования во власть предрержащих, не желает знать ни веры, ни закона. Это дух бунтарства против всякой власти во имя свободы отдельной личности – свободы бродяги, который не имеет ни гроша за душой, никому не подчиняется, никого не боится, не ожидает вознаграждения и не опасается кары, ни на том, ни на этом свете. Это дух – насмешник, который переворачивает вверх дном святыни и алтари человечества, обрушивая их с помощью своей волшебной палочки – насмешки»³. Но и образ Тиль Уленшпигеля, как нам кажется, необходимо немного уравновесить, создав триаду архетипических образов Авантюризма: Тиль Уленшпигель – Остап Бендер – нищенский Заратустра. Эта триада, на наш взгляд, образует именно ту комбинацию ценностей, которая может помочь человеку осознать иллюзорность собственного Я, а так же понятия о «центре личности», и вырваться из оков «матрицы».

Для дальнейшего повествования нам понадобится обратиться к нескольким понятиям из разных дисциплин:

1. Понятиям дифракции и интерференции волн.

2. Основным понятиям структурной

лингвистики, таким как – Означающее и Означаемое.

3. Основные понятия лакановского психоанализа (триада Реальное-Воображаемое-Символическое, Желание, Стадия Зеркала, бессознательное как речь Другого)

4. Некоторым понятиям постструктурализма (прежде всего, ризома и др.).

Далее мы состыкуем весь собранный понятийный аппарат так, чтобы осознать каким образом мы можем освободиться от иллюзорности центрированности субъекта, от иллюзорности самого Я, и, заняв авантюрную позицию, выйти из навязанных «матрицей» «условий игры», за пределами которых начинается уже новый этап развития человечества. При всём этом следует понимать, что сама данная статья является авантюрной, и хотя она опирается на научные понятия и категории, её невозможно рассматривать как научную статью в строгом смысле этого слова. Но - можно рассматривать как провокацию и побуждение к действию.

Итак:

1. Дифракция волн (например, электромагнитных, в частности – световых) - это феномен огибания волной препятствия, то есть проникновение волны в область геометрической тени. Интерференция волн – взаимное усиление или ослабление амплитуды двух или нескольких волн, одновременно распространяющихся в пространстве. Интерференция сопровождается чередованием максимумов и минимумов интенсивностей волн в пространстве. Результат интерференции – интерференционная картина - зависит

³ В.Томберг «Медитации на Таро», Киев, «София», 2001

от разности фаз накладывающихся волн. Для нас важно понять, что используя эффекты интерференции и дифракции, возможно создание так называемых голограмм. В частности, в оптике мы можем создать видимость в определённой точке пространства некоего предмета или предметов, которые наблюдателю могут казаться реально существующими. Но эти предметы, увы, невозможно ни потрогать, ни ощутить, так как они являются своего рода фантомами, возникшими в результате интерференции световых волн.

2. В конце 19 века основатель структурной лингвистики Фердинанд де Соссюр ввёл важнейшие для всей современной философии понятия: Означающее и Означаемое. Соссюр исходил из того феноменологического наблюдения, что при произнесении какого либо слова, например, «собака», различные люди представляли себе не одинаковых собак, а чаще всего разных, кто-то представлял овчарку, кто-то болонку, таксу, пуделя, и т. п. К тому же - разных размеров, окраски и т.п. То есть, слово и порождаемый им образ, суть не одно и то же. Звучащее или написанное слово Соссюр назвал Означающим, а то, что представлялось в сознании субъекта при произнесении или прочтении этого слова в сознании – Означаемым. Означающее и Означаемое связаны между собой неким кодом, зависящим от множества культуральных особенностей, начиная от общекультурных для данного этноса, и завершая историей индивидуального воспитания в данной культуре.

3. Вкратце напомним основные понятия лакановской версии психоанализа.

Именно трактовка Фрейда Жаком Лаканом стала основой для всей современ-

ной философии. Начнём с триады Реальное – Воображаемое – Символическое.

Реальное – самая сокровенная часть психики, всегда ускользающая как от разного представления, так и от словесного описания. Реальное непостижимо настолько, что является некоей «вещью в себе». Любые попытки представить или назвать содержание Реального ведут лишь к тому, что мы оказываемся в области Воображаемого, либо Символического. Тем не менее, именно в Реальном располагается ключевая инстанция существования субъекта, а именно – Желание. При этом, не следует путать Желание с различными бытовыми желаниями, типа поесть, поспать, приобрести ту, или иную вещь, и т.п. Само Желание, составляющее основную драму и накал психической жизни, обязательно связано с неким конфликтом, как правило, связанным с чувством вины, вызывающей различные препятствия реализации Желания. Если говорить самыми общими словами, то Желание - это всегда желание жизни и наслаждения. На реализацию Желания, вследствие чувства вины, наложен запрет. Таким образом, не вдаваясь в причины этой драмы, мы можем лишь сказать, что субъект всеми силами ускользает от сколько-нибудь продолжительного наслаждения и выстраивает свою жизнь с помощью множества хитроумных, так называемых, механизмов защиты, маскирующих подлинное Желание и заменяющих его.

Воображаемое – то, что роднит нашу психику с психикой животных, поведение которых регулируется гештальтами. Человек в своём развитии тоже непременно попадает под власть образов. Это происходит в так называемой «стадии

зеркала», в возрасте от 6 до 18 месяцев, когда ребёнок начинает узнавать себя в зеркале (в те времена, когда зеркал ещё не было, отражение можно было увидеть в воде, и т. п.) и откликаться на своё имя. Ребёнок схватывает себя в различных местах, получая в результате распадающуюся тактильную картину самого себя, хаотичную и не собранную ни в какое целое. Как раз в это время окружающие люди предлагают ему соблазнительно единый и как бы объективный его зеркальный образ, накрепко привязанный к его телу. Ребёнку ничего не остаётся, как согласиться с этим представлением о целостности Я в зазеркалье и его тождественности самому себе во все моменты жизни. С тех пор субъект остаётся навсегда зачарованным своим «зеркальным Я», вечно тянется к нему, как к недостижимому идеалу цельности (зачастую до самой смерти). Стоит отдельно отметить, что такие расхожие в психологии и эзотеризме понятия как целостность, существуют лишь в регистре Воображаемого, (а Воображаемое замкнуто на принцип удовольствия⁴), ибо в реальности никакой целостности быть не может, так как психическое создаётся непрерывно меняющимися и текучими потоками, а не чем-то застывшим, окончательным и основательным.

Символическое. Ещё во внутриутробном развитии человек попадает под влияние речевого поля других людей, которые как-то выражают своё отношение к его появлению на свет и чего-то уже ждут от него. Это речь других людей, - речь Другого, и формирует Символическое субъекта. В результате наше бессознательное

структурировано как язык, причём именно как язык Другого. То что мы желаем – всегда желания Другого, в то время, как наше подлинное Желание находящееся в Реальном, является тем, с чего мы всё время соскальзываем, реализуя желания Другого. Отчуждение человека от своей подлинной сущности, от своего Желания, начавшееся с идентификации с зеркальным двойником в стадии Воображаемого, усугубляется по мере вхождения субъекта в поле речи Другого в стадии Символического. Мы видим, что отчуждение всё более и более нарастает, с ходом времени, и даже может вызвать запоздалый протест, но этот протест почти безнадежен: положение ребёнка перед лицом ожидания Другого можно определить метафорой «кошелёк или жизнь» - эта ситуация вынужденного выбора: субъект либо откажется от удовлетворения своего Желания (отдаст «кошелёк»), и тогда он сможет продолжить жизнь как член того или иного культурного сообщества, либо он не отдаст «кошелек», но тогда он будет исторгнут из жизни и его Желание всё равно останется неудовлетворённым (например, в случае аутизма или развития того или иного психоза).

Запомним этот важнейший вывод, к которому мы ещё вернёмся далее – человек отказывается от своего Желания и всё более отчуждается от своей подлинности в обмен на причастность к тому или иному культурному сообществу (в современных условиях к той или иной субкультуре, так как единой культуры, начиная с конца 20 века, уже не существует). Только Другой своим ответом властен превратить призыв ребёнка (уже начавшего входить в ту

⁴Не путать удовольствие и наслаждение!

или иную субкультуру) в осмысленный запрос⁵. Покорствуя речи Другого, принимая чуждую интерпретацию своего запроса, ребёнок в следующий раз уже выразит свой запрос в подсказанных ему словах, всё более удаляясь от своего единственно подлинного Желания. С тех пор у человека будут появляться всё новые и новые желания, подсказанные культурой⁶.

Итак, через каждого из нас прорастают знаки, Другой, в свою очередь, транслирует речь других Других, и так далее. Если посмотреть на эту ситуацию с более общих позиций, мы увидим, что через нас говорят наши родители и родители их родителей и так до Адама и Евы, через нас говорят школьные учителя и воспитатели, книги, которые мы читали, дворовая компания, студенческий или рабочий коллектив, герои фильмов и пьес, более обобщённые структуры, говорящие через всех них, а так же через сообщества, кружки, компании, секты и т.п., такие глобальные структуры, как медицина, юриспруденция, теология, политические партии, социальные интернет сети, реклама, телевидение, - в конечном счёте, различные социальные и идеологические структуры. Доминирующий же говор, проходящий через нас, это говор той субкультуры, в которую мы оказались вписанными в обмен на свои Желания. В конечном счёте, мы видим, насколько прозорливо выразился Мартин Хайдеггер - «не человек говорит, а язык проговаривает себя через

человека»⁷ - эта идея стала основополагающей для всей современной философии. Запомним это как один ещё очень важный вывод.

Если же мы попытаемся выяснить некую первичную структуру (за этой попыткой стоит желание выразить некую истину в последней инстанции), то мы попадёмся в игры «дурной бесконечности», типа вопроса о первичности курицы или яйца. Попытки философии прошлого найти некую окончательную истину или универсальное метаповествование, были связаны с мотивом обрести утешение или опору перед лицом развёзшегося хаоса нигилизма. Если мы вдумаемся, какое количество сочетаний знаков и их интерпретаций составляет пресловутую речь Другого, саму происходящую от речи других Других, и бесчисленных структур, за ними стоящих, то мы сможем, хотя бы отчасти отдать себе отчёт в невозможности выразить всю потенциальную семантическую бесконечность сущности бытия, в конечном индивидуальном (и даже коллективном) усилии познания. Современная философия уже не занимается поисками некой окончательной трансцендентной истины, как и некоего «вечного двигателя». По словам французского философа Жана Лиотара: «философия уже не хочет утешаться консенсусом, но открыто и честно ищет новые способы изображения, чтобы с ещё большей остротой передать ощущение того, чего нельзя представить, но

⁵ Жак Лакан «Семинары: книга 2, “Я” в теории Фрейда и в технике психоанализа», Москва, «Гнозис/Логос», 2009.

⁶ Цель психоанализа в таком случае становится обратной цели воспитания – через полифонию речи пациента психоаналитик ведёт его к разделению его истинного Желания от навязанных ему идеалов, освобождает тем самым пациента от культурного и символического порядка, открыв пациенту правду относительно его желаний, аналитик окончательно возвещает просьбу бессознательного к субъекту, которое и есть подлинное Желание, познав же причины своих желаний человек может обрести хотя бы немного подлинного Я.

⁷ Мартин Хайдеггер «Бытие и время», Харьков, «Фолио», 2003.

различные оттенки чего можно всё-таки высказать и означить в множющихся коллажах». Таким образом, вместо поисков неких исчерпывающих «единых теорий», мы переходим к многообразию отдельных контекстуальных точек зрения, которые в настоящее время только и могут быть некой коллажной опорой нашего мировоззрения. И вот тут нам предстоит подойти к сложнейшему вопросу, которым наверняка задавался почти каждый вменяемый человек: «что же есть Я»? Которое - и не тело, и не чувства, и не мысль, а некий «нерефлексируемый субъект рефлексии». Напомним, что речь пойдет не о давно известном феномене множественности личности, субличностях и т.п., а о том самом фундаментальном и неделимом Я – нерефлексируемом субъекте рефлексии, о не имеющем качеств «наблюдателя», который, тем не менее, в классической философии, имеющей картезианские корни, считается неким центром человеческого существа, основой, неделимым Единым и т.п.

В буддизме и философии нью-эйдж принято говорить о некоем «наблюдателе», но мы не можем удовлетвориться этим словом, так как оно является всего лишь Означающим, отсылающим к бесконечной цепочке схожих Означающих.

Не претендуя на истину в конечной инстанции, опираясь на принцип адресности, контекстуальности и историчности, мы рискнём определить Я как процесс производства смысла, т.е. обмена Означающих на Означаемые⁸. Ведь, именно там где этот процесс происходит, мы и находимся. Если мы смотрим, например,

на стол, наше Я в это время представляет из себя процесс называния стола столом, то есть обмена Означающего «стол» на Означаемое «стол».

Предвидя праведное возмущение эмпириков эзотеристов, любящих говорить об «остановке внутреннего диалога» в процессе которого, якобы, и проявляется то самое трансцендентное Я, - мы ответим, что бессознательное структурировано как язык, и мы можем сознательно не называть стол столом, а просто прямо или косвенно выделить его вниманием, т.е. процессом обмена Означающего на Означаемое. При этом, по умолчанию, мы всё равно знаем, что это стол. Хотя можем и не проговаривать, даже мысленно, это Означающее. Когда мы не называем предметы или ощущения, мы всё равно, по умолчанию, знаем их названия! Просто в случае так называемого, замолкания внутреннего диалога, процесс обмена Означающего на Означаемое происходит бессознательно. Сидя даже в глубокой медитации, мы не выходим за пределы Символического, мы молча знаем, что сидим в такой-то комнате, в таком-то городе и на такой-то планете. Не называя слышимые звуки, мы, тем не менее, узнаём их, так же как ощущения и бессознательно связываем с теми или иными Означающими.

Итак, сам процесс так называемого внимания, осознаваемого нами как Я и является процессом обмена Означающих на Означаемые. При этом бессознательное занято постоянным и непрерывным производством Означающих, которыми сопровождается любой акт регистрации

⁸А.В. Дьяков «Децентрация субъекта и скольжение смысла: О возможности нецентрированной модели субъективности», Альманах «Sociologos», май 2009, <http://sociologos.net/dyakov-decentraciya-subekta>

чего-либо, не зависимо от того, проговариваем мы это мысленно или просто знаем по умолчанию.

И вот тут начинается самое интересное. Где же находится это самое Я????! На первый взгляд, ответ банален и очевиден – Я находится в самом центре личности...

Но всё не так просто. Мы уже убедились в том, что Я является процессом обмена Означающего на Означаемое, то есть, в каждое мгновение оно скачет, перемещаясь туда, где и происходит этот обмен, как в пространстве, так и во времени, как в физическом мире, так и в воображаемом, как в видимом диапазоне, так в слышимом и ощущаемом. Ни о каком центре при этом говорить не приходится. Более того, как мы уже упоминали, множество процессов обменов Означающих на Означаемые происходит бессознательно, то есть, то, что мы назвали - знанием по умолчанию. Даже когда мы находимся в глубокой медитации, такие бессознательные обмены по умолчанию происходят непрерывно и в самых различных регистрах и диапазонах. Даже, когда нам кажется, что мы полностью «остановились» в некоем «центре себя», Я оказывается децентрированным, более того, множественным, одновременно находящимся, или, по крайней мере, перемещающимся с быстротой молнии из одной точки в другую, образуя сложные ветвящиеся, разрывающиеся траектории, наскакивающие друг на друга, иногда образующие сразу сложные узоры, не застывающие ни на секунду. В постструктурализме к такому «саду расходящихся

тропок Я» можно применить понятие ризома, разработанное Жилем Делезом и Феликсом Гваттари⁹.

Итак, ещё один важнейший вывод, к которому мы пришли: Я не является центром, оно постоянно ускользает в сложные лабиринты ризомы. Даже в моменты концентрации на чём-либо, кроме того, что Я находится в объекте концентрации, и представляет собой процесс обмена знаков на образы и ощущения, на которых происходит концентрация (ризома не всегда подобна хаосу, в ней могут существовать и линейные участки). Не будем забывать, что помимо объекта концентрации (мы не будем рассматривать изошрённые состояния Дхияна и Самадхи - хотя и там не всё так просто и однозначно) - но вспомним, что мы по умолчанию «знаем», что мы находимся в некой комнате, что где-то находятся знакомые нам люди, предметы, - сама концентрация не является непрерывной линией, а неким пунктиром, с которого постоянно происходит соскальзывание на разные периферические объекты. То есть, даже в случае концентрации, существуют множественные Я, распределённые с разной степенью «яркости» по некой периферии относительно объекта концентрации. То есть, никакого центра личности не существует, Я множественно, и конфигурация рисунка этих почти неисчислимых Я постоянно меняется. То есть Я множатся и всё время соскальзывают. Поэтому, строго говоря, выражение «центр» утрачивает свой первоначальный смысл¹⁰. Большая часть процессов обмена Означающих на

⁹Ж.Делез, Ф.Гваттари «Ризома (Тысяча плато)», 1976. см. напр. http://www.situation.ru/app/j_art_1023.htm

¹⁰ Ризома - Ризома - альтернатива структуре. Ризома обладает собственным творческим потенциалом. Это самоорганизующаяся система. Кажущийся хаос на деле таит в себе потенциальные возможности бесконечного числа новых

Означаемые имеют место за пределами так называемой личности. Когда «мною говорит Другой», он говорит через меня и мной, но никак не во мне. Субъект децентрирован, то есть вообще не имеет центра. Возвратимся ещё раз к тому, что мы условились понимать как Я - то есть к процессу обмена Означающих на Означаемые, т.е. к неким текстам. И само Я – эффект своего рода интерференции – схождения и наложения неких «волн» дискурса, то есть Символического. То есть, каждый смысл, который мы считаем своим Я, является, в свою очередь, неким фантомом, голограммой, вызванной интерференцией волн дискурса, имеющих вероятностный характер.

И где бы мы ни пытались обнаружить это гипотетическое Я, - там его уже нет, оно соскользнуло. Но и это через чур упрощённый взгляд. Я, если говорить совсем строго - не просто сам обмен Означающих на Означаемые, то есть смыслопорождение, Я - это то, что долж-

но предшествовать смыслам и являться их квинтэссенцией. Оно перемещается вслед за движением смыслов, но само в этом движении отсутствует. Оно там, где отсутствуют смыслы. А что такое - отсутствие смыслов? - Совершенно ничего, даже не «ничто» а именно ничего. Но кто же производитель текстов? Которые «читаются» этой голограммой, этим ничем? Действительно, кто же производит тот текст, который залегает глубже мышления? - Другие тексты. - Тексты порождают тексты. Нет никакого авторского Я, как источника текстов. Тексты не нуждаются в авторе. Автор возникает лишь как точка схождения текстов, и эта точка постоянно перемещается, множится, разбегаясь по непредсказуемым, неуловимым, всякий раз новым узорам ризомы, находясь в огромном множестве, и это не одна точка, а огромное множество их. Вместо авторского Я обнаруживается то, что тексты перекликаются, переговариваются, проникают друг в друга, одновременно во множестве ускользающих точек, и в

трансформаций. А это обеспечивает безграничную плюральность ризомы. В ризоме принципиально невозможно выделение каких бы то ни было фиксированных точек. Каждая из них в своем развитии предстает перед наблюдателем в качестве линии, прочерченной ею траекторией собственного движения. В свою очередь, каждая такая линия ускользает от жесткой фиксации. Бытие ризоморфной среды может быть понято лишь как нескончаемая динамика, и динамику эту определяют линии ускользания. Эти линии оказываются, применительно к ризоме, подвижными, но они еще предполагают своего рода разрывы, переходы ризомы в состояние, в котором отсутствует жесткая универсальная структура. У ризомы в принципе нет и не может быть ни начала, ни конца, - только середина, из которой она растет и выходит за свои пределы. Процесс развертывания ризомы состоит в проявлении все новых и новых возможностей, в том числе и линейных. Но любой из этих вариантов в ризоме в принципе не может считаться законченным. В любой момент времени любая линия ризомы может быть связана непредсказуемым образом со всякой другой. И тогда, в момент этого абсолютно неустойчивого, сиоминутного связывания, образуется определенный рисунок ризомы... Появляется непредсказуемо пульсирующая конфигурация. Ее не схватить, не поймать. Она непредсказуема и вечно новая. Это почти не поддается описанию... Наиболее «ощутимый» образ ризомы дал Умберто Эко : «Вместо понятия «картины мира», в основе которой лежат принципы системности, соподчиненности, прогресса, появляется образ лабиринта, как символа полноты и Идеи мира. В нем разветвленные коридоры. Но в отличие от лабиринта классического, на пороге которого в твою руку сразу ложится нить Ариадны, ведущая к единственному выходу (это своеобразная метафора пути познания в традиционной мысли), - здесь его нет. Как нет центра, периферии. Дорожки подобны сетке – это ризома. Она устроена так, что каждая дорожка имеет возможность пересечься с другой. Пространство культуры, духовных форм деятельности (искусство, философия, религия, наука) – это пространство ризомы. Потенциально такая структура безгранична, хотя на самом деле она не достроена до конца. Наше освоение мира - «лабиринта» подобно путешествию по равнозначным возможностям дорожек ризомы. Так идея единства мира завершает себя в плюрализме форм, методов, принципов, направлений его освоения, который теперь не нуждается в трансцендентализме абсолютных истин».

этом текстовом перемещении невозможно установить никакой генеалогии и никакой центрированности.

Иными словами, смыслы возникают в смысловом пространстве, творимом самими смыслами¹¹. Так мы пришли к довольно сложной комбинации, к тому же не являющейся структурой, точнее, можно сказать, являющейся «отсутствующей структурой» - ризомой, к тому же ещё и виртуальной – подобной голограмме, то есть иллюзии. И вот за эту иллюзию мы держимся? За неё боимся? Её отстаиваем?

Но мы продолжаем говорить «мы», как будто за этой иллюзией существует ещё что-то. Ситуация же состоит в том что множасьиес тексты, через, так называемого, субъекта, являющегося просто иллюзорной комбинацией точек схождения и разбегания текстов ветвятся и (можно с некоторой долей метафоричности сослаться на процессы самоорганизации сложных систем) создают неповторимый рисунок самих этих иллюзорных точек схождения, множасьиес и образующих «сад расходящихся тропок». Поэтому, мы говорим «мы» или «я» (в отношении какого-то действия) просто за неимением простой и емкой метафоры. Та же метафора, которая приводится в этом тексте, и требует много места, и является софизмом, так что, для простоты понимания продолжим употреблять «мы» и «я»...

Далее мы снова приходим к тому, что сам способ интерференции текстов задаётся культурой. Той культурой, за причастность к которой «субъект» отчужда-

ется от своего Желания. Здесь мы снова сталкиваемся с софизмом, так как только что выяснили, что никакого субъекта нет, а есть лишь тексты, которые желают быть. Быть, разбегаться, сходиться, интерферировать, но сам спонтанный процесс свободного скольжения текстовых потоков ограничивается и определённым образом структурируется культурой. Здесь мы встречаемся с ещё одним ключевым вопросом, встающим во весь рост именно в наше время. Дело в том, что до конца 20 века культура была организована по принципу некоего стержня, некой оси, являющейся мощным центром (образ дерева) на периферии которого обретались незначительные ростки маргинальных субкультур. Что же произошло в конце 20 века? - А произошло то, что Делёз и Гваттари, назвали: «мир потерял свой стержень»¹².

Единая культура распалась на множество субкультур, среди которых нельзя выделить ни центра, ни периферии. Все эти субкультуры можно представить в виде ризомы. Соответственно, сегодня мы не можем опереться на какие-то единые, общепринятые базовые ценности, понятия о том, что хорошо, а что плохо, что правильно или не правильно, - так как в разных субкультурах все эти понятия и ценности могут носить прямо противоположный характер. Христианская культура соседствует с атеистической, где-то между ними скользят субкультуры националистов, фашистов, либералов, демократов, рокеров, панков и т.д., и т.п.. Никакой общей оси, никаких общих ориентиров. Общество предельно раздроблено, что

¹¹ См. статью А.В.Дьякова

¹² Ж.Делез, Ф.Гваттари «Капитализм и шизофрения», Екатеринбург, «У-Фактория», 2007.

можно наглядно увидеть, например, на любом интернет форуме по любым вопросам: политическим, религиозным, социальным, мировоззренческим, сексуальным и т. п. По любому вопросу мы можем отчётливо выделить даже не две, а, обычно, несколько групп отчаянных спорщиков, чьи ценности принадлежат к совершенно разным субкультурам. И здесь мы снова возвращаемся к проблеме центрированности и децентрированности, которая, как выясняется, имеет отношение не только к вопросу «кто Я», - казалось бы, чисто философскому, но и к вопросам этики, культуры, политики и социальных процессов.

В зависимости от того, какую мировоззренческую позицию мы займём: либо позицию, признающую центр, и традиционное картезианское понимание Я, либо позицию децентрации, ризомы и сада расходящихся тропок множественных Я, - в зависимости от этого выбора мы будем жить в совершенно разных социальных, политических и этических реалиях. (Здесь мы опять вынуждены вернуться к упрощённым описаниям, и нам придётся помнить о том, что это не столько зависит от нас как от субъектов, которые как мы увидели ранее, иллюзорны, сколько от процессов самоорганизации текстов, в которые мы вовлечены).

Длительное существование древовидно-осевой модели культуры выработало жёсткое инерционное мировоззрение, которое, несмотря на распад культуры на множество субкультур, продолжает удерживаться носителями каждой такой субкультуры. Назовём такое мировоззрение Центрированным. Вот его основные свойства:

«Традиционное сознание, опирающееся на представление о «Я» как цен-

тре субъективности, вырабатывает понятия нормы, блага, справедливости и т.п. и жёстко фиксирует их. Эта жёсткая фиксация диалектически требует своего иного — ненормальности, зла, несправедливости и т.п., — которое объявляется противоестественным и неправомерным. Поэтому гуманизм, основой которого выступает центрированный субъект, порождает многочисленные институты подавления, а буржуазный либерализм плодит тоталитарные режимы. Более того, основанная на вере в «центр» культура постулирует существование культурного и геополитического центра. Таким центром, естественно, выступает Европа. Именно европейская культура Нового времени становится в субъекто-центристском мышлении центром в хронологическом, пространственном, политическом, экономическом и метафизическом отношениях. Кто такой субъект этой культуры? Белый мужчина, гетеросексуал, горожанин, работающий. Все, кто не вписывается в это понятие, — женщины, дети, гомосексуалисты, цветные, бродяги, безработные — подвергаются дискриминации. Этот буржуазный индивид обладает жёстко центрированным мышлением, в котором чётко выделяется магистральная линия ценностей. Он прекрасно отличает нормальное от ненормального, хорошее от плохого, правильное от неправильного, доброе от злого. Он твёрдо знает, чем капитализм лучше коммунизма — или наоборот, чем один сорт жевательной резинки лучше другого и что, следовательно, он должен покупать. Самое главное — он твёрдо знает, в каком направлении следует двигаться человечеству, чтобы достичь благоденствия, к которому, конечно же, не будут допущены все ина-

ковые. Буржуазному субъекту неведомо «соскальзывание»; для тех, кто этим «соскальзыванием» страдает, существуют специализированные учреждения, в которых специалисты сделают всё возможное, чтобы вернуть их к «нормальной» субъективности. Фетишизация централизованной субъективности приводит к возникновению мощной системы подавления, основанной на мифологии, в центре которой стоит картезианский субъект»¹³.

Помимо централизованного мировоззрения в последнее время начинает возникать мировоззрение, которое мы назовём Децентрализованным.

Вот его основные характеристики:

Оно не различает правильного и неправильного, нормального и ненормального, оно не имеет убеждений по поводу «верного» пути, по которому следует двигаться человечеству. Он свободно перемещается в пространстве моральных и политических категорий, не останавливаясь нигде. Децентрализованное мировоззрение выступает революционным потенциалом, позволяющим преобразовать не только общественное устройство, но и философию, освободиться не только от какой-то конкретной, но вообще от любой мифологии. Оно не просто разрушает (оно вообще не разрушает, а всего лишь уклоняется), оно созидает новый мир, и, если в его основе и лежит какая-то мифологема, то это не «мировое дерево», но ризома.

Мы можем видеть, что если в обществе преобладают субъекты с централизованным мировоззрением, а пока, увы, это так, - в этом обществе неизбежны капиталистическая экономическая система, буржуазный способ производства и обме-

на, миссионерские движения, провиденциалистские идеи в биологии, уголовная система наказания, карантинные меры во время эпидемий, иерархическая структура власти, многопартийный либерализм, наличие доминантных религий, коррупция, и многое – многое другое.

Если же каким-то образом в обществе наберётся определённый процент субъектов с нецентрализованным мировоззрением, то во всех перечисленных и множестве не перечисленных системах неизбежно произойдут кардинальные перемены, пока даже трудно прогнозировать какие. Одно ясно: изменения будут глобальными, во всех сферах жизни и индивида и общества и ноосферы.

То есть, во главу угла мы ставим идею о том, что именно мировоззрение масс задаёт культурные, социальные и политические условия жизни. В наше время революции, направленные на переустройство общества, так как они мыслились в прошлые века, вплоть до конца 20 века, существенно ничего поменять не смогут. Дальше транзактных игр электората и власти, с позициями Жертвы, Спасителя и Преследователя дело не пойдёт. Реальные же изменения возможны, только на «молекулярном уровне», если выражаться языком Делёза и Гваттари. То есть, необходимо изменение мировоззрения с централизованного на децентрализованное, у конкретных индивидов. До какого-то процента граждан это – штучная работа. И уже только после достижения определённого процента, возможен лавинообразный поток, изменяющий доминанту мировоззрения всего общества в целом. Здесь мы сталкиваемся с ещё одним па-

¹³См. статью А.В.Дьякова

радоком: субъект, уже обладающий Нецентрированным мировоззрением, не заинтересован ни в экспансии своего мировоззрения, ни в каких-либо революционных изменениях в обществе.

Возможен, правда, такой вариант, когда созидателями Нецентрированного мировоззрения будут субъекты – носители Центрированного мировоззрения, но такие, которые понимают необходимость нецентрированного мировоззрения и сами стремятся к нему. И вот именно таких странных субъектов, мы и можем назвать Авантюристами. А инструментами, позволяющими менять мировоззрение с Центрированного на Нецентрированное, как раз и служат риск, номадизм (не обязательно внешний, но и понимаемый как возможность перемещаться между различными системами ценностей), а так же, акцентирование иррациональных сил бессознательного. Можно отдельно рассмотреть (хотя это тема специального исследования) - каким образом будут работать архетипические образы Тиля Уленшпигеля, Остапа Бендера и нищепанского Заратустры, в деле выхода за пределы «матрицы» и системы ценности и морали ею навязываемых. На первом этапе включается Заратустра, подвергающий тотальной критике и разоблачению современную мораль и самое устройство «матрицы». Затем включается архетипический образ Остапа Бендера, разжигающий жажду приключений и свободного перемещения между различными полярными ценностями и системами взглядов по хаотическим узорам ризомы. И наконец, дух бунтарства Тиля Уленшпигеля, с помощью насмешки и иронии ко всем явлениям и процессам мира, окончательно подводит субъекта или

группу субъектов к смещению важности с центра и распылению ее в ризоме, а так же обнажению иллюзорности ценностей и картин мира, преобладающих в современном обществе. Но самое главное, Тиль обнажает и высмеивает иллюзию центра личности и самого Я.

Итак, мы видим, как тесно связаны авантюризм и децентрация субъекта. По сути, отдельные фигуры авантюристов являются как бы «фабриками», производящими субъектов с децентрированным мировоззрением.

ВЫВОДЫ:

Перечислим ещё раз ключевые идеи, которые являлись промежуточными выводами данного текста. Кроме того, что они сами по себе являются достаточно важными для понимания максимума, движение от одного вывода к другому позволяет нам обозреть весь охват проблемы связей между авантюризмом, децентрацией субъекта, осознанием иллюзорности и отсутствия Я, и глобальными процессами изменения социальных, политических и этических условий, которые в свою очередь, замыкаются на такую категорию как авантюризм.

1. Одним из путей, который позволяет выйти из «матрицы», является Авантюризм.

2. Самим клеем, скрепляющим «матрицу», является представление субъекта о существовании некоего Я, являющегося центром личности.

3. Субъект отказывается от своего Желания и всё более отчуждается от своей подлинности в обмен на причастность к тому или иному культурному сообществу.

4. Бессознательное занято постоянным и непрерывным обменом означающих на означаемые, которыми сопровождается любой акт регистрации чего либо, не зависимо - проговариваем ли мы это вслух или мысленно, или просто знаем по умолчанию.

5. Я, являющееся процессом обмена Означающих на Означаемые, не является центром. Оно постоянно ускользает в сложные лабиринты ризомы и множится там.

6. Сам процесс обмена Означающих на Означаемые, то есть Я, является эффектом своего рода интерференции – схождения и наложения неких волн дискурса. То есть, каждый смысл, который мы считаем своим Я, является, в свою очередь, неким фантомом, голограммой, вызванной интерференцией волн дискурса, имеющих вероятностный характер. Можно сказать, что Я является ничем.

7. В конце 20 века «мир потерял свой стержень», и единая культура распалась на множество субкультур, среди которых нельзя выделить ни центра, ни периферии. Все эти субкультуры можно представить в виде ризомы. Сегодня мы не можем опереться на какие-то единые, общепринятые, базовые ценности, поня-

тия о том, что хорошо, что плохо, - так как в разных субкультурах все эти понятия и ценности могут носить прямо противоположный характер.

8. Проблема центрированности и децентрированности имеет отношение не только к вопросу «кто Я», но и к вопросам этики, культуры, политики и социальных процессов. В зависимости от того, какую мировоззренческую позицию мы займём: либо Центрированную, либо Децентрированную – в зависимости от этого выбора мы будем жить в совершенно разных социальных, этических и политических реалиях.

9. Центрами кристаллизации децентрированного мировоззрения являются Авантюристы (субъекты, обладающие центрированным мировоззрением, но понимающие необходимость децентрации и стремящиеся к этому). Подспорьем в этом делании является триада архетипических образов: Заратустра, Остап Бендер и Тиль Уленшпигель.

10. Таким образом, мы можем использовать философию авантюризма и методы децентрации субъекта, как платформу для нового подхода к психотерапии и к широкому спектру задач социального дизайна.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

И.Г. Артемьева

ИСТОРИЧЕСКИЙ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ ПРОЦЕССА ПОДБОРА И РАССТАНОВКИ КАДРОВ

Аннотация. В статье рассмотрены донаучный, классический и современный периоды становления системы подбора и расстановки кадров. Сделан акцент на социально-психологических особенностях деятельности поиска и подбора персонала.

The article considers the prescientific, classical and modern periods of recruitment and placement. The article emphasizes the socio-psychological characteristics of the search and selection of staff.

Ключевые слова. Система поиска и отбора персонала, теория качеств, прикладная социология и психология труда, принципы подбора кадров, рекрутинговые агентства.

Keywords. Search and selection of personnel, the theory of characteristics, applied sociology and psychology, principles of recruitment, recruitment agencies.

В настоящее время современная наука и практика признала, что основным ресурсом в эффективном функционировании предприятий, компаний, организаций является человек, именно поэтому решение разнообразных проблем организаций завязано на решении проблем, связанных с персоналом, в том числе решении вопросов процесса подбора и расстановки кадров в компании.

Формирование целостной системы поиска и отбора персонала имеет свою историю. Период становления системы подбора и расстановки кадров можно условно разделить на три основных этапа: донаучный; классический; современный [2].

Донаучный этап описывается с периода формирования рабовладельческих государств на Древнем Востоке (4-5 ты-

сяч лет назад). Когда, например, в Египте существовала школа чиновников, готовившая элитную касту государственных служащих, в которую существовал целенаправленный отбор по разным критериям. Как отмечает А.И.Кравченко, к началу нашей эры сформировалась сильная школа отбора в Древнем Китае. Конфуций и его приемники создали философию подбора чиновников и представителей знатных сословий. Основой подбора чиновника на службу стала не принадлежность к богатому и знатному роду, а личные заслуги, качество ума и интеллект. Наивысшие достижения донаучного этапа приходятся на период рассвета Древней Греции, когда профессионализм ремесленников, мореплавателей, воинов достиг невиданных высот. Поэтому требования к профотбору резко ужесточились

и усложнились. Этому в значительной мере способствовали труды древнегреческих мыслителей (Аристотель, Платон и т.д.), которые впервые в истории сделали попытку систематизации критериев и качеств, необходимых для того или иного рода деятельности. Результатом донаучного периода является формирование отдельных элементов, частей системы поиска и отбора кадров [2].

Классический этап формирования целостной системы поиска и отбора персонала описывается с XVIII - XIX веков, с начала индустриальной революции, стимулировавшей развитие европейского капитализма. Основными характеристиками этого этапа можно считать замену малопроизводительного ручного труда на механизацию производства, что повлекло за собой изменения условий работы, общественных форм разделения труда и т.д. Возник новый тип служащего, новый формат руководителя. Эти изменения повлекли за собой рост разрыва между рабочими и собственниками, хозяевами. Возникла острая необходимость в отдельной структуре организации, которая могла бы стать связующим звеном между противоборствующими сторонами.

К концу XIX - началу XX века крупные предприятия в своей структуре имели специальные кадровые службы, но научной основы ее функционирования не было. [2].

Первыми обосновали проблему отбора кадров американский ученый Ф. Парсонс и немецкий психолог Г. Мюнстерберг. Они работали в русле молодой науки психотехники, целью которой является практическое применение психологии к задачам предприятия [5].

Американский теоретик организации Ф.У.Тейлор к 20-м годам прошлого века

кардинально изменил видение системы поиска и подбора персонала. Создание научной организации труда (НОТ) позволило создать специальную систему поиска и подбора персонала на основе научно установленных признаков, а также оценке деятельности руководителя соответственно занимаемой должности. Во многих американских компаниях были созданы отделы, целями которых были привлечение рабочей силы, отбор, начальная установка, выдвижение, воспитание и обучение, здоровье рабочих, техника безопасности и санитарии, улучшение быта, методы изучения персонала и т.д. [3].

Одним из ключевых исследований классического этапа формирования целостной системы поиска и подбора персонала является глобальный опрос руководителей фирм, проведенный в начале 1920-х годов в Германии. Целью опроса являлось выявление критериев детального описания конкретных профессий. На основании большого количества ответов на вопросы со стороны представителей различных профессий удалось создать ряд «профессиональных психограмм», которые являлись составной частью профессиограмм, и включали в себя полное описание профессии, ее общественное значение, детальное описание рабочего места, условий труда и задач работника [5]. В настоящее время профессиограммы используются для разработки должностных инструкций, которые помогают при составлении списка требований, предъявляемых к кандидату в процессе подбора и отбора персонала.

В России классический этап формирования целостной системы поиска и отбора персонала связан с открытием психо-

техники. В начале XX века И.И. Рихтер, Н.А. Мельников, В.А. Рождественский и др. занимались разработкой требований к различным профессиям и способов измерения требуемых характеристик. Считалось, что идея подбора работ более гуманна, чем идея отбора людей по принципу профпригодности [3].

Современный этап формирования целостной системы поиска и подбора персонала связан с переломным моментом в работе кадровых служб, т.е. с переносом опыта подбора кадров из промышленности во все сферы экономики (конец 1950-х гг. XX в.). Возникла «теория качеств» (Г. Олпорт, К. Бирд, С. Джиб и др.) представители этой теории шли по пути поиска необходимых для лидера личностных качеств, таких как «энергичность», «воля», «решительность», «оперативность» и т.д. В разных исследованиях фигурировало множество качеств, необходимых, с точки зрения исследователей, для успешного выполнения управленческих функций к примеру, американский исследователь О. Тид составил следующий перечень наиболее существенных качеств лидера: физическая и эмоциональная выносливость; понимание назначения организации и направления ее деятельности; энтузиазм; дружелюбие, приязнь и расположение других; порядочность [8].

«Теория качеств» представляла собой первую попытку решения проблемы индивидуального различия людей в целях их подбора для управляющей работы. Она носила утопический характер и не могла служить основой в процессе профессионального подбора управляющих. Несмотря на это, теория послужила отправным толчком для создания последующих, гораздо более эффективных, систем поис-

ка и подбора персонала, которые сегодня успешно используются в мировом бизнесе [6].

В 1960-х гг. XX века в России начался новый виток развития систем подбора персонала. Этот процесс связан с появлением и ростом заводской (прикладной) социологии и психологии. Расцвет прикладной социологии и психологии труда приходится на 70-80-е годы XX века, под подбором кадров понималось - «организованные субъектом социалистического управления плановый набор, выдвижение, ротация, расстановка и уход хозяйственных кадров» [1].

Разрабатывались принципы подбора кадров:

- принцип подбора по политическим и деловым качествам;
- принцип сочетания «старых» и «молодых», «своих» и «чужих» кадров;
- непрременный принцип партийности и др. [7].

Основными особенностями деятельности поиска и подбора персонала являлись, во-первых, приоритет подбора кадров из числа «своих» работников, во-вторых, пренебрежение психологическими методами при подборе и ограничение лишь формальными способами сбора данных о кандидате (анкеты, автобиографии, рекомендации). Достаточно сложно было учитывать соответствие работника новому коллективу, организационной культуре предприятия: нельзя было официально отказать сотруднику в выдвижении на том основании, что он «не подходит» организации. Поэтому этот фактор старались «укрыть» соответствующими формальными правилами, доводами [4].

К концу 80-х годов XX века, в связи с глобальным реформированием россий-

ского общества, заводские службы стали исчезать. Их функции в области подбора персонала перешли к новым отделам кадров и рекрутинговым агентствам. В 90-х годах XX века в России стала доступна западная бизнес-литература, пришли иностранные компании, открывающие производство в России, система управления персоналом, в том числе и по подбору и подбору кадров, стала пересматриваться [2].

Сегодня многие российские компании успешно используют западные технологии в области управления человеческими ресурсами, хотя, к сожалению, многие еще не поняли, насколько важно адаптировать западные модели к условиям российской действительности при использовании психологических методов для отбора и подбора кандидатов.

Литература

1. Бизюкова И.В. Кадры: подбор и оценка. — М.: Московский рабочий, 1984 — 264 с.

2. Кравченко А. И. История менеджмента: Учебное пособие. — М.: Академический Проект, 2009. — 352 с.

3. Кравченко А.И., Тюрина И.О. Социология управления: фундаментальный курс: Учебное пособие. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Академический Проект, 2010. — 1136 с.

4. Лившиц С.Б., Назаров Н.С. Суров В.Ф. Кадровая служба. — Л.: Лениздат, 1985. — 62 с.

5. Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента: Пер. с англ. — М.: Дело, 2011 — 672 с.

6. Травин В.В., Менеджмент персонала предприятия. — М.: Дело, 2003 - 272 с.

7. Травин В.В., Дятлов В.А. Основы кадрового менеджмента — М.: Дело, 2009 - 336с.

8. Филонович С.Р. Лидерство и практические навыки менеджера: 17-модульная программа для менеджеров «Управление развитием организации». Модуль 9. — М.: «ИНФРА-М», 1999. — 160 с.

В.А.Мазилев

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ ПСИХОЛОГА В СОВРЕМЕННОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Аннотация: В статье обсуждаются проблемы подготовки психолога в современном вузе. Анализируются перспективы и проблемы компетентностного подхода. Предлагается программа повышения эффективности подготовки психолога.

Ключевые слова: компетенция, компетентность, подготовка психолога, методология, фундаментализация образования

Abstract: This paper discusses the challenges for psychologists in the modern university. The prospects and problems of the competence approach. A program of improving the effectiveness of training psychologists.

Keywords: competence, competence, psychologists, methodology, fundamentalization education

В последние годы все большую популярность завоевывает компетентностный подход в высшем профессиональном образовании. Этот подход положен в основу при разработке Федеральных государственных стандартов высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) третьего поколения.

Широко известны работы И.А.Зимней, в которых детально прослежена история возникновения и становления компетентностного подхода в образовании. [1,2]. В рамках настоящей статьи мы не будем анализировать историю развития компетентностного подхода в образовании (об этом см. подробно [4]).

Новый этап в исследовании компетенций связан с работами В.Д.Шадрикова [8,9]. В.Д.Шадриков исходит из определения, согласно которому, компетенция – это круг вопросов, в которых кто-нибудь хорошо осведомлен, круг чьих-нибудь полномочий, прав. «Таким образом, мы видим, что компетенция относится не к субъекту деятельности, а к кругу вопросов, относящихся к деятельности. Другими словами, компетенции – это функциональные задачи, связанные с деятельностью, которые кто-то может успешно решать. Компетентность же относится к субъекту деятельности. Это приобретение личности, благодаря которому человек может решать конкретные задачи» [9, с 15].

Автор указывает, что компетентность субъекта является результатом обучения и воспитания (образования). В.Д.Шадриков отмечает: «Определенный круг вопросов позволяют решать знания (преимущественно в научной деятельности); определенный круг вопросов позволяют решать умения и навыки (прежде всего в

предметно-практической деятельности). Но, как правило, компетентным делают человека и знания, и умения в своем системном проявлении. Таким образом, они являются основой компетентности человека. Но это должны быть не абстрактные знания, а «привязанные» к определенной сфере деятельности, включенные в психологическую систему деятельности [9, с. 15]. Шадриков подчеркивает, что определенный круг вопросов позволяют разрешить наши личностные качества и способности. «Но и здесь, как и в случае со знаниями и умениями, способности и личностные качества должны приобрести черты оперативности, тонкого приспособления к требованиям конкретной деятельности» [9, с. 15]. В.Д.Шадриков обращает внимание на то, что «знания, умения, способности и личностные качества проявляются в различном по объему круге вопросов. Наиболее узкий круг вопросов характерен для умений (навыков), более широкий – для знаний, еще более широкий круг вопросов может решаться на основе способностей и максимально широкий круг вопросов разрешается с участием личностных качеств» [9, с. 15].

По В.Д.Шадрикову, «компетенция является системным проявлением знаний, умений, способностей и личностных качеств. В каждой деятельности вес этих компонентов и их сочетания могут существенно различаться. В образовательном процессе наблюдается определенная диалектика в формировании компетенций. Компетенции формируются на основе знаний, умений, способностей, личностных качеств, но сами эти знания и др. во многом не являются компетенциями, они выступают как условия для формирования компетенций. Было бы большой

ошибкой (которая намечается), если при реализации компетентностного подхода мы противопоставим его знаниям, умениям, способностям, личностным качествам» [9, с. 15-16].

Под руководством В.Д.Шадрикова была разработана «Модель специалиста с высшим профессиональным образованием» [7], в которой четко определены требования к современному специалисту.

Как известно, компетентностный подход положен в основу при разработке федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) третьего поколения. Вся высшая школа будет в ближайшие годы работать, реализуя в практике высшего профессионального образования именно компетентностный подход.

В этой связи нельзя не отметить (учитывая огромную важность вопроса), что в современных версиях компетентностного подхода в образовании остается еще немало нерешенных вопросов. Отметим, что эти недостаточно изученные вопросы касаются и методологии компетентностного подхода, и его теоретического обоснования, и практической реализации на разных уровнях образования. Систематизация трудностей компетентностного подхода представляет собой самостоятельную (и, заметим, чрезвычайно актуальную), но вместе с тем и непростую задачу. Отметим лишь некоторые моменты, подчеркнув, что неразработанность теоретических вопросов может негативно сказаться на результативности образовательного процесса.

Необходимо дополнительное исследование внутренней архитектоники компетенции. В частности, не вполне ясно, как соединяются в структуре конкретной

компетенции знания, умения, способности, личностные качества. Очевидно, что разные компетенции включают в себя названные составляющие в разных пропорциях. Необходимо разработать типологию компетенций в зависимости от конкретного состава компетенции. Не исследована архитектура компетенций разного уровня. Специальную исследовательскую задачу составляет разработка иерархии компетенций с учетом их конкретного состава. Очевидно, что при формировании той или иной компетенции очень важен вопрос о выборе правильной стратегии формирования компетенции: какие компоненты должны формироваться в первую очередь, поскольку являются основой для формирования других, и т.д. Подчеркнем, что решение этих вопросов важно для разработки адекватного инструментария для диагностики и измерения компетенций. Не секрет, что наблюдается упрощенное понимание компетенции, при котором компетенция совершенно неправомерно фактически отождествляется с навыком. Использование деятельностного подхода при выявлении номенклатуры компетенций не является гарантией составления полного перечня, т.к. зачастую при таком подходе упускаются из виду «метадеятельностные» компетенции, которые чрезвычайно важны для формирования бакалавра или магистра. В частности, недостаточный учет таких компетенций может резко понизить уровень фундаментальной подготовки, что принципиально неверно.

Иными словами, еще предстоит серьезная и масштабная теоретическая работа, которая во многом будет определять успешность реализации новых образовательных стандартов.

Впрочем, несмотря на наличие недостаточно исследованных вопросов, компетентностный подход в настоящее время является, безусловно, и продуктивным и перспективным.

Обратимся непосредственно к подготовке психолога. Не имея возможности анализировать эту глобальную проблему в целом, обратим внимание на один аспект. Предполагается, что в процессе вузовской подготовки должно быть сформировано профессиональное сознание. Необходимо отметить, что проблема становления профессионального сознания специалиста не исследована пока должным образом. Профессиональное сознание представляет собой крайне сложную структуру, которая формируется в результате взаимодействия целенаправленного вузовского теоретического обучения (складывающегося, как известно, из многих составляющих), производственных и учебных практик, «стихийного» жизненного опыта, общения с другими людьми, информации, почерпнутой из средств массовой информации, литературы и т.д. Профессиональное сознание как сложный продукт этого взаимодействия еще ждет своих исследователей. Мы здесь заметим, что формирование профессионального сознания психолога имеет свои специфические особенности. Они связаны в первую очередь с тем, что в области научной психологии существует множество существенно различных подходов, научных школ, традиций, что приводит к реальному сосуществованию различных научных теорий и концепций. В процессе вузовского обучения студент-психолог знакомится с этими подходами. Как они будут сосуществовать в профессиональном сознании будущего психолога в зна-

чительной степени зависит от стратегии обучения. Произойдет ли интеграция научного знания в сознании специалиста или сформируется «мозаичное» профессиональное сознание, или различные концепции будут существовать как независимые и рядоположные? Однозначный ответ на этот вопрос дать чрезвычайно трудно (поскольку нужны специальные исследования), но очевидно, что в значительной степени результат будет зависеть от того, какие установки будут реализованы в ходе профессиональной вузовской подготовки.

Не рассматривая в настоящей статье проблемы подготовки специалиста-психолога в вузе в целом, остановимся лишь на одном моменте, выражающем специфику современного научного психологического знания. На наш взгляд, это одна из важнейших проблем подготовки психолога в вузе и более или менее эффективное ее решение позволит существенно повысить качество подготовки специалиста в данной области. Речь идет о проблеме интеграции психологического знания.

Хорошо известно, что современная психология отличается повышенной «проблемностью» (мультипарадигмальностью, многообразием различных подходов, обобщений и теорий различного уровня): существуют десятки существенно различных определений одних и тех же понятий и, соответственно, существенно различающихся теорий. Создастся у студента-психолога более или менее непротиворечивая картина или это будет «мозаика» из разнородных представлений, в значительной степени зависит от того, как будет вестись преподавание. Конечно, «естественная интеграция»

(А.В.Юревич) происходит в ходе любого учебного процесса. А.В.Юревич справедливо отмечает: «Соответствующим образом построено и психологическое образование, предполагающее ознакомление обучающихся психологии с самыми разными концепциями, снабжение их знанием, полученным в рамках самых различных концептуальных оснований. «Чисто» бихевиористское, когнитивистское и т.п. преподавание психологии тоже трудно себе представить, а если можно – то только как систему подготовки «профессиональных кретинов». Любой современный психолог – это своего рода «стихийный интегратор» психологического знания, а первый шаг к «горизонтальной» интеграции психологической науки уже давно сделан и запечатлен в том знании, которое мы получаем в психологических вузах, в его строении и соединении в мышлении каждого из нас» [10, с.387].

Представляется, что такой естественной, «стихийной» интеграции недостаточно. Возможна целенаправленная интеграция психологического знания в ходе профессиональной подготовки студентов-психологов. Один из таких путей мы видим в установлении более тесных межпредметных связей между историей психологии и методологией психологии в процессе подготовки будущих психологов. Остановимся на этом вопросе более подробно.

Речь идет о возможностях некоторой перестройки преподавания истории психологии на основе идей коммуникативной и интегративной методологии. Чтобы избежать недоразумений, подчеркнем, что и стандарт, и содержание дисциплины остаются традиционными, изменяются лишь акценты в процессе преподавания и

учебной деятельности студентов.

История психологии традиционно рассматривается как важная составляющая профессиональной подготовки психолога в университете. Значение истории психологии состоит не только в том, чтобы обеспечить сведениями о «прошлом науки», но, в первую очередь, – перефразировать известное высказывание Р. Коллингвуда - знанием о том, что наука «собой представляет», т.е. каковы ее реальные возможности. К сожалению, приходится констатировать, что история психологии – и отечественная и зарубежная – в значительной степени до сих пор остается описательной наукой, перечислением имен, направлений, событий, теорий. Разумеется, это не означает того, что в данном направлении ничего не делается. В первую очередь необходимо отметить многолетние исследования М.Г. Ярошевского, в которых получил оформление категориальный анализ в истории психологии. Но в целом отмеченная картина достаточно характерна. Причина такого положения вещей, на наш взгляд, в значительной степени в том, что при анализе психологических концепций недостаточно используется методологический анализ. Это не дает возможности решить важные историко-психологические вопросы, избавиться от многочисленных мифов, бытующих в истории психологической науки. Использование методологического анализа, напротив, позволяет конструктивно рассмотреть многие историко-психологические вопросы.

История психологии для будущих профессиональных психологов должна иметь опору в методологии, т.к. важность такой подготовки переоценить невозможно: высококлассный психолог-исследователь

может сформироваться только в том случае, если будет иметь представление о внутреннем устройстве психологической концепции, о реальных детерминантах выбора методов исследования и т. п. История психологии представляет собой идеальный «полигон» для проведения такой подготовки. Таким образом история психологии сближается с методологией, представляя собой своего рода историческую методологию науки. Могут быть описаны основные принципы построения и содержание университетского курса «История психологии», акцентирующего методологические проблемы [5].

Инструментом подобного акцентирования выступает концепция коммуникативной методологии, ориентированная на соотнесение различных психологических концепций. В основе концепции коммуникативной методологии лежит модель соотношения теории и метода в психологии. Данная модель представляет собой структурный инвариант, поэтому может быть использована в качестве основы для осуществления соотнесения психологических концепций (данная схема неоднократно публиковалась, см., например, [6]. Предложен и описан вспомогательный аппарат коммуникативной методологии, представлена конкретная технология интеграции психологического знания, разработанная на основе коммуникативной методологии.

Остановимся несколько подробнее лишь на некоторых характеристиках коммуникативной модели. В ее структуре представлен предмет науки (как определенная проблема). Различные концепции часто представляются несоизмеримыми из-за того, что трактовка предмета в них различна. Тем не менее, сопоставление различных концепций оказывается воз-

можным, если следовать уровневому пониманию предмета. Поясним это. Вряд ли кто из психологов-исследователей не согласится с утверждением, что он изучает «психику». Назовем это декларируемым предметом. Правда, психику как таковую изучать довольно сложно, поэтому предмет трансформируется обычно либо в «отражение», либо в «регуляцию». Назовем это рационализируемым предметом. Но когда происходит реальное исследование (в котором исследуется реальный предмет), ученый ориентируется на те или иные характеристики либо поведения, либо самосознания. Причем реальный предмет представляет собой мыслительную конструкцию, изменение которой и будет представлять реальный результат исследовательского процесса. Понятно, что соотнесение концепций должно происходить с учетом различения данных уровней и осуществляться на уровне реального предмета.

«Опредмеченность» проблемы (латентное присутствие в сопоставительной модели трактовки предмета психологии) «подсказывает» идею метода. Дальнейшее уточнение связано с выбором базовой категории. Базовая категория - понятие, которое в конечном счете определяет общую ориентацию исследования. В качестве базовых категорий, как показали исследования, выступают понятия структура, функция, процесс, генезис, уровень или их сочетание. Базовая категория определяет тип организующей схемы. Организующая схема - способ организации исследования, которое может быть направлено на раскрытие структуры, функции изучаемого явления или на выявление его процессуальных характеристик и т.д.

Аналогично обстоит дело с такими структурными элементами как «базовая категория», «моделирующие представления», «метод» и др., включенными в соотносительную схему. Скажем, исследования одних и тех же явлений, но исходящие из различных моделирующих представлений не смогут быть соотнесены и сопоставлены в должной степени, пока не будет осуществлен специальный анализ моделирующих представлений [6].

Таким образом, возникает реальная возможность выявить, в каких моментах сопоставляемые концепции имеют сходство (или совпадают), а в каких различаются и за счет чего это происходит. Становится реальностью интеграция психологического знания.

Вернемся к проблеме осуществления интеграции психологического знания в ходе учебного процесса. Представляется, что в решении задачи обеспечения интеграции психологического знания роль курса истории психологии значительно больше, чем об этом принято думать. Включение специального спецкурса по коммуникативной методологии (наряду с преподаванием «Методологических основ психологии», в котором идеи коммуникативной методологии также освещаются) позволяет осуществить интеграционную работу в расширенных масштабах и распространить ее на содержание общей психологии, психологии развития и других психологических дисциплин.

Как мы полагаем, такого рода интеграция психологического знания способствует более эффективному формированию профессионального сознания будущего психолога.

Библиографический список

1. Зимняя И.А. Ключевые компетенции — новая парадигма результата образования [Текст] // Зимняя И.А. / Высшее образование сегодня. № 5. 2003, с.34-42
2. Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентного подхода в образовании. Авторская версия. [Текст] - М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004.
3. Компетентностная модель современного педагога: Учебно-методическое пособие [Текст] / О.В.Акулова, Е.С.Заир-Бек, С.А.Писарева и др. СПб: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2007.
4. Мазилев В.А. Теоретический анализ компетенций в области образования [Текст] // Мазилев В.А. / Подготовка научных кадров и формирование научно-исследовательских компетенций: Монография / Под научной редакцией доктора исторических наук М.В.Новикова. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2009, с. 15-33
5. Мазилев В.А. История психологии – необходимость нового историко-методологического подхода [Текст] / В.А.Мазилев // История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее. Материалы международной конференции по истории психологии «IV московские встречи», 26-29 июня 2006 г. / Отв. ред. А.Л.Журавлев, В.А.Кольцова, Ю.Н.Олейник. М.; Изд-во «Институт психологии РАН», 2006, с.98-106
6. Мазилев В.А. Методология психологической науки: история и современность. [Текст] / В.А.Мазилев. Методология психологической науки: история и современность. Монография. Ярославль, 2007

7. Модель специалиста и высшее профессиональное образование [Текст] / Под ред. В.Д.Шадрикова. М., 2003
8. Шадриков В.Д. Новая модель специалиста: Инновационная подготовка и компетентностный подход [Текст] // Шадриков В.Д. / Высшее образование сегодня, № 8, 2004, с. 26-31
9. Шадриков В.Д. Личностные качества педагога как составляющие профессиональной компетентности [Текст] // Шадриков В.Д. / Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова. Серия Психология, № 1, 2006, с.15-21
10. Юревич А. В. Методы интеграции психологического знания [Текст] // А.В.Юревич / Труды Ярославского методологического семинара. Т.3. Метод психологии. Ярославль, 2005, с. 377–397

Н.В. Клюева

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

В статье рассматриваются теоретические и методические аспекты социально-психологической подготовки государственных служащих. Дана характеристика видов и структуры компетенций государственного служащего, методов оценки и развития компетенций; концептуальных основ обучения государственных служащих: компетентностный подход, инновационная методология, андрагогика, информационно-коммуникационные технологии и активные методы обучения.

Ключевые слова: компетенция, социально-психологическая компетентность, формирование, государственный служащий, андрагогика, тренинг, инновационная методология.

The article describes an approach to the formation of social and psychological competence of public servants. The characteristics of the structure and competencies of civil servant, methods of assessment and development competences is given. We describe the conceptual basis of training of civil servants: an innovative methodology andragogy, information and communication technology and active learning methods.

Keywords: competence, social and psychological competence, development, public servant, andragogy, training, innovative methodology.

От государственных служащих как субъектов профессий типа «человек – человек», требуется способность моделировать ситуации эффективного взаимодействия и влияния, сформированность базовых коммуникационных навыков – аргументации, убеждения, активного слушания. Государственный служащий постоянно общается с гражданами, руко-

водителями предприятий, организаций, различных учреждений и подразделений органов власти, то есть его деятельность носит явно выраженный коммуникативный характер.

Практика показывает, что многие государственные служащие не обладают необходимым уровнем социально-психологической компетентности. В ре-

зультате возникает противоречие между высокими требованиями, предъявляемыми к профессионализму государственных служащих в современных условиях, и недостаточным уровнем их подготовленности к решению коммуникативных задач.

Исследование мотивации профессиональной деятельности государственных служащих, организационной культуры, характерной для различных Департаментов и Управлений правительства Ярославской области, выявление потребностей в обучении (2010-2011 гг.), позволили актуализировать необходимость повышения информированности и освоение современных технологий в сфере менеджмента; потребность в формировании единого смыслового поля (тезауруса, согласование концептуальных оснований и технологий, используемых в сфере управления); налаживание вертикальных и горизонтальных коммуникаций между сотрудниками. Анализ организационной культуры позволил выявить, что для большинства государственных служащих управляемость является базовой организационной ценностью по сравнению с клиентоориентированностью и инновационностью. На уровне миссии – удовлетворение интересов населения уже презентуется в сознании государственного служащего. На уровне профессионального поведения ценность клиентоориентированности еще не стала ее регулятором. С психологической точки зрения, клиентоориентированность – это оценка клиентом политики и действий организации. Обеспечивается клиентоориентированность способностью сотрудников выстраивать конструктивные отношения с внешними и внутренними клиентами [А.И. Пригожин, с.56].

Проведенная организационная диагностика позволила выявить необходи-

мость повышения эффективности обмена информацией между субъектами и объектами управления, совершенствования отношений между субъектами коммуникации на различном уровне в процессе обмена информацией, создания информационных каналов для обмена информацией между отдельными сотрудниками и группами и координации их задач и действий, регулирования и рационализации информационных потоков.

В статье мы остановимся на одном из подходов к социально-психологической подготовке государственных служащих, который внедрен в практику работы Правительства Ярославской области. Данный подход является составной частью программы повышения квалификации государственных гражданских служащих в сфере менеджмента, которая реализуется в регионе с 2010 года. В нее входят десять модулей: «Стратегический менеджмент в системе государственного и муниципального управления», «Применение технологий современного менеджмента в государственном и муниципальном управлении», «Технологии управления процессами в органах государственной власти», «Современные технологии развития человеческого потенциала в системе органов государственной власти», «Управление качеством государственных и муниципальных услуг», «Управление изменениями и инновациями», «Повышение эффективности использования служебного времени», «Возможности, технологии и инструменты проектного менеджмента», «Клиентоориентированный подход в реализации функций государственного управления» и «Современные технологии и инструменты управленческих коммуникаций».

При разработке программы повышения квалификации особое внимание было уделено согласованию интересов организации (Правительства Ярославской области), самих государственных служащих, для которых планировалось обучение, поставщиков образовательных услуг - преподавателей, которые были приглашены к разработке и реализации программы и клиентов (внешних и внутренних). Руководством Правительства Ярославской области и, прежде всего, губернатором в качестве приоритетных были сформулированы следующие задачи: формирование механизма саморазвития организации через превращение ее в обучающую организацию; создание, развитие и поддержание корпоративного знания; выработка единого стандарта профессионального поведения и организационной культуры.

Для поставщиков образовательных услуг (преподавателей, тренеров, представляющих различные вузы и образовательные Центры г. Ярославля) важной стала разработка новых идей, подходов и методического инструментария, адекватного заявленным целям обучения государственных служащих.

В статье представлен опыт реализации одного из модулей программы - «Современные технологии и инструменты управленческих коммуникаций». Его цель: формирование у государственных служащих базовых технологий и инструментов управленческих коммуникаций. Модуль разрабатывался группой психологов, работающих в Центре корпоративного обучения и консультирования ЯрГУ им.П.Г.Демидова (руководитель – зав. кафедрой консультационной психологии, профессор, доктор пс. наук Н.В. Ключева)

В ходе изучения модуля решаются следующие задачи:

- комплексное изучение современных подходов к пониманию сущности коммуникационного процесса, факторов, влияющих на его эффективность;
- теоретическое осмысление сущности, функций коммуникаций и делового общения в практике профессиональной деятельности государственного служащего;
- освоение основных технологий коммуникационного процесса, используемых в профессиональной деятельности государственного служащего;
- освоение практических методов, обеспечивающих эффективность влияния на сотрудников и клиентов;
- приобретение навыков применения теоретических положений модуля в ходе практических занятий, деловых и ролевых игр, тренингов и видеотренингов, разбора конкретных ситуаций, выбора и обоснования вариантов управленческого поведения в ситуациях делового общения.

В процессе преподавания большое значение придается интеграции теоретических знаний и отработке навыков профессиональной деятельности. Важно то, что слушатели, кроме тренинга (36 часов аудиторной работы), имеют возможность работать в режиме дистанционного обучения. Создан Учебный Портал, на котором выставлены словарь терминов, хрестоматия по управленческим коммуникациям, тесты, задания для самостоятельной работы.

Основные темы, которые предлагаются государственным служащим:

- этапы и базовые элементы коммуникационного процесса

- внешние и внутренние коммуникации, вертикальные и горизонтальные коммуникации в органах государственной власти

- правила коммуникации, коммуникационные барьеры

- техники влияния и убеждения

- активное слушание

- этапы ведения переговоров и достижения соглашений

- публичные выступления (виды, планирование, способы организации, навыки успешного публичного выступления)

- технологии проведения эффективного совещания (структура и типы совещаний, стиль проведения и роли участников, методы проведения совещаний, документирование).

Теоретические основы подхода к социально-психологической подготовке государственных служащих.

1. Использование компетентностного подхода. На этапе подготовки обучения были выделены три вида компетенций: управленческие, профессиональные и корпоративные. «Компетенция является системным проявлением знаний, умений, способностей, и личностных качеств. В каждой деятельности вес этих компонентов и их сочетания могут существенно различаться. В образовательном процессе наблюдается определенная диалектика в формировании компетенций. Компетенции формируются на основе знаний, умений, способностей, личностных качеств, но сами эти знания и др. во многом не являются компетенциями, они выступают как условия для формирования компетенций. Было бы большой ошибкой (которая намечается), если при реализации компетентностного подхода мы противопоставим его знаниям, умениям, способ-

ностям, личностным качествам» [5, с.15-16]. Структура компетенций включает в себя знания, умения и навыки, профессионально важные качества личности, профессиональный опыт и мотивационные черты личности. В качестве примера приведем содержание корпоративных компетенций. В них входят:

- знания, умения, навыки в правовой сфере (Конституция РФ, Устав Ярославской области, законодательство о гражданской службе и т.д.) и в сфере информационных технологий, а также базовые этические нормы (кодекс этики гражданского служащего и правила служебного распорядка);

- мотивационные черты личности (ориентация на работу в системе гражданской службы, ориентация на общественно полезную работу и готовность к соблюдению делового этикета);

- профессионально важные качества личности (желательные: средний или высокий уровень общей интеллектуальной культуры, стрессоустойчивость, дисциплинированность, высокая работоспособность);

- профессиональный опыт (опыт работы в органах власти и местного самоуправления)

Для выявления уровня сформированности компетенций использовались: интервью, тестирование, собеседование, социально-психологические исследования, анализ ситуаций, ассесмент-центр, наблюдение за деятельностью государственных служащих, экспертная оценка. Это позволило выявить ресурсы и ограничения государственных служащих, сформировать программу обучения, адекватную уровню их подготовки.

2. Инновационная методология понимается нами как инструмент исследо-

вания и развития систем деятельности, социальных групп как носителей этой деятельности и личности за счет организации опыта саморазвития в ходе творческого решения проблем. Иначе говоря, сущность обучения государственных служащих при реализации инновационной методологии заключается в следующем: исследуя - обучаемся, обучаясь – развиваемся [1, 3]. В ходе инновационного обучения происходит формирование эффективного мышления, направленного на решение проблем, возникающих в деятельности государственного служащего; развитие социально-психологической компетентности, обеспечивающей построение управленческих коммуникаций; актуализация личностного потенциала участников обучения.

Обучение, построенное на этих принципах, начинается с диагностического инновационного семинара, на котором участники с помощью преподавателей анализируют реальную и желаемую ситуацию, которую они бы хотели видеть в своей организации, учатся грамотно формулировать проблему, различать причины и поводы в ее появлении. Важно то, что обучение происходит в условиях группового взаимодействия, что позволяет “здесь и теперь” осваивать техники построения эффективных взаимоотношений.

3. Андрагогика. Обучение взрослых - это организация опыта саморазвития в ходе творческого решения проблем. Во время проведения занятий по модулю особое внимание уделяется формированию лояльности и преданности организации, позитивной мотивации на работу, способности устанавливать конструктивные отношения в профессиональной

группе, с организациями и с населением. При реализации андрагогической модели обучения важна опора на ведущие образовательные потребности государственных служащих. Среди них можно назвать:

1. повышение собственной компетенции как руководителя;

2. приобретение теоретических и практических знаний, углубление знаний по специальности;

3. приобретение новых знаний, применимых на практике;

4. качественное изменение содержания работы в сторону усиления организационного и управленческого компонентов;

5. повышение в результате обучения своей профессиональной репутации и престижа среди коллег;

6. установление новых деловых контактов;

7. личностный рост, возможность самоанализа.

4. Использование активных методов обучения. В обучении государственных служащих по модулю «Современные технологии и инструменты управленческих коммуникаций» основным методом является тренинг [2]. Тренинг - метод активного обучения, направленный на развитие знаний, умений, навыков и социальных установок. Тренинг достаточно часто используется в том случае, если важно не только передать новую информацию, но и сформировать навыки и потренироваться в использовании новых знаний на практике. Для того, чтобы тренинг был успешным, важно точно определить цели тренинга. Цель - это ожидаемый результат, на который ориентирован заказчик. Тренинг, который разработан для государственных служащих, основывается на следующих принципах:

- принцип активности, что предполагает не только усвоение знаний и приемов, но и самостоятельную выработку эффективных навыков управленческих коммуникаций;

- принцип обратной связи, на котором строится приобретение нового перцептивного, эмоционального и когнитивного опыта;

- нацеленность на актуализацию ресурсов участников группы;

- принцип «здесь и теперь» - в тренинге акцент делается на взаимоотношениях между участниками группы, которые развиваются и анализируются в ситуации, происходящей непосредственно на занятиях. В то же время, преподаватель находит связь между ситуацией «здесь и теперь» и профессиональным опытом участников;

- принцип доброжелательности и опора на позитив обеспечивает формирование атмосферы психологической безопасности и принятия, открытости в общении между участниками;

- принцип опоры на индивидуальный и организационный опыт участников.

5. Системное использование информационно-коммуникационных технологий. В обучении государственных служащих, кроме аудиторной работы, были разработаны: виртуальная образовательная среда, среда «Web Tutor» для организации учебного процесса. Суммарные знания в предметной области были переведены в электронный ресурс. Каждый модуль включает в себя образовательную программу; учебные материалы; презентации, сопровождающие лекции; тематический глоссарий; тесты для самопроверки; итоговое задание для самостоятельной работы; мультимедийное

представление курса в виде видеозаписи лекционной части программы.

6. Требования к преподавателю. Особое внимание при подготовке модуля было уделено тому, какую позицию должен занимать преподаватель в обучении государственных служащих. Были выделены следующие позиции: консультант, эксперт в сфере управленческих коммуникаций, посредник в отношениях между участниками обучения, образец эффективного межличностного поведения, организатор коммуникаций, модератор и эмоциональный стимулятор. Необходимо учитывать, что многие государственные служащие достаточно хорошо подготовлены к управленческой деятельности и задача преподавателя - создать благоприятные условия для взаимообогащения участников, ориентироваться на синергетические эффекты обучения.

Назовем некоторые вопросы, которые необходимо решать для содержательного и методического развития подхода к социально-психологической подготовке. Прежде всего, это согласование исходных теоретических позиций, на которых основывается преподавание каждого модуля и ориентация на модели управления, которые являются приоритетными для Правительства Ярославской области. Необходимо обратить внимание на создание банка ситуаций, актуальных для государственных служащих, и тех, которые могут быть использованы в обучении. Важным вопросом является внедрение новых технологий социально-психологической подготовки госслужащих. Также необходимо наладить обратную связь заказчику для обеспечения трансфера информации и технологий, освоенных в обучении, в практику работы Правительства.

Список литературы.

1. Дудченко В.С. Саморазвитие. Москва: «Квантро-Принт», 2007. – 400 с.
2. Ключева Н.В. Программы социально-психологического тренинга (руководство для ведущего). Ярославль: Содействие, 1992. - 68 с.
3. Ключева Н.В. Организационное консультирование./ Учебное пособие Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 2008. – 136 с.
4. Пригожин А.И. «Методы развития организации». Москва: МЦФЭР, 2003. – 864 с.
5. Шадриков В.Д. Личностные качества педагога как составляющие профессиональной компетентности //Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова. Серия Психология, № 1, 2006, с.15-21

Смагулов Б.С., Козлов В.В.

РОССИЙСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ ТРАДИЦИЯ О СУЩНОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЭЛИТ

Аннотация. В статье рассматривается история и современное состояние российской элитологии. Особое внимание уделяется теоретическим основам психологии элиты в русской дореволюционной и эмигрантской философии, политологии, правоведения, социологии, представленных такими выдающимися деятелями науки и культуры, как Н.А.Бердяев, М.Я.Острогорский, П.А.Сорокин, И.А.Ильин, Г.П.Федотов.

Ключевые слова: элита, власть, лидер, общество, идеология, парадигма.

Annotation. This article describes the history and current state of the Russian litologii. Focuses on the theoretical foundations of Psychology elite in pre-revolutionary Russian emigre and philosophy, political science, law, sociology, represented by such outstanding figures of science and culture, N. Berdiayev, M. Ostrogorsky, P. Sorokin, I. Ilyin, G. Fedotov.

Keywords: elite, the power, the leader, society, ideology, paradigm.

Уже много столетий человечество отчетливо сознает, что жизнь миллионов людей оказывается зависимой от решений, которые принимают немногие власть имущие, зависимой от того, являются ли эти решения квалифицированными и, главное, выражают ли они интересы и потребности населения или же своекорыстные интересы привилегированного меньшинства. Поэтому особая роль правителей — лидеров, элиты неизменно была предметом острого интереса и вни-

мания социальных мыслителей. Идеологи правящих классов, естественно, оправдывали существование элиты, в то время как лидеры и идеологи классов и слоев, не представленных в правящей элите, порой ставили под сомнение легитимность этого слоя. Хотя следует признать, что всякий раз, когда они брали власть в свои руки, оказывалось, что властные функции по-прежнему осуществлялись меньшинством. Успешное функционирование общества, качество жизни людей в значи-

тельной мере зависит от этого правящего меньшинства.

Известно, что в советское время элитологическая проблематика была табуирована. Исследования советской элиты были невозможны по идеологическим (а, значит, и цензурным) соображениям. В соответствии с официальной идеологией, элиты не может быть в обществе социалистическом. Хотя наличие элиты — привилегированного слоя в виде прежде всего верхушки партийно-советской бюрократии было секретом Полишинеля. И исторически элитологическая проблематика входила в советскую науку с «черного хода» — через разрешенный жанр «критики буржуазной идеологии». Разумеется, сам термин «буржуазная социология» — такая же бессмыслица, как «буржуазная математика».

Когда цензурные препоны были сняты, элитологические исследования в России стали осуществляться широким фронтом. Перефразируя слова непопулярного ныне классика, Россия «выстрадала» элитологию. Уж слишком натерпелась она от правления неквалифицированной, авторитарной (а тем более тоталитарной) часто коррумпированной политической элиты. А это вылилось в острую потребность в научном анализе, который сформулировал бы оптимальные подходы к повышению качества элиты, принципам ее рекрутирования, демократического контроля над элитой, элитного образования. К тому же были и другие важные предпосылки для формирования школы современной российской элитологии. Она могла опереться на тысячелетнюю традицию русской дореволюционной элитологии.

Зарождение российской элитологии (ее правильное назвать протоэлитологи-

ей) относится по меньшей мере к XI в. В «Русской Правде» Ярослава Мудрого (978-1057) фиксируется социальное расслоение населения, права и привилегии элитного слоя, узакониваются два сословия — княжеские мужи и простолюдины. Первые и составляли привилегированное сословие (прежде всего княжескую дружину), посредством которого князья правили своими княжествами, оборонялись от врагов [1, 2].

Игумен Псковского монастыря Филофей (1465-1542) писал о богоизбранности великокняжеской власти, выдвигал идею мессианской роли Руси и ее правителей: «...два Рима пали, а третий стоит, четвертому же не бывать». Князь А.М. Курбский(1528-1583) считал, необходимым для государя иметь мудрых советников, выступал за Думу при царе, состоящей из бояр (аналог западноевропейской аристократии), которая бы сдерживала абсолютную, деспотическую власть монарха. Иван IV Грозный в своем послании утверждал, что князь должен быть самодержцем, несущим ответственность не перед людьми, но перед Богом, карать непокорных бояр. Но вот впервые в российском обществе появился человек, который рассматривал управление и отношение элита-масса не с позиций элиты, а с позиций объекта ее управления — народа. Это был А.Н. Радищев — социальный философ, писатель, просветитель, крупный чиновник. В 1790 г. он издал в частной типографии «Путешествие из Петербурга в Москву». Социально-политический строй России он именует «чудищем»: крепостное право, самодержавие, деспотизм гнетет общество. Он — сторонник естественного права людей, «принявших одинаковое от природы сло-

жение и потому имеющих одинаковые права, следственно, равных во всем между собою и единые другим не подвластных». А в действительности — власть имущие, пресыщенные богатством, тиранически управляют народом. Сочинения Радищева — не рассуждения в рамках привычной элитаристской парадигме, а, напротив, в парадигме эгалитаристской. В работе «О самодержавстве» Радищев пишет: «Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние». Расплатой за вольнодумство был смертный приговор, замененный ссылкой в Сибирь...

В первой половине XIX века элитарная парадигма остается преобладающей. Даже у одного из руководителей и идеологов декабристов П.И. Пестеля в его «Русской правде» говорится о «разделении членов общества на повелевающих и повинующихся. Сие разделение неизбежно». Определенный отход от элитарной парадигмы мы находим в работах другого видного деятеля и идеолога декабристов Н.М. Муравьева. Особый интерес представляет его проект конституции (второй вариант, 1824 г): «Русский народ, свободный и независимый, не есть и не может быть принадлежностью какого-либо лица и никакого семейства. Источник Верховной власти есть народ, которому принадлежит исключительное право делать основные постановления для самого себя». Замечательные слова, которым, увы, не суждено было быть реализованными.

Идеология либерального реформаторства в России в начале XIX в. строилась на элитарной парадигме, пусть слегка демократизированной. Отметим, что по поручению Александра I в период его ли-

беральных задумок пользовавшийся его особым доверием граф Н.Н. Новосильцев разработал проект конституции под названием «Государственная уставная грамота Российской империи». В ней говорилось: «Государь есть единственный источник всех в империи властей гражданских, политических, законодательных и военных». А далее: «Но законодательной власти государя содействует государственный сейм. Да будет российский народ отныне навсегда иметь народное представительство. Оно должно состоять в государственном сейме (государственной думе), составленном из государя и двух палат. Первую, под именем высшей палаты, образует сенат, а вторую, под именем посольской палаты, земские послы и депутаты окружных городских обществ». К сожалению, эта попытка конституционной монархии не была реализована. [2]

Это относится и к знаменитому проекту «Введение к уложению государственных законов» ближайшего сотрудника Александра I М.М. Сперанского. Он впервые в России сформулировал принцип разделения властей, ссылаясь на традиции народного представительства, предлагал привлечь к участию в законодательстве, суде и управлении народных представителей на разных уровнях. Реализация проекта было бы шагом к превращении России в конституционную монархию, означало бы прогресс в ее политическом развитии.

Взлет политической мысли, развивавшейся в духе эгалитаристской парадигмы, относится ко второй половине XIX века. Он проявился прежде всего в творчестве М.А. Бакунина. «Придать обществу такое устройство, чтобы каждый индивид... находил, являясь в жизни,

почти равные средства для реализации своих различных способностей», мечтал он. Вступив в I Интернационал, он остро критиковал Маркса, говоря: «...мы всегда будем протестовать против всего, что хоть сколько-нибудь похоже на государственный социализм и коммунизм». Когда Маркс в «Критике Готской программы» утверждал, что социализм делает экономические отношения настолько прозрачными, что не требует товарно-денежных отношений, что работник, отработав, допустим, восемь часов, получает справку об этом и может получить необходимые ему продукты, на производство которых затрачено другими те же восемь часов. Бакунин задавал Марксу вполне невинный, на первый взгляд, а в действительности весьма ядовитый вопрос: а кто, собственно, будет выдавать подобную справку? По-видимому, чиновник, бюрократ. А над этим чиновником будет еще один чиновник и т.д. Так вот эта бюрократическая прослойка и будет реально управлять обществом, она превратится в бюрократическую прослойку, привилегированное сословие (элиту). Государство диктатуры пролетариата, пропагандируемое Марксом, будет представлять собой «деспотизм управляющего меньшинства», прикрываемый демагогическими фразами о том, что он — выражение народной воли. Анализируя взгляды Маркса и Лассаля, писал Бакунин, «приходишь к тому же самому печальному результату: к управлению огромного большинства народа привилегированным меньшинством. Но это меньшинство, говорят марксисты, будет состоять из работников. Да, пожалуй, из бывших работников, но которые, как только станут правителями или представителями наро-

да, перестанут быть работниками и станут смотреть на весь чернорабочий мир с высоты государственной, будут представлять уже не народ, а себя и свои притязания на управление народом». По поводу утверждения марксистов, что диктатура пролетариата будет недолгой и что ее целью будет образовывать народ и поднять его политически, Бакунин выражает глубокий скептицизм, утверждая, что «никакая диктатура не может иметь другой цели, кроме увековечивания себя».

Нужно ли говорить, что эта анти-элитаристская эскапада выпадала из общего хора консервативной элитаристской литературы. Даже либеральный элитизм был в ней редкостью. Отметим работы Б.Н. Чичерина, одного из лидеров либерального западнического крыла в русском общественном движении. Сторонник парламентаризма, он писал, что «парламент дает государству способных деятелей...». Приобретенные здесь опытность и знание дела, ширина взглядов, умение ладить с людьми составляют лучшие свойства государственного человека. Чичерин был критиком бюрократии, хотя и понимал, что недостатки бюрократии во многом являются отражением всего общества в целом. Он писал о пороках бюрократии (которые, увы, сохранились о поныне): «...формализм, лихоимство, своекорыстные виды, равнодушие к общественному благу — вот явления, ...которые довели ее до той степени непопулярности, на которой она стоит». Но, по большому счету, без бюрократии немислимо государственное устройство. Ее только нужно поставить под недреманное око гласности, уравновесить ее общественным элементом. Бюрократия имеет свой собственный интерес, состоящий в том, чтобы властвовать безгранично.

Свой подход к разрешению противоречия между массой и элитой предлагал народоволец П.Н. Ткачев. Подход по существу элитарный, но зато во имя большинства, во имя эгалитарных идеалов — бланкистский захват власти, осуществляемый революционным меньшинством (разумеется, передовым, самоотверженным, героическим) во имя будущего равенства и всеобщего счастья. Это меньшинство не очень разборчиво в методах достижения своей цели — годятся почти любые, вплоть до террора. Мысль о том, что в случае успешного захвата власти это меньшинство не захочет с ней расставаться, в голову как-то не приходит. Идеология и психология этой «революционной элиты» блестяще описаны в романе Ф.М. Достоевского «Бесы». Ткачев считает неправильным ждать, когда большинство населения уразумеет свои собственные интересы. Да тогда и революция будет как бы и не нужна. Ткачев пишет: «Революция... тем-то и отличается от мирного прогресса, что первую делает меньшинство, а второй — большинство». Затем подобную позицию во многом позаимствуют большевики.

Элитология XX века — бурная схватка двух известных нам парадигм. Сначала дадим слово знаменитому представителю эгалитаристской концепции, теоретику анархизма, князю П.А. Кропоткину. По Кропоткину, в центре идейной борьбы в человеческом обществе на протяжении тысячелетий стоит борьба эгалитарной и элитарной идеологий. «Через всю историю нашей цивилизации проходят два течения, две враждебные традиции: римская и народная; императорская и федералистская, традиция власти и традиция свободы... Которое нам выбрать из этих двух борю-

щихся в человечестве течений?». Выбор автора не вызывает сомнений. Пожалуй, наиболее авторитетным свидетельством в пользу элитаризма большевиков (пусть скрытого элитаризма) являются труды В.И. Ленина. Обратимся прежде всего к такой известной его книге, как «Что делать?». В ней обосновывается типично элитарный взгляд на возможности рабочего класса самому выработать социалистическое сознание. Утверждается, что пролетариат сам в состоянии выработать лишь понимание необходимости борьбы за повышение зарплаты, за улучшение условий труда, иначе говоря, за улучшение условий продажи своей рабочей силы, в то время как коренной, глубинный интерес этого класса состоит в свержении системы гнета и эксплуатации — капиталистической системы, и построения социалистического общества. Но это социалистическое сознание, идеи социалистической революции, социалистического преобразования общества могут быть внесены в рабочее движение только извне — интеллигентами, вставшими на позиции рабочего класса, социалистами, коммунистами. Итак, теорию социализма, стратегию и тактику социалистической революции разрабатывает элита интеллектуалов и организаторов, она вносит социалистическое сознание в рабочее движение. Далее, насквозь элитарной оказывается организационная структура партии «нового типа». Строжайшая конспирация, строжайший отбор членов партии и особенно лидеров партии, которым «некогда думать об игрушечных формах демократизма». Узкий слой партийных функционеров, ее элита, и широкий слой членов партии, выполняющих решения ее руководства — таков был зародыш будущего «нового класса». Когда же партия

пришла к власти, элитарная структура партии была воспроизведена в масштабах крупнейшей страны мира [3].

Известно, что Плеханов, Мартов и другие лидеры РСДРП категорически выступали против жесткого централизма ленинской партии, называя его сверхцентрализмом, смертельно опасным для партии, опасным прежде всего тем, что принижает инициативу масс, приучая их подчиняться указаниям сверху. Но Ленину нужна была именно такая сверхцентрализованная партия, как важнейший инструмент завоевания и удержания власти. Тот путь к социализму, который предлагало правое крыло социалистов: партия добывается власти на демократических выборах, а предшествующая элита обновляется за счет широкого проникновения в нее наиболее инициативных представителей народа, объявлялся оппортунизмом.

Ленинские профессиональные революционеры превратились в профессиональных правителей, в правящую элиту, их власть была институционализована в форме номенклатурной системы. Сам Ленин признавал: «Если не закрывать глаза на действительность, то надо признать, что в настоящее время пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией». Провозгласив диктатуру пролетариата, большевики установили фактическую диктатуру большевистской верхушки, большевистских вождей, большевистской элиты, переросшую в абсолютную власть харизматического лидера, опирающуюся на террористическую систему тотального контроля над населением.

К классикам российской элитологии

относится М.Я.Острогорский – юрист, политолог, член Первой Государственной Думы. Его фундаментальный труд «Демократия и политические партии» был издан на французском языке в 1898 г, на русском – в 1903 г., затем в 1927 (1 том) и в 1930 г.(2-й том) – то есть на 13 лет раньше, чем книга на эту же тему Р.Михельса «К социологии политических партий в современной демократии», изданной в Лейпциге в 1911 г. А именно за эту книгу Михельс считается одним из основоположников современной элитологии (наряду с Г.Моской и В.Парето) и, как утверждается во многих американских и западноевропейских учебниках по политологии и социологии, является основоположником социологии политических партий.

В действительности эта честь принадлежит М.Острогорскому. В своей книге Михельс формулирует «железный закон олигархических тенденций» демократия, чтобы сохранить себя, вынуждена создавать организацию, а это связано с созданием в ней активного лидирующего звена – элиты, и демократическая организация неизбежно превращается в олигархическую. Острогорский гораздо корректнее решает эту проблему, показывает борьбу олигархических и демократических тенденций в политических организациях и отсутствие фатальной предопределенности олигархичности в политической процессе. Анализируя развитие политических партий в Англии и США, Острогорский показывает нарастающий в них процесс централизации и бюрократизации, анализирует кокусы – органы, контролирующие избирательную кампанию партии, и постепенно захватывающие власть в партии, которая сосредотачи-

вается в руках партийною бюрократии, партийной элиты. Но нельзя принимать это за «явление естественного порядка, за неизбежное зло», есть возможность альтернативного развития политических структур, если опираться на народную инициативу, пропорциональное представительство, референдумы и т.д. стимулируя демократические тенденции. «Демократия, следовательно, нуждается в вождях, но лишь при условии, что существует естественный отбор руководящей группы. Как создать более благоприятные условия для развития этого отборного элемента в общественной жизни? В этом заключается одна из основных проблем демократии». Помимо олигархической тенденции в политических партиях и организациях, Остогорский допускает и обосновывает возможность альтернативного развития политических систем с помощью таких механизмов, как, например, пропорциональное представительство, референдум, народная инициатива... это изменение может произойти лишь после довольно долгой эволюции, так как оно обязательно предполагает демократию, в которой политическое образование будет стоять выше, чем сейчас».

Одновременно в первые десятилетия XX века в России развивались и элитарные концепции. Наиболее ярким представителем этого направления был один из крупнейших российских философов Н.А.Бердяев, которого по праву можно считать классиком российской элитологии, ее аристократического варианта. Пожалуй, наиболее полно его концепция выражена в книге «Философия неравенства», на которую мы будем ссылаться. Но при этом нам придется сделать оговорку. В своих последних работах он

пересмотрел ряд положений этой книги, перейдя на позиции персонализма, которые он называет персонализмом социалистическим. Он пишет: «Я вернулся к той правде, которую исповедывал в юности. Я называю это социалистическим персонализмом, который радикально отличается от преобладающей метафизике социализма, основанного на примате общества над личностью. Персоналистический социализм исходит из примата личности над обществом». Но бердяевский персонализм, несомненно, элитарный персонализм, ориентированный на элитизацию личности. Причем он почти не обращается к термину «элита», предпочитая ему старый термин «аристократия», считая его более адекватным.

«Аристократия сотворена Богом и от Бога получила свои качества. Свержение исторической аристократии ведет к установлению другой аристократии... всякое желание выйти в аристократию, возвыситься до аристократии из положения низшего по существу не аристократично. Возможен лишь природный, прирожденный аристократизм. Истинная аристократия может служить другим, служить человеку и миру, потому что она не занята самовозвышением, она изначально стоит достаточно высоко. Она – жертвенна. В этом вечная ценность аристократического начала. Права аристократии – права прирожденные, а не благоприобретенные. Возможна и оправдана лишь аристократия Божьей милостью, аристократия по духовному происхождению, по связи с прошлым. То, что представляется нам несправедливым и возмущающим в положении аристократа, это и есть оправдание его существования в мире, привилегия по происхождению, не по личным заслугам,

не по личному труду и не по личному достижению.

И это должно быть в мире. Гений и талант принадлежат к духовной аристократии потому, что гений и талант – даровые, не заслуженные, не заработанные. Гений и талант получены по рождению, по духовному происхождению, по духовному наследованию. Духовная аристократия имеет ту же природу, что и аристократия социальная, историческая, это всегда привилегированная раса, получившая даром свои преимущества». Бердяев признает, что в аристократизме есть «божественная несправедливость, божественная прихоть и произвол. Бездарное, плебейско-пролетарское требование уравнилельной справедливости и воздаяние каждому по количеству труда есть посягательство на цветение жизни, на божественную избыточность. Но в несправедливой божественной избыточности может быть скрыт высший смысл мировой истории, цвет ее. Аристократия в истории может падать и вырождаться. Она имеет уклон к образованию касты. Она начинает противопоставлять себя народу. Она изменяет своему назначению и вместо служения требует привилегии. Но аристократизм не есть право, аристократизм есть обязанность. Аристократия по своей идее – жертвенна. Но она может изменять своей идее. Тогда она слишком цепляется за свои внешние преимущества и падает». Бердяев считает, что «демократию нельзя даже противопоставлять демократии. Это понятия несоизмеримые, совершенно разнокачественные. И представительная демократия может ставить своей целью подбор лучших и установление царства истинной аристократии».

В своих работах Бердяев развивает идеи богочеловечества – обобщая бога-

тое наследие – от гениев патристики до В.Соловьева. Поскольку Бог сотворил человека по своему образу и подобию, поскольку Бог – это творец, творчество – качество, приближающее человека к божественному. Развитие творческой сущности – элитизация личности (а личность в потенции – это творческая личность) – это и есть приближение к божественному. В персоналистской иерархизации Бердяева самый высокий уровень – творческая личность, ее высшее проявление – гениальность, которая включает в себя творческий экстаз, это – путь к святости.

Близких взглядов на элиту придерживался другой видный философ – персоналист – Н.О.Лосский. Он развивал концепцию «иерархического персонализма», который «есть учение о монархическом строении вселенной. Однако этот онтологический монархизм совсем не похож на политический монархический строй человеческого общества. Во всяком органическом целом высшее начало, подчиняющее и объединяющее свои элементы, стоит онтологически на высшей ступени бытия, чем его элементы...». Возвышение, элитизация личности – это «правильный путь к Царству Божьему». Государство сильно, когда в элиту осуществляется отбор лиц, наиболее одаренных; косная, своекорыстная элита неизбежно будет свергнута.

Проблемам элитологии большое внимание уделял великий российский социолог П.А.Сорокин. Вынужденный эмигрировать из России (большевики не простили бы ему то, что он был секретарем А.Керенского), он возглавил социологический факультет Гарвардского университета. Сорокин – один из родоначальников и классик теорий социальной

стратификации и социальной мобильности. Особенно интересовала его восходящая мобильность в элиту. Монополия власти в руках узкого привилегированного слоя препятствует восходящей мобильности, делает общество «закрытым», загнивающим, препятствует наиболее талантливым выходцам из «низших» социальных страт – т.е. из народа, что губительно для общества.

В России первоначально, отеснив боярство, дворянство успешно выполняло управленческо - административные функции. Но с конца XVIII века начался процесс вырождения дворянской элиты, которая подчас игнорировала государственную службу, превращаясь в социального паразита, транжирившего средства, накопленные их предками.

Интересна его теория «головастиков» – талантливых выходцев из низших слоев общества, потенциальной элиты, которые своим интеллектом и способностями превосходят дворянскую правящую элиту, остающуюся еще у власти, мешая «головастикам» войти в элиту, превращая ее в контр - элиту. Социальный баланс в обществе нарушается. «Когда аристократия сильна и талантлива, то никакие искусственные барьеры ей не нужны для защиты ее от посягательства со стороны «выскочек». Но когда она бесталанна, то в искусственных препонах ощущается такая же острая необходимость, как костыль инвалиду, что, собственно, и происходит в истории. В периоды застоя в дореволюционные эпохи вырожденцы правящего класса прибегают исключительно к искусственным средствам для предотвращения процесса проникновения в их среду «головастиков» из низов и для монополизации всех высоких обществен-

ных позиций. Нечто подобное произошло в Древнем Риме, когда в середине 11 века до н.э. был принят закон о закрытии всех высших постов в стране для инородцев».

Сорокин открыто говорит об исторической вине предреволюционной русской политической элиты, которую заботили не столько интересы страны, сколько собственные хищнические аппетиты. «Вот почему не следует удивляться приговору истории, вынесенному русской аристократии и пределу, который был положен этому наросту на теле России. Гибель русской аристократии произошла без всякого героизма. Нечто подобное можно наблюдать и на примере других революций. Все это подтверждает нашу догадку относительно второй причины революций – вырождение элиты общества».

Накануне революции дворянская элита упорно тормозила продвижение талантов из простонародья, аккумулировала бездарных политиков. Отсюда – неизбежность революции. И когда она происходит – «все барьеры на пути свободной циркуляции разрешаются одним ударом. Безжалостная революционная метла начитает выметать социальный мусор, не задумываясь при этом, кто виноват, а кто нет. В мгновение ока «привилегированные» оказываются сброшенными с высот социальной пирамиды, а низы выходят из «социальных подвалов. В «сите» селекции образуется огромная щель, сквозь которую могут проникнуть все индивиды безо всякой дискриминации. Но во второй стадии революция устраняет свои же собственные ошибки, воздвигая новое «сито». Итак, когда «головастиков» больше у основания социальной пирамиды, чем на ее вершине, социальный баланс нарушается, и они раньше или позже ста-

нут новой элитой. Все это не исключает того, что дворянская элита выполняла важные социальные функции, особенно культурные, и страшные репрессии по отношению к ней было трагедией для России [1].

Более 20 лет провел в эмиграции и выдающийся русский философ И.А. Ильин. Он считал, что демократия хороша лишь тогда и постольку, поскольку она рождает аристократию, подлинную элиту, отбирая в ряды верховной власти лиц, наиболее одаренных для государственной деятельности. Творческая изобретательность человека и общества может найти много новых путей для усовершенствования техники этого отбора, например путем организации профессиональных и т.п. форм представительства. Возможно, что этот отбор будет где-либо производиться не в формах демократической избирательной борьбы, а на основании объективных, точно установленных признаков, например, на основании услуг, оказанных обществу и свидетельствующих о нравственной и умственной способности к государственной деятельности. Во всяком случае, однако, очевидно, что такая аристократия духа не будет возвратом к абсолютной монархии, а будет движением вперед [1,2,3].

Много размышлял о проблемах элиты русский философ и историк Г.П. Федотов, эмигрировавший в 20-е годы во Францию, затем в США. Он писал: «Создание элиты в России дело не столь безнадежное. Прежде всего, в какой - то мере она существует. В России работают ученые с мировым именем», что говорит о неистребимости старой интеллигенции. «Элита и ее ядро существует. Она рассеяна, придавлена, измучена, лишена корпоративного созна-

ния, старая русская интеллигенция была орденой. Была исполнена сознанием своей миссии и своей выделенности из толпы. Выделенности не для привилегий, а для страданий и борьбы...». Многие положения Г.Федотова остро полемичны, например, его постановка вопроса о соотношении элиты и интеллигенции. «Создание элиты, или духовной аристократии, есть задача, прямо противоположная той, которую ставила русская интеллигенция. Она поставила целью разрушить стену, отделяющую культурный слой, главным образом дворянский, от народа любой ценой, хотя бы уничтожением самого культурного слоя, ради просвещения народа. Опуститься самим, чтобы дать подняться народу – в этом смысл интеллигентского «кенозиса» или народничества. Существование образованной элиты в безграмотной стране считалось аномалией.

Еще раз отметим, что нынешний взлет элитологических исследований в России в последние три десятилетия (а за этот период опубликовано более пятидесяти монографий, около двух тысяч научных статей по проблемам федеральных и региональных элит) объясняется не только социальными потребностями, но и тем, что они могли опереться на многовековую элитологическую российскую традицию

Школа российской элитологии сформировалась на рубеже тысячелетий (главным образом, последние лет). И это вполне объяснимо. Известно, что в советское время элитологическая проблематика была табуирована. Исследования советской элиты были невозможны по идеологическим (а, значит, и цензурным) соображениям. Не случайно, что российская элитология сформировалась в годы демократического транзита России. Ког-

да цензурные препоны были сняты, элитологические исследования в России стали осуществляться широким фронтом.

К тому же были и другие важные предпосылки для формирования школы современной российской элитологии. Она могла опереться на мощные традиции русской до-революционной и эмигрантской философии, политологии, правоведения, социологии, представленных такими выдающимися деятелями науки и культуры, как Н.А.Бердяев, М.Я.Острогорский, П.А.Сорокин, И.А.Ильин, Г.П.Федотов, внесших неограниченный вклад в развитие элитологии.

Российская школа элитологии бурно развивается в последнее десятилетие; ее представители опубликовали более двадцати монографий, сотни статей по важнейшим аспектам элитологии. Свой вклад в российскую элитологию внесли московские элитологи М.Н.Афанасьев, Г.К.Ашин, О.В.Гаман, Е.В.Охотский и др., ростовские элитологи А.В.Понеделков, В.Г.Игнатов, С.Е.Кислицын, А.М.Старостин, астраханец П.Л.Карабушенко, петербуржцы С.А.Кугель, А.В.Дука, элитологи Екатеринбург, Саратова, Татарстана и многих других регионов России. Именно в России – впервые в мире – выходят элитологические журналы – «Элитологические исследования» (теоретический журнал), «Российская Элита» (иллюстрированное популярное издание), «Элитное образование». Школа российской элитологии по праву заняла ведущее место не только по исследованию российских элит (еще пару десятилетий назад о российских элитах можно было узнать лишь из работ зарубежных советологов и российских политэмигрантов), но и по ряду общетеоретических проблем элитологии [6,7].

Российская элита находится на стадии формирования во всех своих внутренних структурах, хотя и влияние элитарной традиции на ее функционирование мы можем определить и на сегодняшний день. В социальной-психологическом отношении элита склонна к власти неделимой и не смещаемой, полностью автономной и неподконтрольной обществу. И, на наш взгляд, в жизни современной элиты наблюдается традиционная связь российской власти с обладанием и распоряжением собственностью.

Психологическое исследование элиты, на наш взгляд не только чрезвычайно любопытно с научной точки зрения, но и имеет большое практическое значение.

7. Ахиезер, А.С. Россия: критика исторического опыта: социокультурная динамика России [Текст] /А.С.Ахиезер.- Новосибирск: Сиб. хронограф, 1998. 594 с.

8. Политическая психология: учеб. пособие для вузов [Текст]/ Под общей ред. А.А.Деркача, В.И. Жукова, Л.Г. Лаптева. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. 858 с.

9. Русская доктрина (Сергиевский проект) / Под ред. А.Б. Кобякова, В.В. Аверьянова. М.: Яуза-пресс, 2007. 864 с.

10. Бердяев, Н.А. Смысл творчества [Текст] /Н.А.Бердяев.- М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2002.- 678 с.

11. Бердяев, Н.А. Философия свободного духа: сборник [Текст] /Н.А.Бердяев.- М.: Республика, 1994.- 479 с.

12. Кислицын С. А. Научная элита в системе политической власти. 2-е изд., испр. и доп. [Текст]/С.А.Кислицын С.А.: М.: URSS, 2008.- 282

13. Крыштановская О. Анатомия российской элиты [Текст]/О.Крыштановская: М.: Захаров, 2005.- 384 с.

ЭКСПЕРИМЕНТ И ТЕХНОЛОГИЯ

Козлов В.В., Абдулаева А.В.

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНТОВ В ИЗМЕНЯЮЩИХСЯ УСЛОВИЯХ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

Аннотация. В статье рассматривается исследование особенностей ценностных ориентаций студентов в изменяющихся условиях обучения в вузе. Сравнение двух выборок (первого и четвертого курса вуза) показывает, что молодые люди, находящиеся на этапе завершения обучения в вузе, в значительно большей степени целеустремленны, ответственны за реализацию поставленных целей, имеют выраженную временную перспективу. Им присуща гораздо большая уверенность в своих силах и ответственность за реализацию поставленных целей

Ключевые слова: ценностные ориентации, адаптация, профессиональное становление личности будущего специалиста, инструментальные ценности

Annotation. Describes a study of the features of value orientations of students learning in a changing environment. Comparison of the two samples (the first and fourth year University) shows that young people who are at the stage of completion of training in high school, more purposeful, responsible for implementing the objectives are expressed by the time perspective. It has a much greater self-confidence and responsibility for the realization of the goals set

Keywords: value orientations, adaptation, professional formation of personality of the future specialist instrumental value

Студенческий период является сенситивным периодом для развития основных социогенных потенций человека (Б.Г. Ананьев). Исключительное значение имеет изучение личностных особенностей студентов и их проявление в условиях обучения в вузе. Их объективизация приобретает особую актуальность, так как грамотная диагностика, коррекция и профилактика развития социально-психологической дезадаптации студента может помочь в становлении личности специалиста, сохранив молодого человека как здоровую личность и эффективно-го профессионала.

Оценка динамики и состояния ценностных ориентаций студента имеет

большое значение для анализа процесса адаптации к изменяющимся условиям обучения в вузе, профессионального становления личности будущего специалиста, для планирования его профессиональной кар

Базой исследования являлся Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова. Выборку составили студенты 1 и 4 курсов, естественно-научного и гуманитарного циклов, обучающиеся по кредитной и линейной технологиям обучения.

В проводимом исследовании одной из задач было определение того, каким образом оценивают различные жизненные ценности студенты 1 курса, обучающие-

ся по кредитной и линейной технологиям обучения.

В результате проведенного исследования терминальных ценностей студентов

1 курса по кредитной и линейной технологиям обучения по методике М. Рокича были получены данные, которые представлены на рисунке 1.

Рисунок 1. Показатели терминальных ценностей студентов 1 курса, обучающихся по кредитной и линейной технологиям обучения.

1 – активная деятельная жизнь	10 - познание
2 – жизненная мудрость	11 – продуктивная жизнь
3 – здоровье	12 - развитие
4 – интересная работа	13 - развлечения
5 – красота природы и искусства	14 - свобода
6 – любовь	15 – счастливая семейная жизнь
7 – материально обеспеченная жизнь	16 – счастье других
8 – друзья	17 - творчество
9 – общественное признание	18 – уверенность в себе
- * наиболее значимой ценности присвоен минимальный ранг

На основании анализа приведенного графика можно сделать следующие выводы. Наиболее значимой ценностью для студентов 1 курса по кредитной технологии обучения является активная деятельная жизнь (полнота и эмоциональная насыщенная жизнь). Далее по степени значимости стоит любовь, духовная и физическая близость с любимым человеком. На третьем месте – наличие хоро-

ших и верных друзей. А так же в число значимых ценностей входят жизненная мудрость, развитие, красота природы и искусства.

Наименее значимой из терминальных ценностей являются творчество (возможность творческой деятельности), уверенность в себе (внутренняя гармония, свобода от внутренних противоречий, сомнений), свобода (самостоятельность,

независимость в суждениях и поступках), познание (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, интеллектуальное развитие).

Наиболее значимой ценностью для студентов 1 курса по линейной технологии обучения является любовь, духовная и физическая близость с любимым человеком. Далее по степени значимости стоит активная деятельная жизнь. На третьем месте – здоровье. Так же в число значимых ценностей входят материально обеспеченная жизнь, жизненная мудрость, друзья.

Наименее значимыми из терминальных ценностей для студентов 1 курса линейной технологии обучения является счастье

других, творчество (возможность творческой деятельности), уверенность в себе.

В целом наиболее значимыми жизненными устремлениями для студентов 1 курса являются близкие люди, стремление к удовлетворенности собственной жизнью, направленность во вне.

В результате проведенного исследования инструментальных ценностей студентов 1 курса, обучающихся по кредитной и линейной технологиям обучения, по методике М. Рокича были получены данные, обработав которые мы составили следующий график, отображенный на рисунке 2.

Рисунок 2. Показатели инструментальных ценностей студентов 1 курса, обучающихся по кредитной и линейной технологиям обучения.

1 – аккуратность	10 - самоконтроль
2 – воспитанность	11- твердая воля
3 – высокие запросы	12 - терпимость
4 – жизнерадостность	13 – широта взглядов
5 – непримиримость к недостаткам	14 - честность других
6 – независимость	15 – эффективность в делах
7 – ответственность	16 - чуткость
8 – рационализм	17 - исполнительность
9 – отстаивание своих взглядов	18 – образованность
- * наиболее значимой ценности присвоен минимальный ранг

На основании анализа приведённого выше графика можно сделать следующие выводы. Для большинства студентов 1 курса, обучающихся по кредитной технологии основной ценностью в жизни, по их мнению, являются высокие требования к жизни и высокие притязания. На второе место вышли такие конкретно сформулированные ценности как жизнерадостность и чувство юмора. Далее в качестве главных ценностей фигурируют аккуратность (чистоплотность), чуткость и заботливость, умение содержать в порядке вещи, порядок в делах, честность и порядочность, независимость, образованность.

Наименее значимой из инструментальных ценностей являются эффективность в делах, трудолюбие, продуктивность в работе, самоконтроль (сдержанность и дисциплина), смелость в отстаивании своего мнения и рационализм (умение здраво и логично мыслить, принимать обдуманные, рациональные решения).

Наиболее значимой из инструментальных ценностей для студентов 1 курса, обучающихся по линейной технологии обучения является образованность. На втором месте – аккуратность. На третьем месте – высокие запросы, требования к жизни. Далее в качестве главных ценностей фигурируют воспитанность, ответственность, жизнерадостность и чувство юмора.

Таким образом, мы видим, что сфера обучения и образования отражает стремление студентов 1 курса, обучающихся на различных факультетах по линейной и по кредитной технологии обучения, к получению образования. Что может служить положительным показателем для успешного процесса адаптации студентов к изменяющимся условиям обучения в вузе.

Исследования терминальных ценностей студентов 4 курса, обучающихся по кредитной технологии обучения, по методике М. Рокича представлены на рисунке 3.

Рисунок 3. Показатели терминальных ценностей студентов 4 курса, обучающихся по кредитной и линейной технологиям обучения.

1 – активная деятельная жизнь	10 - познание
2 – жизненная мудрость	11 – продуктивная жизнь
3 – здоровье	12 - развитие
4 – интересная работа	13 - развлечения
5 – красота природы и искусства	14 - свобода
6 – любовь	15 – счастливая семейная жизнь
7 – материально обеспеченная жизнь	16 – счастье других
8 – друзья	17 - творчество
9 – общественное признание	18 – уверенность в себе
- * наиболее значимой ценности присвоен минимальный ранг

Анализируя полученные данные, можно отметить, что наиболее значимыми жизненными ценностями для студентов 4 курса кредитной технологии обучения являются здоровье, любовь, друзья, счастливая семейная жизнь, материально обеспеченная жизнь, жизненная мудрость. Наименее значимыми выступают такие ценности, как творчество, красота природы и искусства, развлечения, общественное признание. В целом наблюдается тенденция на направленность в сфере

межличностных отношений с близкими, на себя.

Для студентов 4 курса линейной технологии наиболее значимыми жизненными ценностями являются здоровье, друзья, любовь, счастливая семейная жизнь. Наименее значимыми мы отмечаем такие ценности, как познание, развлечения, творчество.

Иерархия инструментальных ценностей студентов 4 курса, обучающихся по кредитной и линейной технологиям представлена на рисунке 4.

Рисунок 4. Показатели инструментальных ценностей студентов 4 курса, обучающихся по кредитной и линейной технологиям.

1 – аккуратность	10 - самоконтроль
2 – воспитанность	11- твердая воля
3 – высокие запросы	12 - терпимость
4 – жизнерадостность	13 – широта взглядов
5 – непримиримость к недостаткам других	14 - честность
6 – независимость	15 – эффективность в делах
7 – ответственность	16 - чуткость
8 – рационализм	17 - исполнительность
9 – отстаивание своих взглядов	18 – образованность
* наиболее значимой ценности присвоен минимальный ранг	

Как видно на рисунке 4, наиболее значимыми ценностями – средствами достижения поставленных целей для студентов 4 курса кредитной технологии являются воспитанность, независимость, отстаивание собственных взглядов, чуткость, аккуратность, жизнерадостность. Наименее значимыми являются ответственность, эффективность в делах, высокие запросы.

Для студентов, обучающихся по линейной технологии, значимыми инструментальными ценностями являются отстаивание своих взглядов, чуткость, воспитанность. Наименее значимыми – ответственность, эффективность в делах, образованность.

Сопоставляя иерархии терминальных и инструментальных ценностей можно отметить общую направленность студентов 4 курса к области отношений с близкими людьми, самоутверждению среди окружающих.

Различия в приоритетных выборах ценностных ориентаций у студентов 1 и 4 курсов в зависимости от технологии обучения не выявлены. В связи с чем считаем более целесообразным провести сравнительный анализ результатов исследования ценностных ориентаций студентов 1 и 4 курсов.

Наблюдаются различия в иерархии терминальных ценностей студентов 1 и 4 курсов обучения ($r=0,406$, $p>0,05$). Взаимосвязи между показателями не наблюдается, что свидетельствует о значимых различиях в системе ценностей. Для первокурсников наиболее значимы активная деятельная жизнь, отношения с близкими, наличие верных друзей, любовь, жизненная мудрость, развитие, красота природы и искусства. В то время как для студентов 4 курса обучения значимыми являются такие жизненные цели, как здоровье, любовь, счастливая семейная жизнь, материально обеспеченная жизнь, интересная работа. Наибольшие различия наблюдаются по отношению к стремлению к активной деятельной жизни, развлечениям, поиску красоты в окружающем мире – для студентов 4 курса обучения данные категории гораздо менее значимы, а также материально обеспеченная жизнь, свобода, любовь, счастливая семейная жизнь, связанная с ними уверенность в себе – для них более значимы, нежели для студентов 4 курса обучения. Подобные наблюдения позволяют предположить преобладание более прагматичных целей, стремление к установлению близких отношений в малом круге общения (друзья, семья).

Анализируя представленные данные иерархии инструментальных ценностей можно отметить, что и в системе инструментальных ценностей наблюдаются значимые различия ($r=0,408$, $p>0,05$). Для студентов 1 курса обучения наибольшее значение в жизнедеятельности имеют аккуратность, воспитанность, чуткость, жизнерадостность, образованность, независимость. Для студентов 4 курса обучения значимы воспитанность, чуткость, жизнерадостность, смелость в отстаивании собственного мнения, независимость, рационализм. Сопоставляя данные можно утверждать и в системе инструментальных ценностей более высокий рационализм и практичность в группе четверокурсников, а так же на значимость отношений с близкими людьми.

Большие различия в значимости определенных ценностей имеют такие, как образованность, ответственность, высокие запросы, непримиримость к недостаткам в себе и других – они более значимы для студентов 1 курса обучения. В то же время для студентов 4 курса более значимы такие ценности, как рационализм, смелость в отстаивании своих взглядов, твердая воля, терпимость, широта взглядов, что отражает тенденцию к независимости, толерантности, большей практичности, реалистичности.

Для более полного анализа ценностных ориентаций студентов первокурсников мы использовали методику смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева. Средние показатели представлены в таблице 1.

Таблица 1

Средние показатели смысложизненных ориентаций студентов 1 курса, обучающихся по кредитной технологии.

Субшкалы жизненных ориентаций	Средние значения по тесту
Цели	29,65
Процесс	30
Результат	26,25
Локус контроля Я	20,55
Локус контроля жизнь	31,75

Из таблицы 1 видно, что локус контроля жизни преобладает над другими субшкалами жизненных ориентаций. Однако все средние показатели находятся в пределах средних значений в соответствии с тестовыми нормами. По шкале Локус контроля Я наблюдается тенденция к низким значениям. Такие результаты позволяют сделать вывод о том, что у студентов пре-

обладает убеждение, что человеку дано контролировать свою жизнь. В то время как минимальным показателем отличается локус контроля Я, что указывает на неверие в свои силы. В целом студенты удовлетворены собственной жизнью, им характерна направленность в будущее, позитивное отношение к прошлому, наличие целей и стремление их реализовать.

Таблица 2

Средние показатели смысложизненных ориентаций студентов 1 курса, обучающихся по линейной технологии.

Субшкалы жизненных ориентаций	Средние значения по тесту
Цели	30,45
Процесс	29,75
Результат	26,55
Локус контроля Я	22,25
Локус контроля жизнь	31,55

Из таблицы 2 видно, что локус контроля жизни преобладает над другими субшкалами жизненных ориентаций. Однако все средние показатели находятся в пределах средних значений в соответствии с тестовыми нормами. По шкале Локус контроля Я наблюдается тенденция к низким значениям. Такие результаты позволяют сделать вывод о том, что у студентов преобладает убеждение, что человеку дано контролировать свою жизнь. В то время как минимальным показателем отличается локус контроля Я, что указывает на неверие в свои силы. В целом студенты удовлетворены собственной жизнью, им характерна направленность в будущее, позитивное отношение к прошлому, наличие целей и стремление их реализовать.

Таким образом, проведя синтез полученных результатов исследования, мы можем сказать, что одной из основных характеристик ценностно-смысловой ориентаций студентов 1 курса, обучающихся как по кредитной, так и по линейной технологиям обучения, является оптимистический взгляд на окружающую действительность и на свое настоящее и будущее. В результате исследования выяснилось, что большинство опрошенных молодых людей сводят жизненную пози-

цию к стремлению достижения высоких результатов в жизни, их жизненная позиция проявляется, прежде всего, в том, ориентацией на социальные нормы поведения – честность, аккуратность, установление доброжелательных близких отношений с другими; наиболее значимая сфера – общение, организация собственной жизни насыщенной событиями. Для студентов первокурсников очень значимы все аспекты человеческих взаимоотношений, они часто бывают убеждены в том, что самое ценное в жизни – это возможность общаться и взаимодействовать с другими людьми.

Однако следует отметить тенденцию к недостаточному принятию ответственности за происходящие события, рационализм, умение контролировать жизнь в соответствии с поставленными целями. В то же время актуальными становятся вопросы, связанные с личностным и, в частности, с профессиональным самоопределением, особое значение приобретает стремление к самоутверждению в отношениях со значимыми другими.

Рассмотрим особенности ценностно-смысловой ориентации студентов 4 курса, обучающихся по кредитной и линейной технологиям обучения.

Изучение смысложизненных ориентаций, проводимое с помощью методики СЖО позволили выявить следующие

усреднённые результаты среди студентов четверокурсников, которые мы отразили в таблице 3.

Таблица 3

Средние показатели смысложизненных ориентаций студентов 4 курса, обучающихся по кредитной технологии.

Субшкалы жизненных ориентаций	Средние значения по тесту
Цели	35,85
Процесс	33,75
Результат	28,95
Локус контроля Я	21,6
Локус контроля жизнь	32,2

По данным таблицы 3 мы видим, что субшкала цели преобладает над другими субшкалами жизненных ориентаций. Высокие значения по этой шкале характеризуют не только целеустремлённых людей,

но и студентов, чьи планы имеют реальную опору в настоящем. В целом все показатели находятся в пределах средних с тенденцией к высоким значениям.

Таблица 4

Средние показатели смысложизненных ориентаций студентов 4 курса, обучающихся по линейной технологии.

Субшкалы жизненных ориентаций	Средние значения по тесту
Цели	35,7
Процесс	34,2
Результат	29,55
Локус контроля Я	20,5
Локус контроля жизнь	31,8

По данным таблицы 4 мы видим, что субшкала цели преобладает над другими субшкалами жизненных ориентаций. Высокие значения по этой шкале характеризуют не только целеустремлённых людей, но и студентов, чьи планы имеют реальную опору в настоящем. В то время как минимальным показателем отличается локус контроля Я, что указывает на неверие в свои силы. В целом все показатели находятся в пределах средних с тенден-

цией к высоким значениям.

На основе данного исследования можно сделать вывод о ценностных ориентациях студентов 4 курса, обучающихся как по кредитной, так и по линейной технологиям.

1. Студенты 4 курса предпочитает «вещные» формы богатства «духовным».

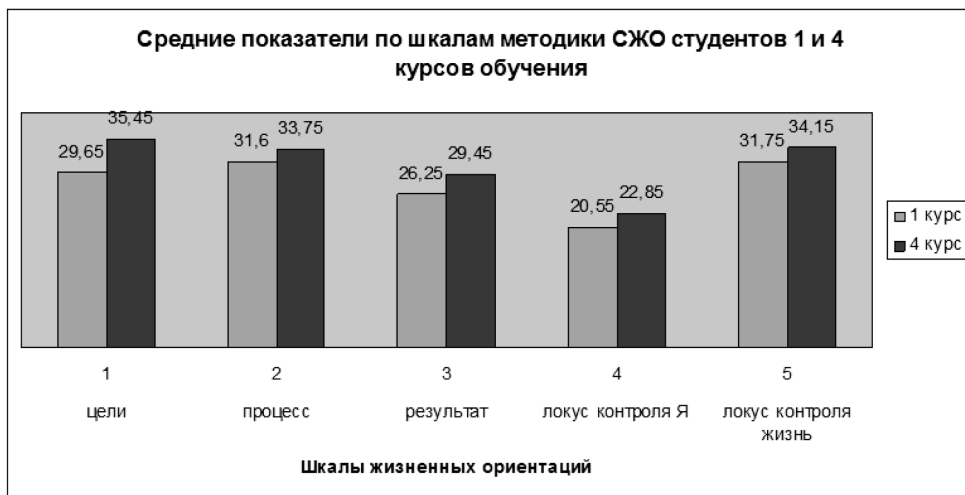
2. Наблюдается сознательная ориентация больше на профессиональный рост, чем на семью.

3. Основная потребность – это усиление роли профессионально-трудового типа стратегии экономического поведения.

4. Свойственно прагматическое отношение к жизни.

Учитывая отношения испытуемых к своему прошлому, настоящему, будущему

и возможности контроля своей жизненной позиции, показанные на рисунке 5, можно отметить тенденцию к более высоким значениям по перечисленным шкалам методики СЖО в группе студентов 4 курса обучения.

Таким образом, в результате проведенного исследования можно сделать вывод, что молодые люди, находящиеся на этапе завершения обучения в вузе, в значительно большей степени целеустремленны, ответственны за реализацию поставленных целей, имеют выраженную временную перспективу. Им присуща гораздо большая уверенность в своих силах и ответственность за реализацию поставленных целей.

Итак, мы видим, что ценностные ориентации студентов различаются на разных этапах обучения и при этом не имеют различия в зависимости от технологии обучения.

Литература:

1. Абдыраимова Г.С. Ценностные ориентации молодежи // Мысль. 2005. №7.
2. Бубнова С.С. Исследования индивидуальной структуры ценностных ориентаций личности // Психологический анализ учебной деятельности. М., 1991.
3. Козлов В.В. Социальная работа с кризисной личностью. Ярославль, 1999.
4. Леонтьев Д.А. Тест смысловых ориентаций (СЖО). М.: Смысл, 1992.
5. Лисовский В.Т., Дмитриев А.В. Личность студента. Л.:ЛГУ, 1976.

ДУХОВНОСТЬ КАК РЕСУРС ЛИЧНОСТИ И ПРОБЛЕМА ЕЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье рассматриваются методологические проблемы исследования духовности как ресурса личности. В контексте целостного подхода к изучению личности обосновывается возможность эмпирического исследования духовности, определяется психологическая структура духовности, анализируются различные виды бездуховности, псевдодуховности и причины их возникновения, обсуждается роль религии в формировании духовности как ресурса личности.

Ключевые слова: духовность, бездуховность, псевдодуховность, личностный потенциал, смысловая сфера личности, саморегуляция, ресурс личности.

Summary. In the article methodological problems of research of Spirituality as a personality's resource are being considered. In the context of a holistic approach to the study of personality: the possibility of empirical research of spirituality is being substantiated; psychological structure of spirituality is being determined; different types of inspirituality, pseudo spirituality and the reasons of their emergence are being analyzed; the religion's role in the creation of spirituality as a personality's resource is being discussed.

Key word: spirituality, inspirituality, pseudo spirituality, personal potential, semantic sphere of personality, self-regulation, personality's resource.

Обсуждение проблемы духовности ведется с древности до наших дней. Теоретический интерес к духовности проявляют религия, философия, наука, однако, несмотря на их совместные многовековые усилия в исследовании данного феномена, окончательной ясности, что же такое духовность, нет. По всей видимости, сложность проблемы во многом определяется широтой и неопределенностью понятия «духовность», что чаще всего выражается в выделении мыслителями и учеными отдельных многочисленных граней и аспектов данного феномена. В качестве примеров можно привести различные варианты понимания духовности в истории философии и основанные на них психологические исследования духовности: гражданский (Т. Гоббс, Дж. Локк, А. Смит, К. Маркс); интеллектуаль-

ный (Р. Декарт, Т. Гоббс, К. Гельвеций, Б. Спиноза, Л. Фейербах); культурный (Л.П. Буева, М. Вебер, В.В. Знаков, А.Н. Леонтьев, Ф. Шеффер и др.); смысловой (Н.О. Лосский, Л.А. Попов, В. Франкл и др.); религиозный (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, В.В. Зеньковский, В.С. Соловьев, П.А. Флоренский, С.Л. Франк) и их оценки современными психологами (Б.С. Братусь, Б.В. Ничипоров и др.); духовность как субъектность человека, выражающаяся в целостности его психической жизни (М.С. Каган); духовность как высшие переживания (А.И. Зеличенко); духовность как система взаимоотношений (С.С. Аверинцев); духовность как деятельность человека – субъекта исторического процесса (В.Е. Кемеров) и другие.

Несмотря на безусловную теоретическую «красоту» и изящество некоторых

теорий духовности, зачастую они оказываются бесполезными при попытке воспроизведения (воспитании) духовности на практике во всей ее целостности и сложности. Между тем об упадке духовности и необходимости ее возрождения говорят педагоги, религиозные деятели, военные, политики, государственные деятели, словом все, для кого с недавнего времени возрождение духовных основ жизни общества вновь относится к числу приоритетных. Совершенно очевидно, что перечисленные «заинтересованные» в развитии духовности стороны так же как и ученые понимают феномен духовности по-разному, в соответствии с интересами и спецификой соответствующих сфер жизни общества. Между тем, представляется, что духовность есть нечто более универсальное, то, что независимо от жизненной ситуации и сферы деятельности выступает в качестве «стержня» личности или некой внутренней опоры, ресурса личности. При этом под ресурсами личности уместно понимать все те средства, которые помогают в реализации основных тенденций личности. Обосновать данную идею о том, что духовность есть ресурс личности, который можно целенаправленно развивать, возможно, только рассмотрев психологическую структуру духовности.

На сегодняшний день разработке сколько-нибудь научно обоснованной программы формирования духовности мешает огромное количество «белых пятен»: плюралистичность философских взглядов на духовность, непроработанность данного теоретического конструкта в психологии и педагогике, отсутствие психодиагностических методик измерения уровня духовности, а также вопрос о

том, является ли духовность религиозностью. Иногда на фоне методологической неопределенности возникает соблазн принять мнение о том, что духовность сформировать невозможно, ее можно только пережить индивидуально, в некой соответствующей жизненной ситуации. Непродуктивность такой позиции очевидна.

Прежде чем приступать к эмпирическому изучению духовности, исследователь должен определиться с тем, как он понимает духовность и где в человеке она «локализуется». Иначе говоря, нужно ответить на два вопроса: какую философскую концепцию духовности взять за основу и какую сферу личности или сторону деятельности исследовать, чтобы измерить духовность. Предлагаемая работа является попыткой ответа на эти методологические вопросы.

Наиболее распространенным в философии является подход аксиологизма, в котором духовность видится в утверждении высших нравственных ценностей. Духом считается все ценное, трактуемое как ценностно-осознаваемое или переживаемое, а под духовностью понимается способность индивида к выбору ценностей (В.С. Барулин, С.Б. Крымский, Г.В. Осипов, И.В. Силуянова и др.). Этот подход также доминировал и в русской религиозной философии, где проблема духовности традиционно находилась в центре внимания. В отечественной психологии проблема духовности получила освещение в работах классиков психологии: Л.С. Выготского, Л.И. Божовича, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, Д.Н. Узнадзе; а также в работах современных авторов: А.А. Андрущакевича, Л.И. Анциферовой, Б.С. Братуся, А.В. Брушлин-

ского, М.И. Воловиковой, В.В. Знакова, С.Д. Колесова, В.Н. Колесникова, Д.А. Леонтьева, П.Е. Симонова, В.Д. Шадрикова и других.

В современной отечественной философии аксиологический подход получил дальнейшее развитие. Наиболее последовательно аксиологический подход к пониманию духовности изложен в концепции духовности-бездуховности личности И.Н. Степановой и С.М. Шалютина [11, с.155]. Согласно этой концепции духовность как качество личности выражается в приоритете или, по меньшей мере, высоком ранге духовных ценностей в системе ценностей индивида. Духовные ценности – это ценности, которые определяются исключительно духовными потребностями; оценка предметов, поступков или событий с позиции этих ценностей исключает их взвешивание с прагматической точки зрения.

В аксиологии в качестве высших духовных ценностей особо выделяют Истину, Добро и Красоту. А. Маслоу относит эти ценности к числу «бытийных», которые не могут быть сведены или выведены из других духовных ценностей, но проявляются в них. Эти ценности лежат в основе познавательной, нравственной и эстетической оценок предметов и явлений мира, соответственно под углом зрения соотношения истинности и ложности, блага и вреда, прекрасного и безобразного. Духовные ценности принципиально не ранжируются между собой, они не иерархичны по отношению друг к другу, что объясняет возможность свободного выбора приоритета одной из них без обязательного отрицания или противопоставления других. Таким образом, существенным признаком духовности можно назвать альтернативность ценностей.

Возникает вопрос: откуда личность берет эти ценности? Многие авторы, разделяющие теологическую точку зрения на природу духовности, признают ее связь с надындивидуальными смыслами и ценностями божественной или космической природы. Следовательно, религия может служить источником подобных надындивидуальных духовных ценностей, но это не исключает нетеологическую трактовку духовности с позиции аксиологизма, в которой духовность также понимается как стремление к некому идеалу, к общечеловеческим ценностям, часто совпадающим по содержанию с религиозными, но несакрализованным.

Таким образом, в не зависимости от источников ценностей и смыслов духовность и в теистическом и в светском варианте подразумевает смену иерархии узколичных потребностей и ценностей, определяющих жизнь человека, ориентацией на широкий спектр трансцендентных духовных ценностей. Человек перестает быть изолированным индивидом, решающим эгоцентрические задачи эффективной адаптации к среде, и подключается к созидательной энергии надындивидуальных общностей или высших божественных сил, трансцендируя, выходя за свои собственные пределы и открываясь взаимодействию с миром на новом уровне. Таким образом, аксиологический подход допускает как религиозную, так и светскую трактовку духовности личности, поэтому придает особую актуальность вопросу о соотношении религиозности и духовности.

Духовности противопоставляют бездуховность или «псевдодуховность». Бездуховность может пониматься как некая видимость духовности, «отгороженность

личности от мира при внешней соединенности с ним» [7; с 35]. Бездуховность не может быть рассмотрена как количественный вариант развития духовности, как «низкий» уровень ее развития. Бездуховность – это качественно иная характеристика личности, которая выражается в непринятии главной роли духовных ценностей; может проявляться либо в прямом приоритете недуховных ценностей, либо в том, что личность никак не может самоопределиваться по отношению к ценностям, направляющим жизнь. К недуховным ценностям относят прагматические и витальные. Основу прагматических ценностей составляет Польза, к которой непосредственно примыкают Обладание и Потребление.

Эмпирическое исследование духовности в значительной степени осложняется существованием множества вариантов развития духовной сферы человека. По всей видимости, «чистых» типов духовной сферы, основанных на оппозиции духовности-бездуховности, не бывает. Кроме того, принятие духовных ценностей вовсе не означает автоматическое становление духовности личности. Дело в том, что помимо бездуховности духовная сфера индивида может характеризоваться извращенной духовностью. В этом случае имеет место абсолютизация тех или иных духовных ценностей при пренебрежении другими или абсолютизация духовных ценностей при игнорировании недуховных (например, религиозный фанатик).

Истинная духовность предполагает почтительное отношение к прагматическим и витальным ценностям. Для воплощения духовных ценностей в жизнь ряд прагматических ценностей (например, профессионализм, деловитость, практич-

ность, здоровье) у духовной личности должны иметь высокий ранг. Приоритет духовных ценностей будет выражаться в том, что они очерчивают границы, за которые личность не позволяет себе выйти при реализации прагматических и витальных ценностей. Духовная сфера личности должна характеризоваться оптимальным сочетанием духовности и практичности. В аксиологической концепции духовности И.Н. Степановой и С.М. Шалютина это соотношение выражено в идее об уровне духовности личности, который определяется рангом духовных ценностей в системе ценностей индивида и который, по нашему мнению, можно «измерить» эмпирически с помощью специально созданной психодиагностической методики.

Для построения такой методики необходимо рассмотреть аксиологический аспект духовности с точки зрения психологии. Понятие духовности в психологию ввел В. Франкл, определив ее как один из базовых экзистенциалов человеческого бытия. Он говорил о трех измерениях или уровнях человека, которые соотносятся с различными ступенями эволюции. У человека над телесным и психологическим уровнями надстраивается третий – духовный или нозтический, который Франкл связывал, прежде всего, с ориентацией на смыслы. Человек интегрирует все три уровня функционирования. «Человек – это больше, чем психика. Человек – это дух» [12, с. 63], что позволяет говорить о наличии у человека духовной сферы. Таким образом, аксиологической модели духовности соответствует ценностно-смысловая сфера личности.

Б.С. Братусь выделяет несколько смысловых уровней личности: предлич-

ностный, эгоцентрический, группоцентрический, гуманистический и духовный. Обычно в человеке присутствуют все эти уровни. Различия заключаются в степени присвоенности. Если уровень присвоен личностью неустойчиво, ситуативно, то в поведении он будет проявляться эпизодически, в зависимости от внешних обстоятельств. Основанное на устойчиво присвоенных смыслах поведение меньше подвержено давлению ситуации. Если смыслы приобрели статус ценностей личности, то они будут определять общие стратегии и стили жизни [1]. Таким образом, уровень духовности можно измерить через степень присвоения духовного уровня смысловой сферы личности.

Нами проведена попытка эмпирического исследования духовности. В соответствии с вышепредставленной концепцией духовности мы модифицировали «Методику смысловых уровней личности учителя» М.Н. Мироновой. Модификация шкалы «Духовный уровень» построена на следующих принципах:

- оппозиция духовность – бездуховность. Проверяется в противопоставлении духовных ценностей (истина, добро, красота) ценностям прагматическим (пользе);

- оппозиция духовность – извращенная духовность. Проверяется уважительное отношение к прагматическим ценностям;

- оппозиция альтернативность – безальтернативность. Проверяется абсолютизация тех или иных духовных ценностей.

Выборку составили 220 человек г. Кургана, Курганской области, а также г. Петропавловска (Казахстан). Средний возраст участников исследования $34,7 \pm 10,9$ лет. 60 % выборки составили мужчины, 40 % - женщины.

Анализ средних значений по шкалам показал, что в исследуемой выборке недостаточно присвоен духовный уровень ($M=11,3 \pm 2,9$, $\max = 20$). Небольшая величина стандартного отклонения свидетельствует об однородности выборки по данному признаку. У 69% участников исследования уровень присвоения духовных ценностей находится на средневыборочном уровне; у 25% – духовный уровень присвоен ниже, чем в целом по выборке; 6% имеют высокий уровень присвоения духовных ценностей.

Корреляционный анализ между шкалами выявил значимые отрицательные корреляции между духовным уровнем и шкалой «Симбиотический акцептор» ($r = -0,24$, $p < 0,05$), между духовным и эгоистическим уровнями ($r = -0,36$, $p < 0,01$). Это можно объяснить тем, что истинная духовность предполагает жизнь по принципу «быть», тогда как предличностный и эгоистический уровни явно связаны с ориентацией «иметь».

На наличие неких общих оснований гуманизма и духовности указывает положительная корреляция между гуманистическим и духовным уровнем ($r = 0,34$, $p < 0,01$). Однако следует отметить, что гуманизм и духовность не тождественны. Духовность сама по себе может быть как гуманистической, так и антигуманистической. Формирование же гуманистического мировоззрения возможно только на основе духовности (И.Н. Степанова, С.М. Шалютин, 2004). Нами не выявлены значимые корреляции между возрастом и степенью присвоения духовных ценностей, что, видимо, связано с тем, что паспортный возраст не совпадает с возрастом как категорией развития личности.

Присвоенность духовного уровня еще не гарантирует, что, когда духовные цен-

ности окажутся под угрозой, личность поведет себя в соответствии с ними. Поэтому эмпирические исследования духовности не должны ограничиваться изучением смысловой сферы личности. В философии и психологии сложился подход к пониманию духовности как способности человека к регуляции своего поведения на основе определенных ценностей. Например, А.П. Серов считает, что «духовность – это способность человека сознательно управлять собой и своим поведением, осмысленно регулировать свою деятельность. Она – проявление этического начала, стержень личности. Именно через духовность осуществляется глобальное опосредование производственной деятельности, ее гуманизации, ориентации на общественные ценности» [10, с. 12].

Д.А. Леонтьев предлагает рассматривать духовность как высший уровень человеческой саморегуляции, присущий зрелой личности [3]. В мультирегуляторной модели личности ученый описывает шесть логик поведения человека: логика удовлетворения потребностей, логика реагирования на стимул, логика predispositionности, логика социальной нормативности, логика смысла или жизненной необходимости и логика свободного выбора [6]. Основанное на духовности действие соответствует последним двум логикам.

В этом аспекте духовность личности тесно связана с самодетерминацией. Наличие приоритета духовных ценностей в системе ценностей недостаточно для того, чтобы утверждать, что данный человек духовен. Помимо смысловой сферы в структуре духовности нужно исследовать личностный потенциал, который

понимается как «интегральная системная характеристика индивидуально-психологических особенностей личности, лежащая в основе способности личности исходить из устойчивых внутренних критериев и ориентиров в своей жизнедеятельности и сохранять стабильность деятельности и смысловых ориентаций на фоне давлений и изменяющихся внешних условий» [4; с. 59].

Для того чтобы понять как соотносятся духовность и личностный потенциал, рассмотрим психологические механизмы, которые лежат в основе бездуховности. Первый вариант бездуховности возникает на фоне низкого личностного потенциала, что приводит к неспособности индивида сделать свой самостоятельный выбор. Такой человек не имеет выработанного отношения к каким-либо ценностям, не занимается поиском смыслов жизни, его поведение определяется внешними стимулами и внутренними импульсами, индивид не является субъектом своей жизни. И.Н. Степанова и С.М. Шалютин называют такой тип бездуховности «наивным невыбором».

Во втором случае бездуховность также проявляется на фоне низкого личностного потенциала, несмотря на то, что в системе ценностей личности имеется приоритет духовных ценностей. Низкий личностный потенциал приводит к тому, что в реальной жизни человек не способен вести себя в соответствии со своими ценностями («неэффективный выбор»).

Однако высокий личностный потенциал и способность к самостоятельному выбору еще не гарантируют духовности личности. Духовности как приоритету духовных ценностей наиболее явно противостоит бездуховность как пред-

почтение ценностей недуховных, их сознательный выбор. Подход с позиции «иметь» распространяется бездуховной личностью как на прагматическую, так и на духовную сферу. Для индивида, у которого имеет место абсолютизация прагматических ценностей, человек, в том числе и он сам, «есть то, что он имеет, и то, что он потребляет» [13]. Этот третий тип бездуховности можно назвать «обладанием». В философии он описан в работах К. Маркса, Э. Фромма, Г. Марселя. При этом под обладанием понимается владение не только вещами, но и силой, властью, идеями, мнениями, убеждениями и другими идеальными образованиями. Ими тоже можно владеть бездуховно, т.е. «иметь» в своем внутреннем мире не как элемент беспокойства, призывающий к дальнейшему духовному росту, а как «нечто такое, чем можно гордиться как конюшной или оранжевой» [8].

Выбор прагматических или витальных ценностей – не единственный выбор, противостоящий духовности. С. Кьеркегор на примере Донжуана описал эстетический тип личности, который характеризуется сознательным невыбором, за которым скрывается вполне осознанное решение не утруждать себя обременительной и ответственной работой выбора, а отдаться волнам жизни. «Царь» побывал в голове этой личности и отпустил на волю, дух поработал и разрешил предаваться своим склонностям, какие бы они ни были [13]. Это «воинствующая бездуховность» (четвертый тип бездуховности), при которой невыбор ценностей также происходит на фоне высокого личностного потенциала.

И, наконец, пятым, возможным при данном подходе, вариантом бездуховности является «бессильная бездуховность»,

когда низкий личностный потенциал не позволяет воплощать выбор бездуховных ценностей.

Таким образом, следует выделить пять видов бездуховности, каждый из которых является вариантом сочетания двух факторов: наличие или отсутствие в системе ценностей личности духовных и бездуховных ценностей и уровень личностного потенциала. Что касается духовности, то при данном подходе существует только один вариант сочетания выделенных факторов, обеспечивающий ее появление во внутреннем мире человека и проявление в его поведении. Основой духовности является наличие и приоритет духовных ценностей, воплощение которых зависит от высокого личностного потенциала. На рисунке изображено соотношение понятий «личностный потенциал», «духовные ценности» и «бездуховные ценности» и возникающие варианты духовности-бездуховности личности.

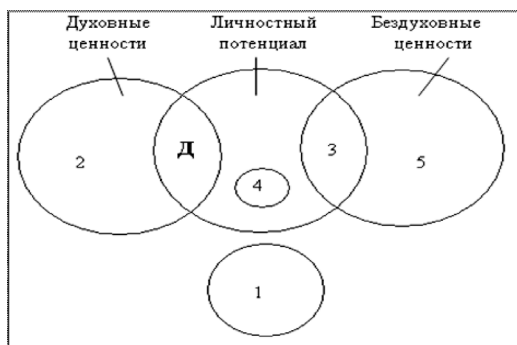

Рис. Духовность и виды бездуховности личности. Варианты бездуховности:

1 – «наивный невыбор»; 2 – «неэффективный выбор»; 3 – «обладание»; 4 – «воинствующая бездуховность»; 5 – «бессильная бездуховность». Д – духовность

Следовательно, для эмпирического исследования духовности необходимо определение психологического содержания личностного потенциала как одного из элементов в структуре духовности. Перед тем как перейти к описанию понятия «личностный потенциал», необходимо рассмотреть общепсихологические подходы к этой проблеме. В психологической науке неоднократно предпринимались попытки выявить личностные характеристики, лежащие в основе самых разных жизненных достижений. Первой попыткой выделения такого рода характеристик в психологии является идея гуманистических психологов о человеческом потенциале, который должен раскрыться в ходе развития и самореализации, если созданы благоприятные условия. Человеческим потенциалом обладает каждый человек, индивидуальные различия состоят лишь в степени его раскрытия или личностной зрелости [9].

Такая модель человеческого потенциала подвергается резкой критике со стороны экзистенциально-ориентированных психологов. Прежде всего, вызывает возражение, что реализация потенциала представляется как процесс автоматический. По мнению экзистенциальных психологов, развитие требует постоянных усилий. Кроме того, потенциальные возможности намного шире воплощенных, и человек сам решает, чему дать реализоваться, а чему – нет. В экзистенциальной психологии делается акцент на непредзаданность, качественное и количественное индивидуальное своеобразие и возможность целенаправленного развития потенциала человека.

Наиболее эвристическим на сегодняшний день представляется рассмотре-

ние данной проблемы в русле позитивной психологии, которая доказывает несводимость закономерностей позитивного развития человека к устранению проблем и нарушений. Представителями этого направления изучаются личностные характеристики, обуславливающие полноценное, настоящее существование человека (М. Селигман, К. Петерсон, К. Рифф). Однако исследование самих по себе подобных личностных характеристик не раскрывает механизмов их влияния на жизнедеятельность человека.

Преодолеть ограниченность и односторонность описанных выше подходов удалось Д.А. Леонтьеву. В своей концепции личностного потенциала ученый объединяет идеи экзистенциальной и позитивной психологии, описывающие феноменологию личностного потенциала, с культурно-исторической психологией Л.С. Выготского [5].

Понятие личностного потенциала выражает «личностное в личности» и характеризует уровень личностного развития. Слово «потенциал» подчеркивает неспецифический характер описываемой характеристики. Личностный потенциал может проявляться в разных видах жизнедеятельности, он отвечает за способность осуществлять эффективную саморегуляцию деятельности вне зависимости от заданных обстоятельств. Личностный потенциал, с одной стороны, помогает приспособиться даже к самым неблагоприятным условиям жизни, с другой стороны, его роль не исчерпывается только адаптивной функцией. Данный феномен отвечает за способность личности самостоятельно созидать нужные условия своей деятельности.

Для раскрытия сути исследуемого феномена необходимо осветить два аспекта

проблемы. С одной стороны, как личностная характеристика личностный потенциал представляет собой систему установок, смыслов, ценностей, диспозиций и т.д. Это позволяет описать феноменологию личностного потенциала через уже имеющийся в психологии методический аппарат и открывает перспективы его эмпирического изучения. С другой стороны, в функциональном отношении понятие личностного потенциала дает возможность охарактеризовать личность как субъекта деятельности в контексте теорий саморегуляции и самодетерминации.

Как личностная характеристика, личностный потенциал включает в себя следующие психологические конструкты: личностную автономию (Э. Деси, Р. Райан), осмысленность жизни (В. Франкл, Д.А. Леонтьев), жизнестойкость (С. Мадди), толерантность к неопределённости (Д. Мак-Лейн), ориентацию на действие (Ю. Куль), особенности планирования деятельности (Е.Ю. Мандрикова), временную перспективу личности (Ж. Нюттен, Ф. Зимбардо), субъект-объектные ориентации (Е.Ю. Коржова), смысловые структуры личности (Б.С. Братусь, М.Н. Миронова).

В тестовую батарею для исследования личностного потенциала вошли следующие методики: российская версия опросника каузальных ориентаций (РОКО) Э. Деси и Р. Райана в адаптации Д.А. Леонтьева, О.Е. Дергачёвой, Л.Я. Дорфмана; тест жизнестойкости С. Мадди (ТЖС) в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой; СЖО Д.А. Леонтьева; опросник самоорганизации деятельности Е.Ю. Мандриковой; опросник «Контроль за действием» Ю. Куля в адаптации И.А.

Васильева и С.А. Шапкина; опросник Временной Перспективы Ф. Зимбардо в адаптации А. Сырцовой; опросник Толерантности к Неопределённости Д. Маклейна (MSTAT-I) в адаптации Е.Г. Луковицкой; опросник жизненных ориентаций (автор Е.Ю. Коржова); модифицированный вариант методики смысловых уровней личности.

Исследование личностного потенциала проводилось на той же выборке, что и исследование духовных ценностей. С помощью факторного анализа (метод главных компонент, алгоритм вращения Варимакс с нормализацией по Кайзеру) мы получили 4-факторную модель личностного потенциала. В первый фактор с высокими факторными нагрузками вошли все шкалы методики смысловых уровней личности. Этот фактор представляет собой смысловой потенциал. Второй фактор составили все шкалы теста жизнестойкости, толерантность к неопределённости, осмысленность жизни, трансситуационные творчество, изменчивость и подвижность, шкалы «негативное прошлое» (с обратным знаком) и «фаталистическое настоящее» (с обратным знаком) опросника Зимбардо. Этот фактор можно назвать потенциалом свободы. Третий фактор включил в себя автономную каузальную ориентацию, ориентацию на действия при планировании, опору на позитивный прошлый опыт, трансситуационный локус контроля, осмысленность жизни. Этот фактор составляет потенциал ответственности. В четвертый фактор вошли планомерность, фиксация, ориентация на состояния при планировании, шкала «будущее». Этот фактор связан с ригидностью, фиксацией на препятствиях. Он релевантен низкому личностному потенциалу.

Таким образом, психологическая структура личностного потенциала включает в себя потенциал свободы, потенциал ответственности и смысловой потенциал. Такая структура хорошо согласуется с описанной выше моделью духовности и моделью личности, предложенной Д.А. Леонтьевым.

Рассмотрев модель духовности, вернемся к более частному вопросу, возникшему в ходе исследования проблемы – является ли религиозность духовностью. С учетом изложенного, вполне обоснованным считаем утверждение о том, что, но далеко не всякая религиозность. Постараемся обосновать этот тезис. Очевидно, что вера в Бога, предполагает трансцендирование, приобщение к неким духовным ценностям, но как справедливо отмечают И.Н. Степанова и С.М. Шалютин, «вера в бога сама по себе не предопределяет никакую систему ценностей и может сакрализировать самые различные и даже противоположные системы» [11, с. 96]. Это, как известно, морально индифферентно, оно манипулирует нравственностью. Данный тезис не требует сложных обоснований, достаточно напомнить о признании многих религиозных систем в качестве деструктивных, подавляющих личность, призывающих к насилию и поэтому опасных для общества.

Кроме того, ситуация усложняется необходимостью учитывать наличие в структуре духовности личностного потенциала. Даже если исключить недуховные варианты ценностей, которые могут содержаться в некоторых религиозных системах, низкий уровень присвоенности действительно духовных ценностей и вариант абсолютизации религиозных духовных ценностей (религиозных фана-

тиков), то все равно остается препятствие на пути развития духовности в виде «неэффективного выбора». Как уже отмечалось, этот вид бездуховности проявляется на фоне низкого личностного потенциала, несмотря на то, что в системе ценностей личности имеется приоритет духовных, в данном случае религиозных ценностей. Такой человек в силу неразвитости ядерных механизмов личности просто не способен в реальной жизни вести себя в соответствии со своими духовными религиозными ценностями.

Таким образом, вера в Бога действительно является для личности «каналом» для трансперсонального приобщения к духовным ценностям, означающего проникновение в модель мира человека Духа, как нечто трансцендентного, большего, чем человек. Но, как следует из предложенного понимания духовности, это, во-первых, вовсе не гарантирует примата духовных ценностей, во-вторых, не гарантирует реализацию этих ценностей в поведении.

Подводя итоги, отметим, что предложенная постановка проблемы духовности позволяет при организации психологической работы по развитию ресурсов личности отказаться от ориентации на затруднения и ошибки. При рассмотрении духовности в контексте целостного подхода к личности появляется возможность не только исследовать данный феномен, но и развивать выделенные системообразующие личностные качества, которые повысят успешность деятельности во всех ее проявлениях за счет развития эффективной саморегуляции как профессиональной деятельности, так и своей жизни в целом.

Библиографический список

1. Братусь, Б.С. Аномалии личности [Текст] / Б.С. Братусь. – М.: Мысль, 1988. – 304 с.
2. Овчарова, Р.В., Костылева, А.А. Влияние личностного потенциала педагога на диалог в педагогическом общении [Текст] / Р.В. Овчарова, А.А. Костылева. – Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 2011. – 122 с.
3. Леонтьев, Д.А. Духовность, саморегуляция и ценности // Гуманитарные проблемы современной психологии [Текст] // Известия Таганрогского государственного радиотехнического университета. – 2005. – № 7. – С. 16–21.
4. Леонтьев, Д.А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации [Текст] / Д.А. Леонтьев // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М.В. Ломоносова. / под ред. Б.С. Братуся, Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2002. – Вып. 1. – С. 56–65.
5. Леонтьев, Д.А. Опыт структурной диагностики личностного потенциала [Текст] / Д.А. Леонтьев, Е.Ю. Мандрикова, Е.Н. Осин, А.В. Плотникова, Е.И. Расказова // Психологическая диагностика. – 2007. – №1. – С.8–32.
6. Леонтьев, Д.А. Психология смысла. Природа, строение и динамика смысловой реальности [Текст] / Д.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2003. – 487 с.
7. Лившиц, Р.Л. Духовность и бездуховность личности [Текст] / Р.Л. Лившиц. – Екатеринбург, 1997. – 98 с.
8. Марсель, Г. Быть и иметь [Текст] / Г. Марсель. – Новочеркасск: САГУНА, 1994. – 160 с.
9. Маслоу, А. Новые рубежи человеческой природы [Текст] / А. Маслоу. – М.: Смысл, 1999. – 425 с.
10. Серов, А.П. Ценностные ориентации человека как субъекта производственной деятельности: дис. на соискание уч. степ. канд. филос. наук. – СПб, 1994. – 23 с.
11. Степанова, И.Н. Духовность как качество личности и проблема ее воспитания [Текст] / И.Н. Степанова, С.М. Шалютин – Курган: КГУ, 2004. – 155 с.
12. Франкл В. Человек в поисках смысла [Текст] / В. Франкл. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.

В.Г. Морозин, К.В. Морозина

ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ РОДОВОЙ ПОДСТРУКТУРЫ ЦЕННОСТНО-ПОТРЕБНОСТНОЙ СФЕРЫ ЭТНОСА*

В статье обсуждается содержание базовых этнопсихологических понятий, широко используемых в социологии и социальной психологии. Предлагается их психологическая интерпретация, без которой невозможно обойтись в исследованиях ценностно-потребностной сферы этносов. Дана краткая характеристика психолингвистического подхода в этнопсихологии. Обоснована возможность изучения родовой подструктуры ценностно-потребностной сферы этноса через его языковую структуру. На основе синтеза положений теории порождающих (универсальных) грамматик Н.

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, № проекта 12-16-19008

Хомского и гипотезы лингвистической относительности Сепира-Уорфа предложена теоретическая модель анализа структуры и содержания ценностно-потребностной сферы этноса, зафиксированных в его языке. Разработан исследовательский план психолингвистического исследования русского и хакасского языков, отражающих родовую подструктуру ценностно-потребностной сферы этносов.

Ключевые слова: этнос, нация, антропотип, психотип, этническая идентичность, этническая идентификация, архетип, индивидуация, ценностно-потребностная сфера этноса, этнические ценности.

Abstract

The basic concepts of ethnopsychology discusses in the article. They are used in sociology and social psychology widely. The psychological interpretation of this concepts are offered. It is impossible to do without them in the studies of the value-need sphere of the ethnos. Summary of the psycholinguistic approach in ethnopsychology are submitted. The possibility of studying generic sub-structure of value-need ethnic sphere through its linguistic structure are justified. On the basis of synthesis the theory of generating grammars by N. Chomsky and Sapir-Whorf hypothesis of linguistic relativity are proposed theoretical model for analysing of the structure and content value-need ethnic sphere, which contained in its language. The research plan of psycholinguistic study of Russian and Khakhas languages, which reflecting generic substructure of the value-need ethnic sphere are developed.

KeyWords: ethnos, nation, anthropotype, psychotype, ethnic identity, ethnic identification, archetype, individuation, value-need sphere of ethnos, ethnic values.

Последнее десятилетие ознаменовалось ростом всех общественных противоречий, с особой силой проявившихся в странах ЕвроСоюза. В условиях социально-экономической и политической нестабильности у жителей многих европейских стран возродилась острая потребность вернуться к разрушенным этническим ценностям, стали появляться идеи возрождения былого единения, обусловленные стремлением человека идентифицироваться с наиболее устойчивой общностью, каковой является этнос. Отечественные средства массовой информации также активно проводят мысль о том, что российские этносы переживают глубокий ценностный кризис: прежние этнические ценности утрачены, а предлагаемые властью новые идеалы настолько

примитивны и чужды исторически сложившимся традициям, что в общественном сознании образовался вакуум, следствием которого стало беспрецедентное падение нравственности и духовности. Однако научные данные свидетельствуют о том, что подобные журналистские оценки – не более чем попытки манипуляции общественным сознанием с целью привлечь к себе побольше внимания. Этнопсихологические исследования, начатые в конце 90-х годов XX столетия по программе профессора Иерусалимского университета С. Шварца, конечно, не дают права на «основополагающие» выводы относительно социально-психологических закономерностей формирования ценностно-потребностной сферы этносов, но уже позволяют определенно утверждать, что

образ «социально желательной» иерархии ценностей не подвергся так широко провозглашенной в СМИ ломке. Скорее эти изыскания свидетельствует о том, что общественные ценностные формы остались прежними, а изменилось их содержание – общественные, декларируемые властью потребности, которыми эти формы наполняются.

В социологически ориентированных исследованиях этнос обычно рассматривается как социально-психологическая общность, представляющая «группу людей, осознающих себя ее членами на основе любых признаков, воспринимаемых как естественные и устойчивые этнодифференцирующие характеристики» [9; с. 29]. Такая точка зрения, хотя и популярна среди социальных психологов, слишком тривиальна, чтобы отразить сложный исторический путь формирования человеческих сообществ. Самое первое человеческое объединение – род, который представляет группу людей, произошедших от одного предка. Затем несколько родов, проживающих на одной территории, объединяются на основе сходства занятий – это уже племя. И только через много столетий в условиях совместного проживания без миграции извне у людей племени может сформироваться антропотип – совокупность физических признаков, по которым безошибочно определяется любой его представитель и психотип – набор психологических особенностей, характерных только для данного племени. Это и есть этнос. Действительно, такая трактовка этноса сильно отличается от его понимания Т.Г. Стефаненко [9], поскольку с ее точки зрения этнос – группа людей, по своим характеристикам устраивающая правящую верхушку. Ска-

зал Л.И. Брежнев, что в СССР появилась «новая историческая общность – советский народ» – будем считать ее этносом; заявил Б.Н. Ельцин, что в России живут россияне – появился другой этнос. Это, конечно, удобное проявление лояльности по отношению к власти, но чересчур примитивное.

Этнос – естественная общественная структура, которая формируется из индивидов, занимающихся сходной деятельностью и проживающих на ограниченной территории в течение длительного времени. Его отличительным признаком является не только антропотип – сформировавшиеся в процессе становления внешние физические и физиологические признаки, по которым можно безошибочно определить представителя того или иного этноса, но и психотип – система психологических особенностей, со временем превратившихся в формальные этнические архетипы коллективного бессознательного [5; 6]. Чтобы сформировался этнос, нужны два обязательных условия: время, не менее 1000 лет и изоляция от других человеческих групп. Очевидно, что в современных условиях формирование новых этносов на планете Земля невозможно.

Кроме этноса в социально-политической литературе часто употребляется понятие «нация». Социологи и некоторые социальные психологи употребляют эти термины как синонимы. Но нация – искусственное общественное образование, создаваемое властью и включающее, по крайней мере, несколько этносов; у нее нет ни антропотипа, ни психотипа, а есть набор продекларированных ценностей, наполненных потребностным содержанием государствообразующего

этноса. Пока это условие соблюдается, в стране сохраняется относительный покой и порядок, но как только правительство попытается подменить содержание национальных ценностей другим, противоречащим потребностям преобладающего по численности этноса, начинаются смутные времена. В полиэтническом государстве конфликт между содержанием декларируемых государством общественных и этнически детерминированных родовых ценностей всегда приводит к революциям [6].

Журналисты в своих публикациях часто употребляют еще одно название человеческой общности – «народ». Его обсуждать вообще не имеет смысла, поскольку это понятие не научное, а политическое, которое пригодно для оболванивания электората во время выборов, но совершенно бесполезно в научном анализе.

Проживание различных этносов на одной территории способствует постепенному смещению культур, что может привести к формированию новой нации. Этот процесс сопровождается навязыванием иных, нередко чуждых психотипу этноса, традиций и обычаев. В современной социологии это принято называть этнической толерантностью, хотя содержание ценностей, внедряемых в этнос, отвечает лишь потребностям правящего большинства. Если же оно противоречит интересам преобладающего по численности этноса, социальный взрыв становится неизбежным.

Любая попытка проникновения в природную структуру этноса и, тем более, ее изменения, активизирует выработанные тысячелетиями защитные механизмы. Этнос, благодаря своей уникальной истории, несет в себе неповторимое

психологическое содержание, которым наполняется родовая подструктура ценностно-потребностной сферы каждого ее представителя. Ее несоответствие содержанию общественных ценностей становится глубинной причиной межэтнических конфликтов. Особенно ярко это проявляется в ситуациях, когда этнос проживает не на своих исконных территориях. Вынужденное, а нередко насильственное навязывание чуждых этносу общественных ценностей предопределяет возникновение внутриэтнического конфликта, который становится двигателем межэтнических столкновений. Внешние формы проявления этого конфликта могут быть самыми разнообразными: негативизм, агрессия, геноцид, расизм. Переход внутреннего конфликта во внешнюю форму – активное сопротивление общественным ценностям, не соответствующим родовой природе этноса. Процесс преднамеренной государственной подмены традиционного содержания ценностей российских этносов, в том числе и русских ценностей, другим, преимущественно западного образца, набирает обороты и в России [2].

Факт осознания принадлежности к определенному этносу социологи называют этнической идентичностью; она определяется как «составная часть социальной идентичности личности, психологическая категория, которая относится к осознанию своей принадлежности к определенной этнической общности» [9; с. 124]. Формирование основ идентичности связывается с подростковым периодом развития, но ее становление продолжается и в более поздние периоды жизни, когда происходит переосмысление роли и значения собственной личности. В целом

особенности формирования идентичности являются схожими для всех этнокультурных групп. В этом определении автор определенно путает этническую идентичность с этнической идентификацией.

Идентичность или аутентичность означает самоидентичность, точное соответствие бессознательных индивидуальных структур друг другу, а не внешним по отношению к личности объектам, таким как «этническая общность», поэтому психологический подход к проблеме этнической идентичности опирается на понятие коллективного бессознательного и связан с категорией «Self». С этих позиций этническая идентичность – результат наполнения родовой формы этнического архетипа содержанием индивидуальных потребностей человека. Познание этнического архетипа происходит в процессе индивидуации – постепенного осознания своей этнической принадлежности, что позволяет человеку выработать определенное отношение к собственной и другим этническим общностям [12; 13].

Но, помимо родовых архетипических форм есть система общественных ценностей, которая также служит формообразующим фактором для индивидуальных потребностей человека. Этот процесс называют социализацией, ее продуктом является этническая идентификация – система аттитюдов, обуславливающая готовность индивида реагировать на конкретную этническую ситуацию определенным стереотипным поведением. В отличие от идентичности, постепенно осознаваемой в процессе индивидуации, этническая идентификация первоначально сознательна, а затем становится автоматизированным бессознательным стереотипом социального поведения [3].

Процесс социализации является доминирующим в первую половину жизни человека, процесс индивидуации – во вторую. К. Юнг понимал социализацию как «социализацию во внешний мир», а индивидуацию – как «социализацию во внутренний мир» [13].

Глубинное исследование причин и факторов несоответствия содержания общественной и родовой подструктур ценностно-потребностной сферы этноса дает возможность представить психологический механизм межэтнического взаимодействия с точки зрения не социальной, регулярно переписываемой под себя каждым новым правителем, а антропологической истории, прогнозировать возникновение межэтнических конфликтов и, по возможности, заранее предотвращать их. Каково этническое содержание человеческих ценностей, с помощью каких психологических механизмов оно приобретает общественную и родовую форму, какова природа внутри- и межэтнических конфликтов, к каким последствиям они могут приводить, и есть ли возможность их прогноза и контроля – эти вопросы особенно актуальны во время радикальных общественных преобразований.

Изучение психотипа, проявляющегося в форме этнической идентичности, представляет глобальную этнопсихологическую проблему, которая включает в себя исследование структуры и содержания системы общественных и родовых архетипических ценностей различных этносов. Но процесс развития этноса и постепенного становления этнической идентичности сопровождается формированием еще одного чрезвычайно важного психологического образования – специфически человеческого инструмента

взаимодействия представителей этноса друг с другом – речи. Поэтому структура и содержание ценностно-потребностной сферы этноса оказываются зафиксированными в его языке.

Этнические ценности выражаются особыми языковыми единицами – словами. Б. Уорф считал, что «речь, то есть использование языка, лишь выражает то, что уже в основных чертах сложилось без помощи языка» [10; с. 169] Другими словами, язык вторичен по отношению к потребностям этноса, он необходим для того, чтобы обозначить относительную ценность этнических потребностей. Б. Уорф, как один из авторов гипотезы лингвистической относительности, убежден, что «мы расчлняем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком» [10; с. 174]. Здесь человек сталкивается с новым принципом относительности, согласно которому «сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или, по крайней мере, при соотносительности языковых систем» [10 с. 175].

Б. Уорф, Э. Сепир и Л. Леви-Брюль представляют одну из самых интересных теоретических концепций, ориентированных на этнопсихологические исследования – так называемый культурный релятивизм. Основная идея этой теории в том, что понимание сходств и различий между этническими культурами возможно через изучение и сравнительный анализ их языков. В частности гипотеза, выдвинутая Э. Сепиром и Б. Уорфом, предполагает различия в содержании языков и подчеркивает сходство их структур.

Сходство языковых структур отмечает и американский психолингвист Ноам

Хомский, автор теории порождающей (генеративной) грамматики. Основная мысль этой концепции – врожденность человеческой способности к усвоению языка. Н. Хомский считает, что языковая грамматика универсальна и дана человеку, как и законы природы, в готовом виде [11].

Теория порождающих (универсальных) грамматик Н. Хомского и гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа не противоречат, а наоборот очень хорошо дополняют друг друга, потому что из синтеза этих идей выстраивается весьма логичная концепция. Структура языка едина для всех этносов, поскольку родовая подструктура их ценностно-потребностной сферы формируется до появления речи и передает ей свои структурные особенности; содержательная же составляющая языковых систем зависит от конкретных культурных особенностей этноса, проявляющихся, как показал Л. Вайсгербер [1], в разнообразии языковой картины мира.

Таким образом, этнические ценности можно исследовать исходя из предположения о том, что ценностно-потребностная сфера разных этносов опирается на общую систему архетипов, следовательно, их родовая подструктура имеет одинаковое строение. Структура языка является отражением родовой подструктуры ценностно-потребностной сферы этноса, поэтому она сходна у различных этнических групп. Способность к усвоению языка дана человеку с рождения, поскольку опирается на врожденную универсальную языковую структуру – «порождающую грамматику» Н. Хомского. Но, поскольку потребности, наполняющие родовую ценностную под-

структуру этносов, в определенной мере социально обусловлены, то и содержание языка у каждой этнической группы будет различным.

Опираясь на эту теоретическую модель можно определить цель будущего исследования – сопоставить психологическую структуру и содержание ценностей, зафиксированных в различных языках – русском и хакасском. Объект исследования – ценностно-потребностная сфера русского и хакасского этносов; предмет – психологическая структура и содержание ценностей, зафиксированных в русском и хакасском языках.

Гипотеза исследования опирается на положение о том, что слова как элементы языка отражают структуру человеческих потребностей и являются производными от них, поэтому постановка вопроса о том, что было вначале – «слово» или «дело» – некорректна: вначале было не «слово» и не «дело», а «желание».

Структура ценностей, нашедшая отражение в русском и хакасском языках, идентична, поскольку отражает логику развития всей человеческой цивилизации и является врожденной. Есть ограниченное число родовых архетипических форм, которые хранятся в коллективном бессознательном любого человека, но наполняются уникальным потребностным содержанием каждого индивида. Эти глобальные ценностные матрицы в неизменном виде передаются от родителей детям и представляют собой бессознательные архетипы, которые придают универсальную форму индивидуальным потребностям человека.

Этническое содержание ценностных форм, зафиксированных в русском и хакасском языках, различно, так как обу-

словлено специфическими условиями формирования этносов. Это содержание представляет собой систему исторически сложившихся этноспецифических потребностей, носителем которых является каждый представитель этноса.

Влияние социальных институтов власти и СМИ в современном обществе в одинаковой степени распространяется на все этнические формирования, входящие в состав нации, поэтому различия в содержании ценностно-потребностной сферы русского и хакасского этносов в большей степени касаются ее родовой подструктуры и в меньшей – общественной.

Методологическая основа исследования – теория порождающих универсальных грамматик Н. Хомского, гипотеза лингвистической соотносительности языковых структур Сепира-Уорда, учение о социализации и индивидуации К. Юнга, теория ценностно-потребностной сферы личности и этноса В.Г. Морогина.

Исследовательский план включает в себя несколько этапов:

1. Составление эквивалентных списков слов русского и хакасского языков, обозначающих человеческие потребности и ценности.
2. Синонимический и частотный анализ списков.
3. Экспертная классификация списков ценностей русского и хакасского языков.
4. Сравнительный анализ ценностных структур русского и хакасского языков.
5. Сравнительный анализ содержания общественной и родовой подструктур ценностно-потребностной сферы русского и хакасского этносов.

Методы исследования:

1. Психолингвистический анализ ценностно-потребностного содержания словарей русского и хакасского языков.

2. Синонимический и частотный анализ. Контент-анализ.

3. Экспертная классификация ценностей.

4. Методы статистического анализа: корреляционный, факторный, дисперсионный.

Теоретическая новизна предлагаемой модели состоит в том, что с позиций теории ценностно-потребностной сферы личности и этноса выдвинута гипотеза об идентичности ценностной структуры различных этносов, зафиксированной в языке. Ее проверка осуществляется путем сравнительного анализа структуры и содержания ценностей русского и хакасского языков.

Научная ценность исследования определяется, в частности, тем, что существующие на сегодняшний день методы психологической диагностики этнической идентичности используют, как правило, технику опроса. Понятно, что такой способ исследования позволяет зафиксировать лишь атрибуты личности, но никак не идентичность и даже не идентификацию, потому что у каждого человека всегда есть два мотива – один настоящий и другой, который красиво звучит. Поэтому опросные методы диагностики этнической идентичности в принципе не могут дать реального представления о ней, что бы ни декларировали авторы этих методик. Сравнительный анализ ценностной структуры и содержания русского и хакасского языков позволит выделить универсальные структурные элементы ценностно-потребностной сферы

этноса и использовать этот материал для совершенствования экспериментально-психологических методик диагностики ценностно-потребностной сферы личности и этноса [4; 7; 8].

Практическая ценность работы заключается в том, что знание содержательных особенностей родовой и общественной подструктур ценностно-потребностной сферы русского и хакасского этносов даст возможность прогнозировать возникновение внутри- и межэтнических конфликтов, вовремя предотвращать их путем коррекции содержания общественной подструктуры через социальные институты власти и СМИ.

Литература

1. Бурас М., Кронгауз М. Жизнь и судьба гипотезы лингвистической относительности // Наука и жизнь. №8. 2011. <http://elementy.ru/lib/431410>.

2. Гусева Т.Б., Морогин В.Г. Структура ценностно-потребностной сферы личности молодежи: этнические ценности русских и хакасов. Абкан: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012.

3. Гусева Т.Б., Морогин В.Г. Этнические аттитюды русских и хакасов в условиях межэтнического взаимодействия // Вестник Ярославского государственного университета. 2009. № 4. С. 44-58.

4. Морогин В.Г. Методы психологического исследования структуры и содержания ценностно-потребностной сферы личности // II Сибирский психологический форум «Психологическое исследование: теория, методология, практика». Томск, 2008. С.72-82.

5. Морогин В.Г. Общетеоретические и этнопсихологические вопросы теории ценностно-потребностной сферы личности // Социокультурные проблемы

современного человека. Материалы IV Международной научно-практической конференции (19-24 апреля 2010). Ч. I. Новосибирск: НГПУ. 2010. С. 91-111.

6. Морогин В.Г. Психологическая концепция идентичности. Сибирский педагогический журнал. Новосибирск. №11. 2011. С. 233-254.

7. Морогин В.Г. Теория и методы исследования ценностно-потребностной сферы личности // Гуманитарные науки и образование в Сибири. №3. Новосибирск, 2009. С.12-28.

8. Морогин В.Г. Ценностно-потребностная сфера личности. Томск: ТГПУ, 2003. 357 с.

9. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов / 4-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2009. 368 с.

10. Уорф Б.Л. Наука и языкознание // Новое в лингвистике. Вып. 1. Метод глоттохронологии. Гипотеза Сепира-Уорфа. Глоссематика / Сост. В.А. Звенигцев. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. С. 169-183.

11. Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. Вып. 2. Проблема значения. Дихотомическая фонология. Трансформационная грамматика / Сост. В.А. Звенигцев. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. С. 412-527.

12. Юнг К.Г. Аналитическая психология. М.: Мартис, 1995. 320 с.

13. Юнг К.Г. Исследование феноменологии самости. М., 1997. 330 с.

Сандомирский М.Е.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МАССОВОЙ ПСИХОТЕРАПИИ И ПРЕДОТВРАЩЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ЭПИДЕМИЙ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

В статье рассматриваются теоретические и прикладные проблемы социально-психологических аспектов массовой психотерапии и предотвращения социальных эпидемий среди молодежи. В России протекает затяжной системный кризис, не только экономический, но и социально-психологический. Среди его главных проявлений необходимо выделить на уровне массового поведения - атомизация общества, социальная разобщенность, на интеллектуальном, мировоззренческом уровне - аномия, утрата жизненных ценностно-смысловых ориентиров, на уровне эмоций - рост тревожности, агрессии и распространенности социально-стрессовых расстройств.

Ключевые слова: Социальные эпидемии, поведение, адаптация, молодежь, помощь, когнитивное, эмоциональное, интеллектуальное

The article deals with theoretical and applied problems of the socio-psychological aspects of mass psychology and the prevention of social epidemic among young people. Russia has been a protracted systemic crisis is not only economic, but also social and psychological. Among its major manifestations should be made at the level of mass behaviour-atomization of society, social disintegration, intellectually, philosophically-anomie, the loss of life-value

semantic orientations at the level of emotion rising anxiety, aggression and the prevalence of social and stress disorders.

Keywords: Social epidemics, conduct, adaptation, youth, support, cognitive, emotional, the intellectual

В последние годы в России и других постсоветских государствах все более широкое распространение получают негативные явления, которые могут рассматриваться как «социальные эпидемии». Они связаны с нарушением психического и физического здоровья населения (болезненные зависимости, депрессии, психосоматические расстройства), агрессивным, антисоциальным поведением, распространением деструктивных культов. Опережающими темпами упомянутые общественные явления распространяются в молодежной среде. Соответственно возрастает значимость направленных на борьбу с ними массовой психологической помощи и психопрофилактики, особенно для молодежи.

При анализе причин социальных эпидемий в странах постсоветского пространства важно подчеркнуть, что для многих из них является сегодня актуальным ряд общих факторов потенциальной нестабильности, нарушения психологической адаптации населения:

А) Инфантилизация молодежи.

Б) Углубление мировоззренческого разрыва поколений.

При этом (А) и (Б) неразрывно связаны друг с другом, по принципу положительной обратной связи. По замечанию Л.А. Паутовой (2012), в некоторых аспектах жизни самостоятельность российской молодежи сегодня возникает раньше, чем у предшествовавшего поколения (начало сексуальной жизни, потребительское поведение), но в целом с психологической

точки зрения для нее характерна инфантильность, в первую очередь эмоциональная и ценностно-мировоззренческая

В) Деградация социальной связности общества, его массовизация, атомизация.

Г) «Постсоветская» динамика массового сознания, связанная со старением и разрушением остатков социально-психологического советского «наследия».

Поначалу, после обретения бывшими советскими республиками суверенитета, становлению их государственности и сохранению социальной стабильности помогали остатки привитого населению в советское время патернализма – привычного гражданского послушания масс и их пассивно-потребительского отношения к государству.

За те два с лишним десятка лет, которые прошли с момента распада СССР, в странах постсоветского пространства выросло новое «свободное» поколение. По мере его социального становления именно оно становится главным субъектом гражданской активности.

1. При анализе вытекающих отсюда перспектив необходимо учитывать ряд социально-психологических особенностей «нового» активного поколения.

1.1. Оно более требовательно к уровню жизни и распределению социальных благ, в том числе не всегда обоснованно - в этом отчасти сказывается сохранение у молодежи свойственного более раннему возрасту эгоцентризма (Сандомирский М.Е., 2011а). В результате, согласно ра-

стущей роли «нового» поколения сегодня, в отличие от прежних лет, причиной недовольства населения становится уже не абсолютная, а относительная депривация (Гарр Т.Р., 2005). Последняя проявляется в контексте как собственно социально-экономических, так и возрастных (межпоколенческих) различий.

1.2. Это поколение по сравнению с предшественниками в поведенческом аспекте менее эмоционально компетентно, более конфликтно и агрессивно. При этом главную роль в возрастании уровня молодежной агрессивности составляет субпоколение рожденных с начала и до середины 90-х годов. Для этого субпоколения жестокость не только является нормой поведения, но и оценивается его представителями как нечто позитивное, как достоинство - т. н. поколение «жесть» (Сандомирский, 2007, 2008). Соответственно его представители характеризуются повышенной агрессивностью, конфликтностью, их жестокость в прямом смысле выплескивается наружу – особенно в среде себе подобных, когда они объединяются в группы («сбиваются в стаи»). Отсюда, в частности, проистекает отмечаемый в России со второй половины нулевых годов рост подростковой преступности; аналогичные тенденции отмечаются в ряде других постсоветских государств.

Не случайно в социальных эксцессах, происходивших в последние годы, связанных со всплеском насилия (например, Манежная площадь), роль основной «ударной силы» играли подростки 15-17 лет. Отсюда же в значительной мере проистекает и рост подростковой преступности, отмеченный в нашей стране во второй половине «нулевых».

Описанное явление роста подростково-молодежной агрессивности совершенно закономерно и характерно не только для России, но и для большей части стран постсоветского пространства. Оно захватывает в них одну и ту же возрастную когорту – последних «детей перестройки» и первых «постсоветских» детей. Почему эти «новые молодые» повышено агрессивны? Сказывается «эхо» социальных стрессов их далекого детства, создавших своего рода социально-психологическую «мину замедленного действия», антиобщественный эффект которой проявляется сейчас, «двадцать лет спустя».

Исследования американских психологов (Meloy J.R.; Scott S.L.; Williams C., Seaman D.), призванные дать ответ на вопрос, откуда берутся личности с устойчивым агрессивным, антисоциальным поведением (социопаты), показали, что причина подобных расстройств поведения взрослого человека кроется в его раннем детском опыте. Чем в большей степени беременная женщина или молодая мать в первые два-три года жизни ребенка испытывает стрессы, тем больше вероятность того, что этот ребенок, вырастая, в подростковом возрасте и старше будет проявлять агрессивность и вести себя неадекватно. Он не будет справляться со своими негативными эмоциями, не будет сочувствовать и сопереживать другим людям, ибо просто не умеет этого делать, не впитал соответствующие стереотипы «с молоком матери». И поскольку начало и первая половина 90-х годов для всего постсоветского пространства были очень тяжелым временем массовых социальных стрессов, это и отразилось на детях, появившихся на свет в те годы. Фактически сейчас мы пожинаем психологические

плоды социальной катастрофы тех далеких лет – распада СССР (Сандомирский, 2007).

У тех подростков, которые родились позже (начиная со второй половины 90-х годов), казалось бы, нет такого раннего опыта социальных стрессов, который в зрелом возрасте становится основой агрессивных приспособительных поведенческих стратегий «против всех». Но, увы, негативные стереотипы поведения в обществе, как и дурные привычки, заразительны. «Волна» подобных стереотипов в одном субпоколении, поднятая давними социальными катаклизмами, распространяется и на последующие возрастные группы, перенимается по механизму подражания, по образу и подобию передачи других агрессивных поведенческих стереотипов – например, «дедовщины» в армии (Сандомирский, 2011а).

1.3. В социально-политическом аспекте для «нового» активного поколения характерен растущий нонконформизм, готовность к участию в массовых выступлениях. (К примеру, средний возраст участников протестных акций в Москве 2011-2012 гг. составляет 24-25 лет.) Подобную ситуацию можно охарактеризовать как «молодежно-подростковый бунт» (Сандомирский, 2012), с рациональной точки зрения бессмысленный, не имеющий внятно сформулированной, конструктивной политической программы - выступление не «за» новое, а лишь «против» существующего.

1.4. Следствием вышеописанного становится обострение социальной и карьерной конкуренции с представителями более старших возрастных групп. Весьма характерны молодежные требования

«разблокировать социальный лифт», даже если подобные претензии безосновательны, поскольку исходят не из мотивации достижений, а продиктованы скорее инфантильно-потребительской позицией.

1.5. Снижение авторитета власти и доверия к ней. Оно происходит параллельно со снижением для рассматриваемого поколения «детей» авторитета поколения «отцов» (в России, Украине это наблюдается особенно заметно). Это происходит во многом в связи с тем, что жизненный опыт старшего поколения в глазах молодежи обесценивается на фоне технического прогресса (включая т.н. «цифровой разрыв») и связанных с ним новых реалий жизни.

1.6. Предыдущее коррелирует со стремлением к внедрению новых технологий, как технических, так и социальных (Гринин Л.Е., 2011).

1.7. Территориальная мобильность, облегчающая образовательную и трудовую миграцию, также уменьшает социальный конформизм молодежи.

1.8. При этом молодежное стремление к независимости оказывается противоречивым, ибо для социальных групп, принадлежащих к среднему классу и выше, оказывается связанным с пролонгированной зависимостью детей от родителей (на протяжении периода получения высшего образования и последующего трудоустройства). Следствием становится инфантилизация в личной жизни и как компенсация - более высокий уровень гражданской активности. Протест против влияния родителей, который молодые люди не могут высказать по причине зависимости от последних, трансформируется в протест против социальной системы и отдельных олицетворяющих ее

персон, символически замещающих фигуры родителей.

Инфантильные социально-психологические характеристики включают:

1.8.1. Индивидуальные характеристики

1.8.1.1. На когнитивном уровне - недостаточная реалистичность мышления, вероятностного прогнозирования в социальном аспекте, рассогласование реальности внутренней (инфантильные, эгоцентрично-потребительские ожидания и установки) и реальности внешней. Отсюда нарушение планирования собственной жизни (вероятностного прогнозирования в форме предпочтения краткосрочного гедонизма долгосрочному, в терминах А. Эллиса)

1.8.1.2. На поведенческом уровне:

- ригидность поведенческих (часто - повторение недостаточно зрелых реакций)

- инфантильно-потребительские (орально-рецептивные) стереотипы поведения,

- избегание ответственности, перекладывание ее на тех, кто замещает родительские фигуры.

1.8.1.3. На эмоциональном уровне:

- низкая толерантность к фрустрации, облегчающая возникновение негативных эмоций,

- недифференцированность эмоций, дефицитарность их вербализации,

- соматизация эмоций (регрессионный способ эмоционального выражения по М. Шуру), прокладывающая путь к возникновению психосоматических расстройств (Сандомирский, 2005).

1.8.1.4. В результате сочетания вышеперечисленного возникает неустойчивая самооценка, с тенденцией повысить ее за

счет других людей, отсюда зависимость от окружающих, а также склонность к использованию инфантильных психологических защит, бегства от реальных проблем в различные формы зависимости и фанатизма.

1.8.2. Групповые характеристики

1.8.2.1. На когнитивном уровне - интеллектуальная несамостоятельность, зависимость от мнения группы, некритическое отношение к информации, получаемой от сверстников, воспринимаемых в силу общности как «свои». В то же время отрицание того, что ассоциируется с мнением родителей (ювенильная реакция протеста).

1.8.2.2. Вследствие углубления идейного. мировоззренческого разрыва поколений значительная часть молодежи, не имея собственного цельного, сложившегося взгляда на жизнь, «механически» заимствует чужое мировоззрение, при этом отрицая родительское. Соответственно легче поддается групповому влиянию и становится объектом массивированных манипуляций. «Новое» поколение лучше предыдущего разбирается в технологиях (IT), но хуже – в человеческих отношениях.

1.8.2.3. На поведенческом уровне – образование неформальных сообществ в более широких масштабах, чем ранее, преодолевающих локальные границы территориальные (например, городского микрорайона) или корпоративные (например, учебного заведения). В основе лежит известная реакция группирования, когда для преодоления авторитета родителей, его отрицания (1.8.2.2) молодежь обращается к коллективному авторитету группы сверстников, подкрепляя формирующиеся коллективные убеждения совместным

действием, в т.ч. в форме агрессии.

1.8.2.4. На эмоциональном уровне – наряду с трудностями внутреннего эмоционального контроля (упомянутая эмоциональная некомпетентность), еще и подверженность внешнему эмоциональному контролю (эмоциональное вовлечение, возникающее в группе сверстников).

1.8.2.5. Сочетание предыдущего (1.8.2.1; 1.8.2.3) проявляется в коммуникации, как склонность к «эмоциональному мышлению» и аргументации. Особенно популярной в общественном дискурсе становится апелляция к эмоциям аудитории, в форме морализаторства. Это представляется как «обличение власти» не только в прагматическом экономическом и политическом плане, но и с точки зрения морально-этических аспектов власти (традиции «франкфуртской школы»).

1.9. Для «нового» поколения свойственна интернет-социализация, расширенная «интернетизация» не только коммуникации, но и образа жизни в целом. В результате расширения пользования современными коммуникационными технологиями (1.6), особенно возрастания проникновения мобильного интернета, и облегчения на этой основе образования неформальных сообществ (1.8.2.3) возникает новый социально-психологический феномен — т. н. «умная толпа» (Рейнгольд, 2006). Общение в интернете, в сетевых сообществах начинает управлять социальным поведением больших групп людей. Происходит развиртуализация интернет-общения. Онлайн-жизнь «виртуальная жизнь» участников интернет-сообществ продолжается в реальной жизни, в офлайне. Возникают гибридные социальные сообщества, сочетающие взаимодействие участников как в интер-

нете, так и в повседневной жизни.

1.10. Вследствие роста недовольства (1.1), агрессивного нонконформизма (1.2), активизации гражданской активности молодежи, «интернетизации» социального взаимодействия молодежи, возникают новые формы протестных выступлений. Они получили название «твиттер-революций» (в западных СМИ), «сетевых революций» (в терминологии А.Г. Лукашенко) или «горизонтальной революции» (Лебедев И.В., 2012).

Одним из первых случаев массовых протестных акций молодежи, организованных через интернет, стали события в Кишиневе (весна 2009). В России подобные протестные акции, организуемые через интернет, начали в заметных масштабах происходить с ноября 2011.

1.11. Еще одна актуальная проблема «нового» поколения - противоречие между уровнем образования и востребованностью высокообразованных молодых специалистов. С одной стороны, это подталкивает миграцию, с другой – создает социальную напряженность. Как указывает С.П. Капица (2012), причина «арабской весны» в том, что в мусульманских странах выросло хорошо образованное молодое поколение, которое не может найти себе применение. Аналогичные тенденции прослеживаются в протестном движении в России. Так, В. Наганов (2012), анализируя результаты опросов участников событий на Болотной пл. и пр. Сахарова, приходит к выводу: «Одно отличие протестовавших от остального населения страны все-таки имелось. Оно заключалось прежде всего в уровне образования... Подавляющее большинство протестовавших — образованные люди.»

С одной стороны, мы вступаем в ин-

формационное общество (В.Л. Иноземцев), экономики знаний, в которой возрастает роль человеческого капитала и потребность в высококвалифицированных специалистах. С другой стороны, выпускники российских вузов сталкиваются с проблемами трудоустройства по специальности, да и уровень доходов представителей многих «интеллектуальных» профессий, особенно молодых специалистов, оказывается существенно ниже, чем в развитых странах Запада. Это усиливает неудовлетворенность молодежи и подталкивает миграцию, как внутреннюю (из регионов в Москву), так и внешнюю (Сандомирский М.Е., 2012). Сюда нужно добавить инфантильное отношение к труду (Сандомирский М.Е., 2011а), завышенные требования (1.1). Возникает противоречие: повышение уровня образования молодежи в условиях, когда уровень жизни ее недостаточно удовлетворяет, а также недостаточной обеспеченности рабочими местами может приводить к возрастанию нестабильности, усилению протестных настроений. При ухудшении же экономической ситуации противоречие может усугубляться — можно сказать, что высокий уровень образования вкупе с низким уровнем жизни создает в обществе «взрывоопасную» ситуацию.

Разрешение подобного противоречия требует систематической работы с молодежью, внедрения социальных проектов, массовой психологической помощи.

2. Следующая группа факторов относится к различным возрастным группам населения. Они характерны для многих постсоциалистических стран, которые в связи с социально-психологической нестабильностью могут быть отнесены к

т. н. кризисным сообществам (Новиков В.В. и соавт., 2009). При этом в поддержании общественного согласия в подобных обществах, наряду с политическими и экономическими, возрастает роль и психологических факторов (там же). В связи со сменой поколений, в этих странах в последние годы утрачивается ряд стабилизирующих общество механизмов коллективной психологической защиты, противодействия социальным стрессам.

2.1. Микросоциальные факторы

2.1.1. Кризис семьи как социального института. В наибольшей степени он заметен в России и Украине, но аналогичные тренды присутствуют и в азиатских государствах. Происходит углубление мировоззренческого разрыва поколений (см. 1.4), в связи с чем нарушается процесс социального наследования, передачи мировоззрения и трансляции социально-культурных ценностей. Для представителей старшего поколения это является источником фрустрации, для молодежи приводит к размыванию жизненных, мировоззренческих ориентиров. Тем самым семья как таковая перестает быть для них такой же ценностью, как для родителей, и начинает утрачивать роль социальной структуры, стабилизирующей общество.

2.1.2. Соответственно семья и ближайшие микросоциальные группы перестают выполнять функцию социального контроля. Роль «лидеров мнений» начинают играть не уважаемые члены семьи или авторитетные персоны из ближайшего социального окружения, а обезличенные источники — СМИ или интернет-сообщества.

2.1.3. Указанные факторы усугубляются миграцией, особенно временной (трудо-вой), когда дети остаются на попечении

дедушек/бабушек, влияние отсутствующих родителей на их воспитание устраняется. Мигранты, живущие в новом для них этнокультурном окружении, усваивают чужеродные для них социокультурные стереотипы, при возвращении на родину вступающие в противоречие с традиционным укладом общества.

2.1.4. Миграция приводит также к возрастанию разобщенности социума, его атомизации:

а) После разрыва прежних социальных связей мигрантам на следующем месте жительства не удается заместить их новыми, поскольку процесс социализации протекает длительно, в среднем 5-7 лет, при условии достаточной социальной адаптированности.

б) Повышение мобильности населения, смена значительной части окружения с периодичностью несколько лет усугубляет проблемы социализации.

В результате роста интенсивности и ускорения темпов миграции в масштабах общества возникает проблема растущей социальной изоляции: сокращение числа тесных социальных связей, дефицит психологической поддержки, формализация общения. Таким образом, на уровне межличностных коммуникаций сокращается число микросоциальных факторов, естественным образом способствующих стабильности общества.

Разобщенность социума приводит к тому, что вследствие недостаточной поддержки в ближайшем микросоциальном окружении страдает социально-психологическая адаптация и нарушается стрессоустойчивость значительной части населения.

2.2. Общие социальные факторы

2.2.1. Быстрые социальные изменения,

которые большая часть населения не может понять и не успевает к ним приспособиться (отрицательная дельта Найшуля).

2.2.2. В целом усложнение образа жизни (расплата за технический прогресс). При этом прежние стереотипы социального поведения и приспособления теряют адаптивность. Отсюда проистекает, особенно для молодежи и лиц среднего возраста («потерянное поколение») утрата жизненных ориентиров и отчасти - моральных принципов.

2.2.3. Результатом (2.2.1) и (2.2.2) на индивидуальном уровне становится ломка стереотипов (новые вступают в противоречие с традиционными), дезориентация и нарушение адаптации (особенно для старшего поколения), на социальном уровне - иррационализация массового сознания (по Г. Тарду и В. Райху), или «эпидемия иррациональности» (Сандомирский, 2006).

2.2.4. Еще одним фактором является рост неопределенности будущего из-за «непрозрачности» социально-экономической системы и ее перспектив. Поскольку подобная неопределенность является значимым источником стресса, происходит рост тревожности и потеря уверенности в завтрашнем дне.

2.2.5. Следствием становится стремление жить сегодняшним днем, отсутствие долгосрочных целей (краткосрочный гедонизм) - и как следствие, «потребительский бум».

2.2.6. В целом описываемое развитие в постсоциалистических государствах т. н. «массового» общества протекает парадоксальным образом - не прогрессивно, а регрессивно (особенно в варианте вестернизации). Формирующееся общество становится более инфантильным, а

усваиваемые массами социокультурные стереотипы становятся образцами для некритичного подражания, заменяя символические фигуры «родителей».

2.2.7. Повышение уровня материального благополучия населения, наблюдавшееся в докризисный период в развитых странах Запада с 90-х гг., а в России и других относительно экономически успешных постсоветских государствах - с начала «нулевых», в современных социальных реалиях также стимулировало рост инфантильности, снижая уровень требований, предъявляемых обществом к индивиду, минимизируя усилия, затрачиваемые им для социальной адаптации в случае, если он довольствуется минимальным (или близким к таковому) прожиточным уровнем. Это известная общая закономерность: повышение уровня жизни способствует инфантилизации населения (Семенова А.; Сандомирский М.Е.) В США эта закономерность описана как «возрастание иррациональности» населения, связанное с образом жизни (Сакс Д., 2012).

2.2.8. Итогом описанных процессов становится:

- уход от реальности (эскапизм, фанатизм),
- утрата жизненных идеалов, ценностей (дезориентация, аномия)
- утрата смысла жизни и его низведение до примитивных потребностей (нигилизм, редукционизм).
- Отсюда же - эмоциональная нестабильность, рост социально-стрессовых расстройств (доклинических), нарушений адаптации, тревожных и депрессивных расстройств (клинических), как основа социальных эпидемий (Сандомирский М.Е., 2011).

2.3. Экономические факторы

2.3.1. Затяжной глобальный экономический кризис, следствием которого становятся депрессивные ожидания

2.3.2. Социально-экономическое расслоение, связанное:

а) С дифференциацией уровня дохода, диспропорциональность которого создает значительную социальную напряженность.

б) С различием образа жизни. Часть населения имеет современный уклад жизни (в т.ч. использование мобильной связи, интернета), часть — патриархальный. Причем, чем больше растет первая группа, тем общество становится потенциально нестабильнее.

2.4. Коммуникативно-технологические факторы

Связаны с широким проникновением новых технологий коммуникации, когда интернет (особенно социальные сети и твиттер) становятся по сути «персональными СИИ» нового типа. Взрыв популярности медиа нового типа сравнивают с «социомедийной революцией» (Сандомирский, 2011б). Эффективность «новых медиа» связана с сочетанием:

а) личностных факторов, вовлечение пользователя в индивидуализированную коммуникацию и формирование у него доверия,

б) обезличенных факторов, обеспечивающих расширяющуюся трансляцию информации по принципу цепной реакции.

В результате интернет, в первую очередь социальные медиа, способны становиться «катализаторами» гражданских акций и инструментом мобилизации их участников. Нужно отметить, что во многих постсоциалистических государствах

подверженность общества (население крупных городов, особенно молодежь) социомедийному влиянию и манипулированию массовым настроением растет.

Значительная часть населения в результате влияния описанных факторов (пп. 1, 2) становится более тревожной, склонной к распространению негативных слухов, возникновению эпизодов паники, других негативных массовидных явлений, включая проявления массового неадекватного, деструктивного поведения. Вследствие иррационализации массового сознания, хаотизации его динамики (2.2.1-2.2.3) такое поведение становится непредсказуемым, и соответствующие настроения не отслеживаются с помощью традиционных инструментов социомониторинга (массовых социологических опросов).

В итоге во многих постсоциалистических государствах общество становится более уязвимым для социальных эпидемий: болезненных зависимостей (алкоголизм, наркомания), антисоциального, агрессивного поведения, вовлечения в деструктивные псевдорелигиозные организации, массовых антисоциальных выступлений.

Для противодействия подобным социальным эпидемиям эффективными становятся новые технологии работы с населением, в формате социальной психотерапии и социального предпринимательства (social entrepreneurship). Они предназначены для того, чтобы транслировать традиционное, призванное стабилизировать общество социокультурное содержание в новой технологической форме. Например, в России, согласно формулировке В.В. Путина (2011), «сегодня необходима общенациональная психотерапия, чтобы внушить гражданам страны уверенность

в завтрашнем дне».

В психотерапевтическом контексте задача формулируется следующим образом (Сандомирский М.Е., 2011в): «Огромное количество возникающих у людей психологических проблем вытекает из тех или иных проблемных сторон социальных отношений, из их несовершенства. Проблемы общества отражаются в психологических проблемах его граждан. /.../ И для общества социальная психотерапия важна тем, что она дает потенциальную возможность, помогая отдельным людям в решении их личных проблем,.. работать над решением социально-психологических проблем общества в целом».

На практике подобная задача решается путем массового обучения населения технологиям психологической саморегуляции/ самопомощи (в частности, по методу РОСТ-Ретри) и организации их поддерживающей коммуникации в группах психологической взаимопомощи.

Психологическая взаимопомощь означает, что люди помогают друг другу справляться с психологическими проблемами, душевными кризисами, стрессами, на основе коллективных механизмов психологической защиты (Сандомирский М.Е., 2011) и известных социально-психологических закономерностей функционирования малых групп. Иначе говоря, помогают по принципу «психологического бартера» (опирающегося на психобиологические основы альтруизма): « Я помогаю тебе, ты поможешь мне.» Эти две части помощи могут быть существенно разнесены по времени («я тебе сейчас помогу - и ты мне когда-нибудь поможешь», или «я был в похожей ситуации, мне тогда помогли - и сейчас я могу помочь тебе».)

Оптимальный способ организации психологической взаимопомощи – групповой, поскольку:

А) В обществе увеличивается социальная разобщенность, которая требует компенсации, что оказывается возможным в формате групповой психологической помощи.

Б) Возрастает интенсивность социальных стрессов и соответственно количество людей, которым необходима психологическая помощь, растет при этом опережающими темпами, за счет их группового вовлечения. Массовые и групповые формы психологической помощи оказываются оптимальными в аспекте охвата нуждающегося в этой помощи населения.

В) Эффективность групповой психологической помощи возрастает за счет «психокоррекционного конформизма», когда один человек, нуждающийся в помощи, испытывает на себе позитивное влияние многих участников группы.

С учетом роста т.н. «проникновения интернета» на постсоветском пространстве, а также возрастания роли виртуальных коммуникаций в жизни общества, особую роль для организации массовой психологической помощи приобретает такое психологический краудсорсинг – основа психологической взаимопомощи в интернете, в сетевых сообществах. Фактически, коллективные обсуждения в блогах/ сообществах/ группах/ на форумах способов решения чьих-то личных проблем - не что иное, как психологический краудсорсинг, в основе которого лежит фундаментальный механизм сочувствия, взаимопомощи и взаимной поддержки (социальный инстинкт). Люди общаются в сети для того, чтобы получать и давать

помощь; участие в этом процессе специалистов помогающих профессий, их организационная и консультативная работа в сетевых сообществах повышают эффективность психологической помощи в подобном формате.

Заключение

В России, как и во многих постсоветских государствах, в последние годы (начиная с 2008 г.) протекает затяжной системный кризис, не только экономический, но и социально-психологический. Среди его главных проявлений необходимо выделить:

1) на уровне массового поведения - атомизация общества, социальная разобщенность;

2) на интеллектуальном, мировоззренческом уровне - аномия, утрата жизненных ценностно-смысловых ориентиров;

3) на уровне эмоций - рост тревожности, агрессии и распространенности социально-стрессовых расстройств.

При этом российское общество в целом переживает своего рода кризис «взросления», который можно сравнить с пубертатным возрастным кризисом. (Аналогичные процессы параллельно происходят также во ах.) Одна из его черт - возрастание протестного потенциала, особенно молодежи, на фоне углубления конфликта между поколениями. Это напоминает социальную эволюцию США 60-х годов XX в., когда произошел мировоззренческий раскол поколений и молодежь в массовом порядке проявляла протест против родителей, их консервативного «обывательского» образа жизни. Молодежный протест породил известное социокультурное движение «хиппи».

В современной России конфликт по-

колений трансформируется в протест молодежи против покорности и патернализма «отцов». На самом же деле, в протест против самих себя - протест против собственной инфантильности, социальной зависимости от родителей. И рецепт преодоления этого кризиса - взросление, которое в данном аспекте выступает в первую очередь как сочетание личностного роста, социальной ответственности и сосредоточения на решении личных социальных задач.

Для решения данной задачи предлагается ряд апробированных технологий работы с населением (РОСТ-Ретри), предназначенных для массового обучения основам социально-психологической помощи и взаимопомощи, созданию групп взаимной психологической поддержки.

Литература

1. Баскаков В.Ю. Танатотерапия: теоретические основы и практическое применение. М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2007. – 176 с.
2. Гарт Т.Р. Почему люди бунтуют. Питер, 2005 – 461 с.
3. Гринин Л.Е. «Арабская весна» и реконфигурация мир-системы // Системный мониторинг. Глобальное и региональное развитие. 2001. - Вып. 3
4. http://cliodynamics.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=296&Itemid=1
5. Лебедев И.В. Горизонтальная революция // ЛДПР. 2012. №03 (262). – С. 1-2
6. Лукашенко: Беларусь и впредь будет противостоять революциям через социальные сети
7. <http://belapan.com/archive/2012/05/08/547518/>

8. Наганов В. Болото вместо революции // Новая газета. - № 38 06.04.2012

9. <http://www.novayagazeta.ru/politics/51970.html>

10. Новиков В.В, Козлов В.В, Мануйлов Г.М. Психологическое управление в кризисных социальных сообществах. – М.: ГАЛА, 2009 – 436

11. Оберемко В. Капица С.П. «Революция - она в умах!» (интервью) // Аргументы и Факты. - №10 – 2012 <http://www.aif.ru/society/article/50103>

12. Паутова Л. «Молодые позже начинают жить самостоятельно» Интервью журналу Psychologies. Записала А. Фатеева // Psychologies. - №73, май 2012.

13. http://www.wday.ru/psychologies/roditeli/generations/_article/molodye-pozzhe-nachinayut-zhit-samostoyatelno/

14. Путин В.В. Об общенациональной психотерапии. // Из выступления на заседании Госсовета 26.12.2011 <http://tasstelecom.ru/news/one/7042>

15. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция, М., «Файрпресс», 2006

Сандомирский М.Е. Психосоматика и телесная психотерапия. – М.: КЛАСС, 2005. – 592 с.

16. Сандомирский М.Е. В док.фильме Ген жестокости Т\к Интер, 2007 Продюсеры С. Чемерис, И. Павлюк // <http://www.kinokorol.ru/dokumentalnoe/genzhestokosti.html>

17. Сандомирский М.Е. Поколение Z: те, кто будет после. Интервью // E-xecutive 03.02.2011(a) <http://www.e-xecutive.ru/knowledge/russiantoplist/1450249/>

18. Сандомирский М.Е. Одинокие вместе // Прямые инвестиции. - 2011 (б) - №10 – С. 21-23

19. Сандомирский М.Е. Социаль-

ная и социомедийная психотерапия. // Лекция в Минздравсоцразвития. Апрель 2011 (в), в рамках программы «Здоровая Россия» <http://www.takzdorovo.ru/proflaktika/mark-sandomirskij-sotsialnaya-i-sotsiomediynaya-psihoterapiya>

20. Сандомирский М.Е. Социальная и социомедийная психотерапия // Психотерапия. – 2011. - №10. - Материалы Международного конгресса «Интегративные процессы в психотерапии и консультировании. Психотерапия здоровых. Медиация» Москва 7-9 октября 2011 г. – С. 110-122

21. Сандомирский М.Е. Комментарий в статье: Сигида А. А ВУЗ и ныне там // Мир новостей. - № 17(956). – 17.04.2012 <http://www.mirnov.ru/arhiv/mn956/mn/08-1.php>

22. Сандомирский М.Е. Молодежно-подростковый бунт. Интервью интернет-газете «Взгляд» / <http://vz.ru/society/2012/8/11/592903.html>

23. Сакс Д. Цена цивилизации. - М.: Изд. Ин-та Гайдара, 2012. – 352 с.

24. Семенова А. Взрослые, но дети. Инфантилизм станет главной отличительной чертой людей будущего // Новые Известия, 29.11.2006 <http://www.newizv.ru/society/2006-11-29/59163-vzroslye-no-deti.html>

25. Barrett D. Supernatural stimuli: how primal urges overran their evolutionary. NY, W.W.Norton 2010

26. Meloy J.R. Psychopathic Mind; Origins, Dynamics, and Treatment - A Jason Aronson Book, 1988 - 496 pp.

27. Scott S.L. What Makes Serial Killers Tick? // http://www.trutv.com/library/crime/serial_killers/notorious/tick/psych_6.html

28. Williams C., Seaman D. The Serial Killers: A Study in the Psychology of Violence - London: Virgin Publishing, 1997.

Петренко В.Ф.

ПСИХОСЕМАНТИКА СОЗНАНИЯ КАК ФОРМА КОНСТРУКТИВИЗМА И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МАТЕМАТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ*.

Кардинальные экономические и политические изменения нашего общества и вызванная ими трансформация общественного сознания, неизбежно создают потребность в психологическом осмыслении и рефлексии, происходящих на наших глазах глобальных социальных процессов, и анализа изменений политического менталитета отдельного человека, как субъекта этих процессов. Методом этого анализа автор избрал психосемантический подход.

Ключевые слова: Психосемантика, политическая психология, личность, группа, конструкт, поведение, язык

Annotation

Of the Dramatic economic and political changes of our society and of the transformation

* Исследования проводятся при финансовой поддержке РФФИ № 11-06-00196-а. и № 11-06-12023-офи-м

of public consciousness will inevitably create the need for psychological understanding and reflection is taking place before our very eyes global social processes, and change analysis of the political mentality of the individual as a subject of these processes. By this analysis, the author chose the *psihosemanti eskij* approach.

Keywords: Psychosemantics, political psychology, identity, group, construct, the behavior of the language

Методологические основы психосемантики, как области психологической науки, базируются на философии конструктивизм (Дж. Келли, К. Герген) и близкой к ней концепции постнеклассической рациональности (В.С. Стёпин, В.А. Лекторский), согласно которым в модели, описывающей естественнонаучный объект познания или социальную реальность, а также в модели «потребного будущего» (термин Н.А. Берштейна), имплицитно заложены системы ценностей, мотивов, специфика языка и других инструментальных средств, описания, присущие тому или иному культурно-историческому (термин Л.С. Выготский) состоянию общества. На бытовом уровне эту мысль выразил экс-президент США Бил Клинтон, отметив, что в его распоряжении есть множество специалистов умеющих построить атомную электростанцию, но трудно найти специалиста который толково объяснит ему - надо ли этого делать. Согласно теории систем (фон Бергаланфи, У. Эшби), чем сложнее система, тем большим числом степеней свободы в своём развитии она обладает. Специфика гуманитарного познания заключается в том, что в отличие от естественно - научного познания, где описание объекта познания или открытие новых законов практически не влияют на сам этот объект познания и законы, его описывающие, гуманитарное знание, будучи усвоенным общественным сознани-

ем, по принципу кольцевой причинности влияет на сам процесс, определяя вектор и динамику социального развития. Так идеи К. Маркса о прибавочной стоимости и борьбе за неё социальных классов, будучи усвоенными широкими массами, в значительной мере определили политическую историю 20-го века, или идеи З. Фрейда о бессознательных мотивах и роли сексуальных влечений в социализации формирующейся личности, в значительной мере повлияли на мораль западного общества, «сексуальную революцию», феминизм и художественное творчество.

Согласно теории личностных конструктов Дж. Келли, каждый человек является обыденным или житейским экономистом, зарабатывая, тратя или вкладывая свои деньги в тот или иной продукт; наивным или житейским психологом, так как имеет свою собственную типологию людей и свой стиль общения; житейским правоведом, так как, в отличие от профессионального юриста, не имея точного знания законов, интуитивно чувствует правомочность того или иного своего деяния; житейским искусствоведам так как обладает эстетическими предпочтениями и т.п. Т.е. каждый человек имеет имплицитную, как правило, плохо сознаваемую и плохо рефлекслируемую модель той или иной области человеческого бытия. Как маленький ребенок может прекрасно говорить на своём родном

языке (language performance) не сознавая правила порождения речевого высказывания (language competent), так и обычный человек, обладая «экспертными знаниями» и «имплицитными моделями (термин Дж. Брунера и П. Тагиури) в той или иной содержательной области, как правило, не осознает их категориальную структуру. Выявить последнюю - задача психосемантики. Операциональный аппарат психосемантики восходит к идеям В. Гумбольдта, с его понятием семантического поля, где ставилась задача по «внутренней форме» языка реконструировать «дух народа». С появлением математического аппарата факторного анализа, (Ч. Спирмен, Л. Терстоун, К. Пирсон) стало возможным построение, уже не плоскостных, а многомерных семантических пространств, являющихся операциональной моделью категориальных структур сознания (Ч. Осгуд, Дж. Келли,). Как пишет известный психолог Майк Коул: «Используя методический инструментарий американской психологии, В.Ф. Петренко удалось операционально развернуть идеи Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия на почве российской психологии». Методы психосемантики задействуют респондента не в режиме интроспекции, а в «режиме употребления», в рамках выполнения какой-либо искусственно построенной речемыслительной деятельности. Испытуемый что-либо оценивает, сортирует, выносит суждения о сходстве и различии значений и т.п. В результате порождается матрица (или куб данных), несущая информацию о множестве частных суждений. В то же время, вынося множество частных оценок и суждений, испытуемый пользуется своей имплицитной моделью данной содержательной области, хотя и

не сознаёт ту систему категорий, которой он пользуется. Тем не менее, выявить эту внутреннюю категориальную (латентную структуру) можно с помощью факторного, кластерного анализа, структурного моделирования. Интерпретируя выделенные математические структуры и реализуя вербальную или визуальную герменевтику (Г. Гадамер), мы получаем категориальные структуры сознания, картину мира человека в различных содержательных областях знания и бытия. Операциональной моделью индивидуального и общественного сознания в психосемантике выступают многомерные семантические пространства. Отдельные параметры семантических пространств соответствуют операциональным коррелятам когнитивных структур сознания. Так размерность семантического пространства (число независимых факторов) отражает когнитивную сложность субъекта в некоторой содержательной области. Сознание человека гетерогенно и человек может быть когнитивно сложен в одной области (например, в знании марок автомобилей и иметь низкую когнитивную сложность, скажем, при восприятии визуального искусства. Когнитивно сложным в области межличностного восприятия и когнитивно простым, скажем, в области политики. Мощность выделяемых факторов (вклад фактора в общую дисперсию) отражает субъективную значимость данного основания категоризации для субъекта и связана с его мотивацией. Наконец, размещение объектов в семантическом пространстве раскрывает индивидуальные значения, установки и личностные смыслы испытуемого, выступающие своего рода ориентировочной основой для эмпатии, вчувствования, понимания ис-

следователем картины мира респондента. В наших психосемантических исследованиях реконструируются картины мира респондентов в области политического, этнического и религиозного сознания, а также изучаются измененные формы сознания, гипноз и медитация. Цикл наших исследований посвящен также изучению восприятия визуального искусства, методом построения невербальных семантических пространств. Размеры статьи позволяют дать обзор психосемантического подхода применительно только к одной области знания. Пусть это будет политическая психология.

Политическая психосемантика

Человек - существо не только прагматичное, стремящееся максимально удовлетворить свои индивидуальные желания и потребности; не только социальное, стремящееся занять достойное место в обществе, где область «моего я» распространяется и на ближайшее окружение (родителей, детей, друзей, коллег по работе; на мой город, мою страну), но и символическое, живущее в мире языка, знаков, символов, где помимо экономической и политической борьбы за ресурсы и влияние, идет еще конкуренция в метальном семиотическом плане за доминирование значимых символов и представлений, за собственную трактовку и интерпретацию исторических событий, словом, ведется идеологическая борьба за доминирование собственной картины мира того, или иного индивидуального или коллективного субъекта. Наконец, человек еще и существо трансцендентальное, стремящееся выйти за рамки собственного «я», и обрести смысл своего конечного бытия, соотносясь с чем – то

вечным; служа, работая ради чего-то непреходящего, выходящего за рамки собственной жизни. Мое индивидуальное «я» через идентификацию с историей моей семьи, рода, страны, через идентификацию с профессией, наукой, искусством, которые могут восприниматься как форма служения чему-то вечному, непреходящему, обретает смысл собственного существования. Наконец, религиозная вера (и не только религиозная), как показывает история человечества, является наиболее апробированным путем обретения смыслов существования как единичного человека, так и человечества, дает множество символов, выступающих нравственными ориентирами человека в мире. В этом плане для изучения политики того или иного государства, прогнозирования его развития и места в мировом сообществе, важен не только экономический и политический анализ его ресурсов, оценка его военной мощи, состояния социальной сферы (образования, культуры, медицины), но и (тесно связанная с последней) оценка состояния общества в духовной сфере, его пассионарность (в терминах Л. Гумилева), степень доверия в обществе, степень милосердия к нуждающимся, в его опеке и поддержке. Иными словами, «состояние умов», «качество населения», «социальный капитал» и «ментальный ландшафт», «общественные установки» и «национальные отношения», «религиозная веротерпимость» и «толерантность общества», - необходимые компоненты в политическом прогнозе развития того или иного государства. Эти аспекты «ментального картографирования» составляют предмет области, известной под названием «Психосемантика сознания» или «Психосемантика ментальности».

Для того, чтобы функционировали политические и экономические институты, необходимы определенные типы сознания людей, реализующих экономическое и политическое поведение. Например, для того, чтобы существовало феодальное общество, необходимы феодалы, имеющие свои представления об отношениях вассала и сюзерена, о долге и чести рыцаря; крестьяне, имеющие свое отношение к земле и труду, погруженные в мир представлений сельской общины и ее традиционный уклад; и, наконец, необходима некая религиозная идеология, синхронизирующая взаимодействие различных сословий.

Для того, чтобы существовало социалистическое общество советского типа (эпохи «развитого социализма»), необходима особая форма «двоемыслия» (Дж. Оруэлл) или «кентаврического сознания» (М. Мамардашвили), где нормы поведения граждан определяются не декларируемыми и конституционно закрепленными в конституции правами, а некими негласными правилами, нарушение или даже попытка обсуждения которых каралась инквизицией двадцатого века – спецслужбами НКВД, КГБ. Специфика сложной семиотической игры декларируемого и реально действующего породила специфический тип еретика-правозащитника, ориентированного в своей правозащитной деятельности именно на соблюдение конституционных прав граждан.

Помимо социальных представлений (в терминах С. Московичи), в механизм социального взаимодействия входят и эмоциональные состояния. Например, чувство религиозного воодушевления во времена крестовых походов; эсхатологические ожидания близкого конца Света в

Византии накануне первого тысячелетия, или доминирующее чувство страха во времена разгула инквизиции в средневековье или в современном тоталитарном обществе.

Современная Западная Европа и Северная Америка, коммунистический Китай и Черная Африка, Арабский Восток и Индия отличаются не только и не столько промышленными технологиями и обликами городов, которые в условиях глобализации имеют тенденцию к стандартизации, сколько системой ценностей и картиной мира людей, их населяющих. Множество аспектов бытия определяют национальную психологию и картину мира народов тех или иных государств, тех или иных регионов. Это и географические (север/юг, климат, ландшафт, наличие водных артерий, плодородие почв, наличие природных ископаемых и т.п.), геополитические (расположение государства, наличие естественных преград для вражеского вторжений, транспортные коммуникации и т.п.), а главное, - история, культура и религия этого государственного образования.

России же, по меткому выражению, - «страна с непредсказуемым прошлым», где за одно прошлое столетие трижды кардинально менялась идеология, экономическая и социальная политика. В результате разные социальные, возрастные, этнические, религиозные и региональные слои населения, вобрав в себя противоречивые ценностные установки различных исторических эпох России (от монархического православия и тоталитарного мировосприятия «гомо советикуса» до авторитаризма «управляемой демократии» и либерторианских идей в экономике), представляют собой «вави-

лонское смешение народов». Не меньший хаос или феномен «кентаврического сознания» присутствует и в голове среднестатистического россиянина. По нашим исследованиям (Петренко, Митина «Образ экономической и политической реформы в сознании россиян», 1997), только четверть населения имела более или менее непротиворечивые политические установки, совпадающие с идеологией имевшихся на то время политических партий. Большая часть населения демонстрировало синкретическое мышление, в котором желание рыночной экономики и выборности власти соседствовало с ностальгической тоской по «сильной руке» и требованием государственного регулирования цен.

В условиях колоссальной неоднородности общества и его крайней дифференциации не только по экономическому статусу, но и по мировоззрению и политическим, ценностным установкам (что с одной стороны чревато возможностью социального взрыва, но с другой - обеспечивает, исходя из «принципа необходимого разнообразия» Эшби, возможность динамических трансформаций), чрезвычайно важной становятся проблемы терпимости (толерантности), достижения консенсуса и доверия друг к другу отдельных социальных, национальных и религиозных групп, проблема доверия общества к институтам власти, к экономическим институтам и институтам суда и права. Как показали исследования лауреата Нобелевской премии по экономике, американского психолога Дэниела Канемана (2006), психологические установки, прогнозы и ожидания, а также доверие населения к экономическим институтам и органам власти влияют на состояние эко-

номики не в меньшей мере, чем ее, собственно, «объективные» детерминанты.

Политическая психология, предмет, задачи.

Кардинальные экономические и политические изменения нашего общества и вызванная ими трансформация общественного сознания, неизбежно создают потребность в психологическом осмыслении и рефлексии, происходящих на наших глазах глобальных социальных процессов, и анализа изменений политического менталитета отдельного человека, как субъекта этих процессов. Ответом на этот социальный запрос стало появление практически новой для отечественной психологической науки – политической психологии (см. Шестопап, 1988; Петренко, Митина, 1991; Юрьев 1992; Дубов, Пантелеев, 1992; Шмелев, 1992; Лебедева, 1993; Егорова-Гантман и др., 1993; Дилигенский, 1994; Гозман, Шестопап, 1996; Назаретян, 1998; Ольшанский, 2001).

Предметом политической психологии, по мысли Е. Шестопап, выраженной в «Психологическом словаре» (под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко, М., 2003), следует считать «двухсторонний процесс влияния психологических факторов на политическое поведение и политические действия – на психологические состояния» (Шестопап, 2003, с.392). «Политическая психология – продолжает она – исследует широкий круг проблем как внешней политики (психология войны и мира, терроризм, принятие политических решений, этнические и межгосударственные конфликты, взаимное восприятие партнеров по переговорам), так и внутривнутриполитической жизни (мотивация

политического участия в традиционных институтах и новых движениях, дискриминация меньшинств, психология формирования политической идентичности и т.д.)».

Объект «политической психологии» - «политика» - выступает как особая деятельность людей по реализации коллективных интересов одной, сколь угодно большой группы людей (вплоть до государства или группы государств), сотрудничающих или противодействующих интересам другой социальной, этнической или профессиональной группы. Предмет науки, как мы знаем из социальной эпистемологии и науковедения, строится на базе объекта науки, в первую очередь, исходя из особенностей метода и специфики языка данной области знания.

Методы политической психологии заимствуются из психологии личности и теории общения, рефлексивных игр и психотерапии, из синергетики и теории катастроф, психолгвистики и теории дискурса, этнопсихологии и кросс-культурной психологии, теории личностных конструктов и психосемантики. Общим здесь является только размытое и плохо определенное поле «политической деятельности».

В этом плане ситуация в «политической психологии» напоминает положение в советской школе в тридцатых годах прошлого века, когда практиковался так называемый «комплексный подход» в обучении. Комплексность заключалась в том, что на уроках давался последовательно комплекс знаний о некотором объекте. Например, изучается объект «корова». На одном уроке дети изучали, как пишется это слово, на другом - какой продукт она дает, на третьем - к какому

биологическому классу она относится и т.д. То есть организация обучения шла по «объектному», а не дисциплинарному основанию.

Сходное положение мы наблюдаем и в объединениях проблематик политической психологии, в которых рассматривается, например, ситуация политических переговоров и широко применяются методы дискурс- и интен-анализа. Объектом рассмотрения и применения методов контент-анализа могут быть политические декларации, манифесты, тексты соглашения и т.п. Объектом анализа могут быть и сами «высокие переговоры» стороны», особенности их характера, стереотипы поведения и особенности принятия решения, и тогда могут использоваться биографический, психоаналитический методы, методы эмпатийного моделирования (вплоть до наведения гипнотической идентичности) личности другого человека, методы проективного анализа «живого» поведения или его видеозаписи. Идеи Г. Ласуэлла оказали значительное влияние на создание спецслужбами разных стран «психологических портретов» политических лидеров (от Мао Дзе-дуна и Хрущева до Киссенджера и Жириновского).

Другая область политической психологии связана с анализом политических и социальных представлений как конкретных социальных, этнических, религиозных групп населения, участников или контрагентов неких общественных процессов, так и широких масс населения, являющихся электоратом в демократических обществах. Это область изучения политического менталитета общества.

Политический менталитет включает картину мира субъекта, систему ценно-

стей, его политические установки. Провести четкую грань между политическими и иными формами сознания вряд ли представляется возможным. Как выразился, применительно к своему времени, немецкий канцлер О. Бисмарк - «Франко-германскую войну выиграл прусский учитель». Уровень образования, когнитивная сложность населения могут выступать одним из значимых параметров политического сознания или менталитета. Последние два термина для нас скорее синонимичны и, если в философской литературе о содержательном наполнении картины мира принято говорить в терминах сознания, то в психологии, в силу фрейдовского разведения сознательного и бессознательного, уместнее термин «менталитет», включающий как сознательные, так и бессознательные пласты картины мира, политические установки, настроения, стереотипы, имиджи и прочие, плохо рефлекслируемые компоненты политического опыта.

Психосемантический подход в политической психологии.

Психосемантический подход в своей основе восходит к методу семантического дифференциала Ч. Осгуда (Osgood, Susi, Tannenbaum, 1957) и теории личностных конструктов Дж. Келли (Kelly, 1955) и методу репертуарных решёток (Келли, 2000; Франселла, Баннистер, 1987).

В психосемантике операциональной моделью сознания, описывающей категориальную структуру сознания субъекта и личностные смыслы субъекта относительно некоторой содержательной области, выступают субъективные семантические пространства (Петренко, 1983, 1997, 2005). Субъективные семантиче-

ские пространства представляют собой обобщения исходного языка описания, присущего субъекту (респонденту), где первичные дескрипторы (термин лингвистики), шкалы (в терминах Ч. Осгуда) или конструкты (в терминах Дж. Келли) группируются с помощью статистических процедур (факторного, кластерного анализа или методов структурного моделирования) в содержательно более емкие категории-факторы.

При геометрическом представлении категории-факторы выступают осями некоторого n -мерного семантического (как правило, декартового) пространства, а личностные смыслы субъекта, по поводу анализируемых объектов, задаются как координатные точки внутри этого пространства, создавая своеобразную «ориентировочную основу действия» (термин Гальперина) – в нашем случае эмпатического встраивания, «вчувствования» в сознание другого или других. В этом смысле психосемантический подход близок к проективным методам, и, как и последние, чувствителен к проблемам интерпретации, но, в отличие от проективных методов, имеет дело с компактно представленными данными, включающими такие параметры, как когнитивная сложность (число независимых категорий-факторов), перцептуальная сила признака (выражаемая во вкладе фактора в общую дисперсию и отражающая субъективную, связанную с мотивационной сферой, значимость данного основания категоризации категорий-факторов (как взаимосвязь различных оснований категоризации) и т.п.

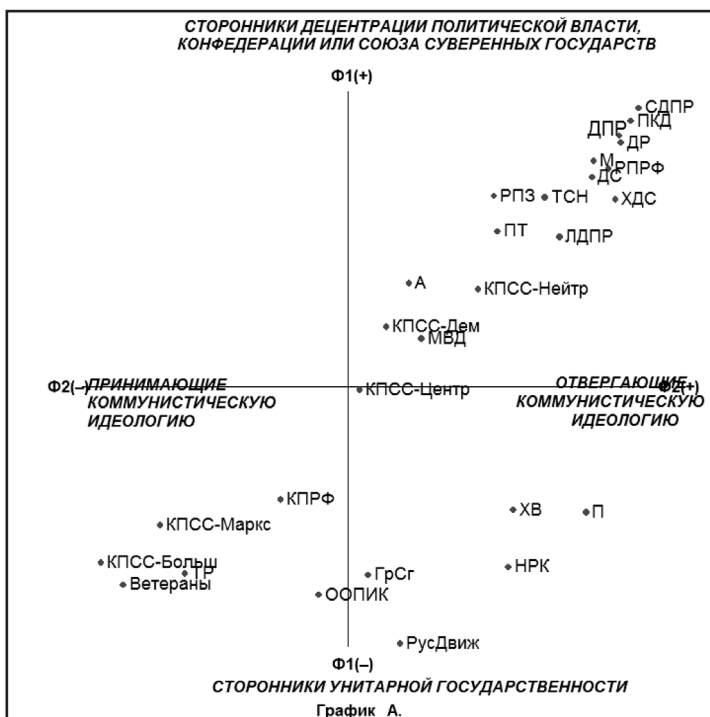
В качестве примера рассмотрим ряд типовых задач в области политической психологии, реализуемых методами психосемантики.

1. Построение семантических пространств политических партий (см.: Петренко, Митина, 1991, 1992, 1997, 2005; Petrenko, Mitina, 1997, 1999).

Для решения этой задачи в качестве дескрипторов (суждений) мы использовали декларации политических партий, фрагменты выступлений известных политических лидеров, выдержки из конституции, документов ООН, ЮНЕСКО и т.п. Респонденты (испытуемые), коими являлся руководящий состав различных партий, выносили свое согласие или несогласие с каждым из суждений из списка, или оценивали то, насколько каждое суждение (обычно несколько сотен дескрипторов) соответствует позиции, представляемой им партией.

Позиции каждой партии представляли не менее десяти респондентов из руководящего состава (а, как правило, несколько десятков респондентов, что зависит как от массовости партии, так и меры открытости ее общественному мнению, прессе, социологическим исследованиям и т.п.), что позволило оценить величину дисперсии в ответах как меру, обратную степени идеологического единства. Факторизация матрицы данных позволяет выделить будущие факторы сходства/различия политических партий, определить размерность политического пространства как показателя дифференцированности политической жизни общества и когнитивной сложности общественного

сознания, а также (проинтерпретировав содержание каждого фактора) выделить ведущие линии социального напряжения. Позиции каждой партии в семантическом пространстве представлены как координатные точки внутри этого политического пространства, и можно определить (через проекцию позиции партии на оси категорий-факторов), насколько в позиции партии выражен тот или иной политический аспект, представленный содержанием фактора. Расстояния между координатами партий в семантическом пространстве обратно пропорциональны сходству их политических установок. Рассмотрим в качестве примера фрагмент семантического пространства (только 2 базисных фактора) политических партий еще не распавшегося СССР накануне ГКЧП 1991 года.

Используя кластерный анализ и обрабатывая ту же самую матрицу данных, (что и в факторном анализе) можно построить дендограммы или кластер-структуры, от-

ражающие группировку партий, исходя из сходства их политических установок, и предсказать, таким образом, их возможные политические альянсы.

Название партии	Лидер	Условное обозначение
Анархисты		А
Российская Партия Зеленых		РПЗ
Социалистическая партия (в 1993 г. Партия Труда)	Б.Кагарлицкий	ПТ
Государство Социалистическо-зародников		ТСН
Демократическая партия России	Н.Травкин	ДПР
Движение	Ю.Афанасьев,	ДР
Демократическая Россия	Г.Старовойтова	
Партия Конституционных демократов (Коллективный член ДР)	В.Злотарев	ПКД
Социал-Демократическая партия России (в 1991 г. коллективный член ДР)	А.Оболенский,	СДПР
Мемориал (Коллективный член ДР)	О.Румянцев,	
Республиканская партия Российской Федерации (Коллективный член ДР)	С.Ковалев,	М
Демократический Союз	Л.Пономарев	
Христианско-демократический Союз России (в 1991 г. коллективный член ДР)	В.Лысенко	РПРФ
Либерально-Демократическая партия России	В.Новодворская	ДС
Коммунисты за Демократию (движение в КПСС)	в 1991 В.Аксюциц	ХДС
Коммунисты нейтралы (эгоистически выбывшие из КПСС после путча в 1991г.)	Г.Якунин	
Слушатели Академии Министерства Внутренних Дел	В.Жириновский	ЛДПР
Сторонники М.Горбачева в КПСС	А.Рущой	КПСС-Дем
Ветераны Второй Мировой Войны		КПСС-Нейтр
Большевистская Платформа в КПСС	М.Горбачев	МВД
Объединенный Фронт трудящихся (В 1993 г. Движение "Трудовая Россия")		КПСС-Центр Ветераны
Марксистская платформа в КПСС (В 1993 г. Российская Коммунистическая Партия)	Н.Андреева	КПСС-Больш
Компартия РФ (Члены КПСС россияне, не одобрявшие политику Горбачева)	В.Анпилов	ТР
Гражданское Согласие	В.Крюков	КПСС-Маркс
Общество охраны памятников (Коллективный член ГрСг)	И.Полозов	КПРФ
Союз "Христианское Возрождение" (Монархическая организация)		ГрСг
Русское движение (Коллективный член ГрСг)		ООПИК
Национальный республиканский совет (Коллективный член ГрСг)		ХВ
Национально-патриотический Фронт "Память"	Д.Васильев	РУСДвиж
		НРК
		П

Семантическое пространство имиджей партий¹

В отличие от предыдущей задачи, где в роли респондентов выступают сами члены (как правило, лидеры) той или иной партии, выступающие носителями идеологии данных партий, в роли респондентов для построения имиджей политических партий выступают рядовые избиратели, наблюдающие политику партий, так сказать, с «внешних позиций». В задачу респондентов (испытываемых) входит оценка списка партий по широкому диапазону шкал-дескрипторов (например, «партия имеет широкую поддержку у населения», «партия отражает интересы мелкого и среднего бизнеса», «пар-

тия пользуется поддержкой президента», «партия – носитель левой идеологии» и т.п.). При такой процедуре оценка партий оказывается более субъективной (чем в первой задаче) и зависимой от политической пропаганды, средств массовой коммуникации, политической рекламы. В отличие от политически более однородных респондентов – членов партий, оценки партий населением («людьми улицы») более разнообразны, их дисперсия выше, и представляется разумным для ряда специфических задач (например, для оценки образа партий различными социальными группами) строить семантические пространства имиджей для однородного контингента респондентов.

¹ См.: Петренко, Митина, 1997; Петренко, 2005.

3. Оценка электоральной мощности политических партий²

Оценка степени поддержки населением той или иной партии осуществлялось с помощью процедуры проекции позиций избирателей на семантическое пространство партий. Каждый респондент отвечал на все те пункты опросника, на которые уже отвечали представители политических партий. Проведя, таким образом, своеобразную политдиагностику, можно найти координаты политической позиции данного субъекта в пространстве политических партий и определить, к какой партии он ближе по своим политическим установкам. Эта процедура, умноженная на число респондентов, дает своеобразное электоральное облако политических позиций населения, что, в свою очередь, позволяет увидеть, вокруг каких

партий наиболее высока плотность избирателей, т.е. определять степень популярности каждой партии у населения, а, используя детерминационный анализ (см. Чесноков, 1982), - построить социально-демографический портрет избирателей данных партий. Как показали наши исследования (Петренко, Митина, 1994, 1997), электоральная плотность партий, определенная методами психосемантики, высоко коррелирует с непосредственными данными парламентских выборов.

Ниже, в качестве примера, приводится двухмерный срез четырехмерного семантического пространства политических партий Казахстана 1992 года, где на пространство политических партий проецируется позиция казахского и русского населения.

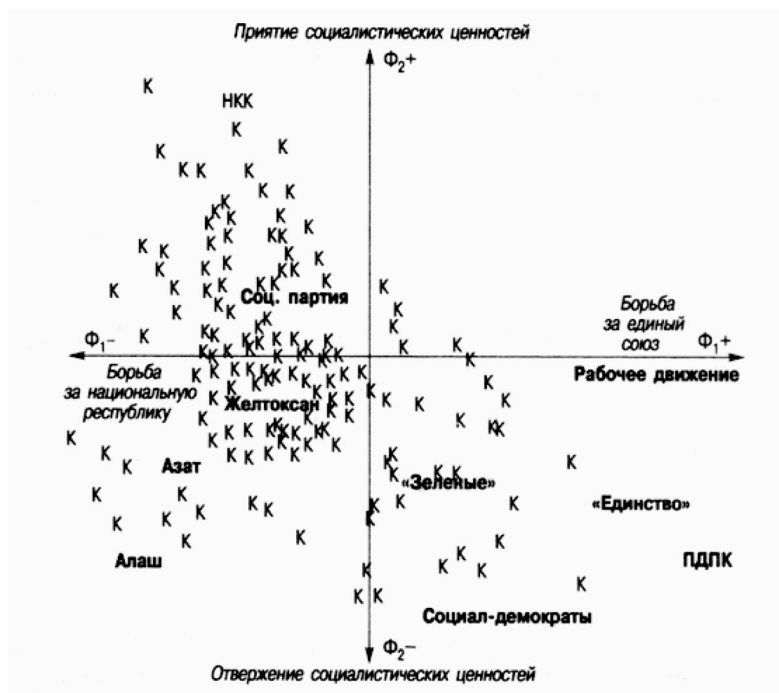

Рис. А.

² См.: Петренко, Митина, 1992, 1997.

Актуальный для политического состояния Казахстана в 1992 году первый фактор, задаёт оппозицию-конструкт: быть ли Казахстану национальным государством казахов, или же всех жителей его населяющих, а также взаимосвязанную с этим проблему интеграции с Россией.

На рисунках А и Б можно видеть как различия в позициях казахского и русского населения, так и плотность скопления электората возле позиции той или иной политической партии³.

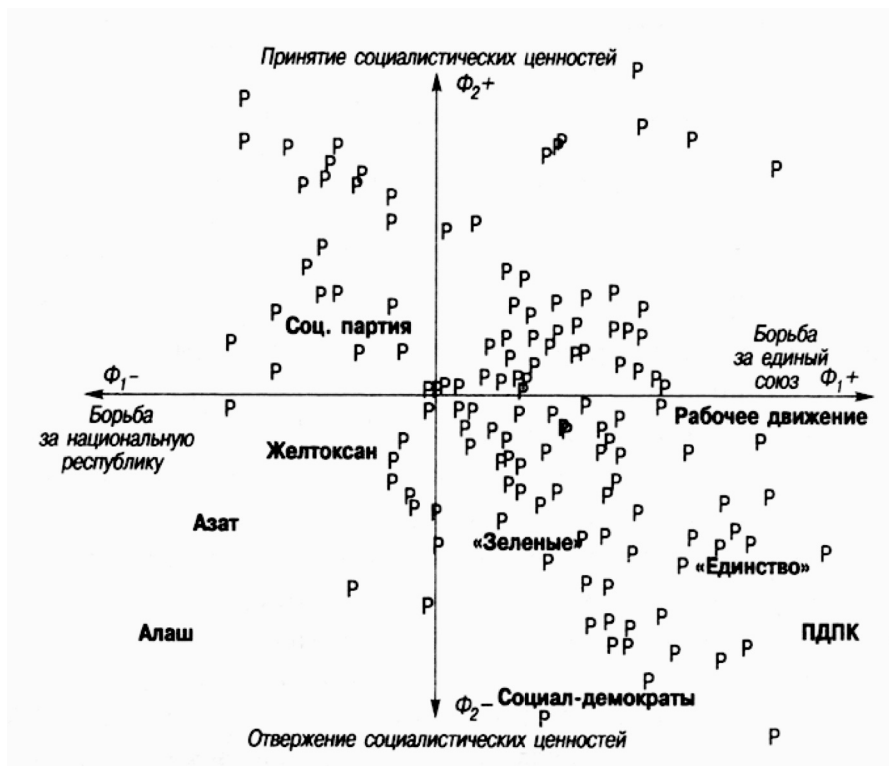

Рис. Б

4. Построение семантического пространства политических лидеров⁴.

Это также является типовой задачей психосемантического подхода к политической психологии, позволяющей проводить исследование многомерного (в отличие от социологии) рейтинга политических и общественных деятелей. По

результатам оценок по множеству шкал-дескрипторов тех или иных политических фигур, проводится факторный анализ или процедуры структурного моделирования, и строится многомерное семантическое пространство. Позиции политиков задаются координатами внутри этого пространства, а их проекции на оси факторов

³Примечание к рисунку: буквой к или р - жирной обозначаются более пяти респондентов, занимающие сходные позиции.

⁴ Петренко, Митина 1997, 2002; Петренко 2005, 2010.

5. Выделение типологии политического менталитета населения

Типовое построение семантического (в нашем случае - политического) пространства подразумевает факторизацию (кластеризацию, применение метода многомерного шкалирования, структурного моделирования и т.п.) двухмерной матрицы данных. Полученное на основе групповых данных семантическое политическое пространство отражает позиции людей, стоящих на совершенно разных политических позициях. Построение таких общегрупповых пространств (на основе репрезентативных выборок), отражая настроения в обществе, позволя-

ет осуществлять эвристический прогноз парламентских или президентских выборов, но, с методологической точки зрения, соответствует скорее «среднегрупповой температуре по больнице».

Этот же методологический упрек может быть отнесен и социальной процедуре оценки рейтинга политических лидеров, учитывающей сторонников, но не позицию людей, отвергающих этих лидеров. Процедура семантического многомерного рейтинга (Петренко, 2002, 2003, 2005; Петренко, Митина, 2004) дает, на наш взгляд, более адекватную оценку рейтинга лидеров. Для широкого круга социально-психологических и социально-

политологических исследований важно изучать не усредненное мнение населения, а политические идеи (идеологемы), политические конструкты, распространенные в обществе. Ставится задача построения политической типологии населения, выделения типов политической ментальности. Для решения этой задачи мы обращаемся ко всей базе данных (а не к двумерной матрице), образованной тремя переменными:

- шкалы-дескрипторы;
- объекты анализа;
- респонденты.

Такая база данных представляет собой куб (вернее, параллелепипед) данных, и для решения ряда задач с использованием многомерной статистики можно проводить сечение этого куба по разным основаниям: по испытуемым, по объектам, по шкалам (см. подробнее - Петренко, 1997, 2005). Для решения этой же задачи построения типологии политического менталитета нами (Петренко, Митина, 1997) разработан алгоритм, где политическая позиция респондента представлена единой атрибутивной матрицей, и последующая факторизация (по испытуемым) матрицы сходства матриц позволяет выделить группировки респондентов, имеющих сходные политические установки. Дальнейшее построение семантических пространств для политически однородных групп респондентов позволяет выделить когнитивную сложность политического сознания этих респондентов, а, проведя содержательную интерпретацию факторов, описать политические идеологемы и конструкты, присущие этим людям. Использование основанного на теории множеств детерминационного анализа (Чесноков, 1982; Петренко, Ми-

тина, 1997; Петренко, 2002) позволяет составить социально-демографический портрет респондентов (электората) – носителей того или иного политического менталитета.

6. Анализ динамики политического менталитета

Он необходим для предсказания развития политических процессов, происходящих в обществе, целенаправленного выбора «модели потребного будущего» (термин Н. Бернштейна) из сценарного веера возможных и осознанных действий по элиминации нежелательных сценариев развития. Тем не менее, описание «живого движения», эволюции и развития системы – одна из наиболее сложных методологических проблем науки. Как полагает Анри Бергсон, научные методы анализа динамических процессов способны дать только синхронические (фотографические, в терминах Бергсона) срезы процесса.

Для описания политической жизни общества методы психосемантики (как и любой лонгитюд в психологическом исследовании) позволяют получить серию синхронических срезов политического процесса (в нашем случае, в форме семантических подпространств), и встает вопрос, как от синхронических срезов перейти к описанию динамики. Проблема усложняется еще и тем, что со временем меняется не только менталитет, но и самое общество. Меняется политический контекст (дискурс), на передний план выступают новые проблемы, и, строя семантические пространства, релевантные времени, исследователь использует новые дескрипторы, а подчас, вводит в исследование новых политических субъ-

ектов (государства, политические партии, политические персоналии).

Задачу установления генетической взаимосвязи семантических пространств, отражающих менталитет общества в различные временные этапы, мы решаем, устанавливая коррекционно-факторные связи дескрипторов в предположении малой изменчивости идеологии партии (т.е. объектов) на достаточно малом интервале времени, а затем в объединенном пространстве дескрипторов описываем динамику самих объектов анализа с помощью аппарата разностных дифференциальных уравнений. Психосемантика нелинейных динамических процессов находится еще в стадии развития, и нами делаются попытки использования аппарата синергетики и теории диссипативных структур для описания динамики менталитета общества (см.: Митина, Петренко, 1996; Петренко, Митина, 1997, 2003; Abraham, Mitina, Petrenko, 2000; Petrenko, Mitina, 1999, 2003).

7. Анализ геополитических представлений населения

Он позволяет увидеть (и оценить) внешнюю политику государства глазами его граждан. Вместе с советской идеологией ушло в прошлое (но осталось у старшего поколения на уровне установок), деление стран мира на социалистические, капиталистические и развивающиеся («страны третьего мира»). Российское общественное сознание мучительно ищет свою новую геополитическую идентичность, свое место в содружестве государств (см. – Солженицын, 1994). На смену идеологического родства (подпитываемого многомиллиардными невозвратными займами и поставками оружия)

пришли прагматические внешнеполитические отношения, согласно известному принципу Черчилля - «в политике нет постоянных друзей, а есть постоянные интересы». В этом контексте представляется интересным, а для поддержки внешнеполитического курса важным, анализ представлений населения о геополитической карте мира; анализ образов (имиджей) различных стран; оценка степени дружелюбности по отношению к России и её гражданам со стороны правительств и граждан этих стран и, наконец, анализ автостереотипов, т.е. анализ образов России и ее населения в восприятии (глазами) самих российских граждан.

В психологической науке проблеме этнических ауто- и гетеростереотипов посвящено огромное количество исследований фаворитизма и этноцентризма (Дробижева, Аклаев, Солдатова, 1996; Лебедева, 1997; Berry, 1990; Taifel, Turner, 1986; Triandis, 1994). Значительно менее представлены (по крайней мере, на материале российского менталитета) исследования стереотипов восприятия стран-субъектов международной политики, так же как и исследования той системы категорий, через призму которой осуществляется восприятие и оценка этих стран. Эта задача решается путем построения семантических пространств (см. Петренко, Митина, Бердников, Кравцова, Осипова, 2000; Петренко, Митина, Корицкий и др. 2009; Петренко, 2005; Petrenko, Mitina, 2003), где объектами оценок по множеству дескрипторов, (характеризующих уровень развития экономики, культуры, политических свобод и демократических принципов, состояние вооруженных сил, религиозность общества и т.п.) выступают имиджи стран (их

авто- и гетеро-стереотипы). Специфика психосемантической картографии геополитического пространства (мира, Европы, СНГ и т.п.) заключается в том, что путем наложения субъективных семантических пространств на географические карты, мы получаем визуальные геополитические пространства, где, раскрашивая эти карты по степени выраженности того или иного фактора, мы получаем визуально читаемый, целостный образ России в содружестве стран (по тем или иным экономическим и политическим аспектам), в частности, и например, карты толерантности, дружелюбности по отношению к России окружающих её государств.

Литература

1. Гозман Л.Я., Шестопал Е.Б. Политическая психология, Ростов н/Д., 1996.
2. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М., 1994.
3. Дубов И.Г., Пантилеев С.Р. Восприятие личности политического деятеля. //Психологический журнал. 1992. №6. С.25-33.
4. Егорова Е.В. и др. Политиками не рождаются. Как стать и остаться эффективным политическим лидером. М., 1993.
5. Лебедева М.М. Вам предстоит переговоры. М., 1993.
6. Митина О.В., Петренко В.Ф. Синергетическая модель динамики политического сознания. //Гуманитарная наука в России: соросские лауреаты. М., 1993.
7. Митина О.В., Петренко В.Ф. Моделирование динамики общественного сознания. //Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. Ломоносова. М., 2002. С.236-257.
8. Митина О.В., Петренко В.Ф. Использование систем дифференциальных

уравнений малой размерности с нелинейной правой частью для изучения психологических процессов. //Синергетика. По материалам круглого стола: Сложные системы: идеи, проблемы, перспективы. Т.5. М., 2003. С.276-290.

9. Митина О.В., Петренко В.Ф. Построение многомерного рейтинга политических лидеров. // Моделирование в социально-политической сфере. М., 2004. С.85-94.

10. Ольшанский Д.В. Основы политической психологии. М., 2001.

11. Назаретян А.П. Политическая психология: предмет, концептуальные основания, задачи. // Общественные науки и современность. 1998. №1. С.154-162.

12. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. М., МГУ, 1988

13. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. Изд. «Питер», Спб., 2005

14. Петренко В.Ф., Митина О.В. Семантическое пространство политических партий. //Психологический журнал. 1991. №6. С.55-77.

15. Петренко В.Ф., Митина О.В., Шевчук И.В. Социально-политологическое исследование общественного сознания жителей Казахстана. //Психологический журнал. 1992. №1. С.53-88.

16. Петренко В.Ф., Митина О.В. Психосемантическое исследование политического менталитета (Россия 1991-1993). //Общественные науки и современность. 1994. №6. С.42-54.

17. Петренко В.Ф., Митина О.В. Динамика политического сознания как процесс самоорганизации. //Общественные науки и современность. 1995. №5. С.103-115.

18. Петренко В.Ф., Митина О.В.

Психосемантический анализ динамики качества жизни россиян. // Психологический журнал. 1995. №6. С.17-31.

19. Петренко В.Ф. Психосемантический подход к исследованию индивидуального и общественного сознания. // Перспективы развития гуманитарных наук в Московском университете. М., 1996. С.123-136.

20. Петренко В.Ф., Митина О.В. Образ политической и экономической реформ в сознании россиян. // Общественные науки и современность. М., 1997. №4.

21. Петренко В.Ф., Митина О.В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания (на материале политического менталитета). М., 1997.

22. Петренко В.Ф., Митина О.В. Отношение граждан России к реформе и типология политических установок. // Психологический журнал. 1997. №5. С.31-61.

23. Петренко В.Ф. Психосемантика политического менталитета. // Політична культура менталитета демократического суспільства стан і перспективи в Україні. Київ, 1998.

24. Петренко В.Ф., Митина О.В., Бердников К.А. Психосемантический анализ геополитических представлений россиян. // Психологический журнал. 2000. №1. С.49-69.

25. Петренко В.Ф., Митина О.В., Карлицкий И.Н. и др. Образ России глазами россиян и иностранцев. Изд. Московского гум. университета. М. 2009

26. Петренко В.Ф. Язык метафоры в рейтинге политических лидеров. // Социологический журнал. 2002. №1. С.41-47.

27. Петренко В.Ф. Метафора в многомерном рейтинге лидеров. // Журнали-

стика и культура Русской речи. 2002. №1. С.98-107.

28. Петренко В.Ф., Митина О.В. Нелинейная модель в исследовании психосемантики мотивации: синергетическая парадигма. // Синергетические исследования в области гуманитарных и естественных наук. Белгород, 2003. С.291-314.

29. Петренко В.Ф. Психология и политика: конструктивистская парадигма. // Психология и современные направления в междисциплинарных исследованиях. М., 2003. С.378-390.

30. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. Второе, дополненное издание. М.; СПб., 2005.

31. Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М. 2010

32. Чесноков С.В. Детерминационный анализ социально-экономических данных. М., 1982.

33. Юрьев А.И. Введение в политическую психологию. СПб., 1992.

34. Шмелев А.Г. Психология политического противостояния: тест социального мировоззрения. // Психологический журнал. 1992. №5. С.26-36.

35. Abraham E.D., Mitina O., Petrenko V. Construction of System Dynamics from Multivariate Data. // Nonlinear Dynamics in the Life and Social Sciences. / Eds. W. Sulis & I. Trofimova. NATO Science Series. Series A: Life Sciences. Vol.320. IOS Press. 2000. P.325-332.

36. Abraham E.D., Mitina O., Petrenko V. Dynamical cognitive models of social issues in Russia. // International Journal of Modern Physics Physics. Vol. 13. N2. 2002. P.229-251.

37. Kelly G. A. The psychology of personal constructs/ N.Y., 1955

38. Kelly G.A. A theory of personality. The psychology of personal constructs. N.Y., 1963
39. Osgood Ch., Susi C., Tannenbaum P. The measurement of Meaning. Urbana, 1957.
40. Petrenko V, Mitina O, Braun The Semantic Space of Russian Political Parties on Federal and regional Level // Europe-Asia Studies, vol. 47, 1995 N 5 , pp. 835-857
41. Petrenko V., Mitina O. The Psychosemantic Approach to Political Psychology. // States of Mind. American and Post-Soviet Perspectives on Contemporary Issues in Psychology. / Ed. D.Halpern & A.Voicounsky. 1997. New York. Oxford Univer. Press. P.19-48.
42. Petrenko V., Mitina O. Attitudes toward political parties. // The Russian Transformation. / Eds. B. Glad & E. Shiraev. New York: St Martin's Press. 1999. P.179-198.
43. Petrenko V., Mitina O. A Psychosemantic Analysis of the Dynamic of Russian Life Quality (1917-1998). // European Psychologist. 2001. Vol.6. №1. P.1-14.
44. Petrenko V., Mitina O. Russian's Representations of Geopolitical Space. // European Psychologist. 2003. Vol. 8. №4.

Сведения об авторах:

Абдулаева Анна Владимировна – магистр психологии, соискатель кафедры социальной и политической психологии ЯрГУ им. П.Г.Демидова (Караганда, РК)

Артемьева Ирина Геннадьевна - аспирантка кафедры социальной и политической психологии ЯрГУ им. П.Г.Демидова (Ярославль)

Клюева Надежда Владимировна – доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой консультационной психологии Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова, директор Центра корпоративного обучения и консультирования (Ярославль)

Козлов Владимир Васильевич - президент Международной Академии Психологических наук, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической психологии ЯрГУ им. П.Г.Демидова (Ярославль)

Костылева Анна Андреевна - кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии ФГБОУ ВПО «Курганский государственный университет»

Костылев Евгений Николаевич - кандидат философских наук, доцент

Лебедько Владислав Евгеньевич - психолог, культуролог, создатель (в 1992г.) направления в краткосрочной групповой психотерапии и личностного роста «Магический Театр» и ряда психотехнологий и технологий социального дизайна, Ph.D., профессор и заведующий кафедрой МТ и Архетипических Исследований Международного Университета Фундаментального Обучения (Санкт-Петербург)

Морогин Владимир Григорьевич - профессор кафедры общей и клинической психологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, доктор психологических наук, профессор (Абакан)

Мазиллов В. А. – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, академик МАПН (Ярославль)

Морогина Карина Викторовна - научный сотрудник Научно-образовательного центра экспериментальной психологии личности Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (Абакан)

Петренко Виктор Фёдорович - доктор психологических наук, член-корреспондент РАН, профессор МГУ, зав. лаб. ИСА РАН, академик МАПН (Москва)

Сандомирский Марк Евгеньевич – кандидат медицинских наук, докторант кафедры социальной и политической психологии ЯрГУ им. П.Г.Демидова, психотерапевт, сотрудник Институт групповой и семейной психотерапии (Москва)

Смагулов Болат Советович – кандидат психологических наук, президент акционерного общества «Национальная компания «Kazakhstan Engineering» (Астана, РК)